Кир

БУЛЫЧЕВ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Гай-до
Кир Булычев

Аннотация
Кир Булычев. Гай-до
Гай-до и его госпожа
На планете пять-четыре
Исчезновение Ирии Гай
Нужен космический корабль!
Свалка в Сахаре
Разумный корабль
Гай-до рассказывает
Сад под Вроцлавом
Самоубийца
Я с вами не полечу!
Фестиваль на Гавайях
Два зайца
Полет с происшествиями
Неуютная планета
Поход
Палата в цветочках
Ирия Гай ищет мужа
Вечный юноша
Нельзя бояться пауков
Встреча старых друзей

В ожидании Алисы
Бой в темном туннеле
Стой, мы свои!
Рассказ императрицы
Грозная Ирия
Разоблачение Зовастра
Что же ты натворила?
Перед гонками
Гонки
Победа и поражение

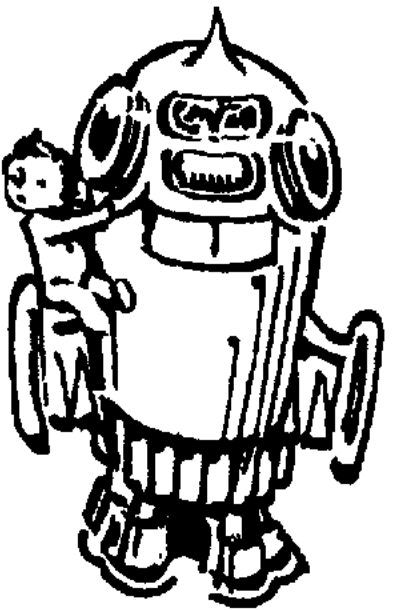
Аннотация

Из этой книги читатели узнают о путешествии Алисы и ее друзей на планету Ког.

Кроме того, вы познакомитесь с разумным корабликом по имени Гай-до и совершите опасное путешествие на планету Пять-четыре.

Кир Булычев
Гай-до

Гай-до и его госпожа



В нашей Галактике много планет, где обитают разумные существа. Большинство из них — люди.

Другие — похожи на людей. Третьи — похожи на что угодно, только не на людей.

Как-то директор московского Космического зоопарка профессор Селезнев взял свою дочь Алису на конференцию космозоологов. Там собрались ученые с 342 планет.

Сам зал заседаний был устроен необычно. Амфитеатр занимали люди и подобные им создания. По крайней мере, настолько подобные, что могли сидеть в креслах или на полу.

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде. Балконы были превращены в аквариумы, и там находились делегаты, которые дышат метаном, аммиаком и другими газами. А под самым потолком реяли и порхали летающие делегаты.

Порой космозоологи отлично понимали друг друга, а иногда начинали так отчаянно спорить,

что Алисе становилось страшно — а вдруг они пустят в ход все свои зубы, когти, щупальца, иглы и клювы? И начнется первая зоологическая война.

Но до войны дело не дошло.

На конференции был делегат и с планеты Вестер. Алиса его не заметила, потому что жители планеты Вестер не отличаются от землян. Только глаза у них сиреневые, а на ногах шесть пальцев.

Если бы Алиса тогда знала, какую роль сыграет планета Вестер в ее жизни, она бы, конечно, подошла к профессору с Вестера и спросила бы, не знаком ли он с изобретателем Самаоном Гаем. А профессор бы ответил, что тысячу раз видел изобретателя, так как живет в соседнем доме и может рассказать много интересного о самом Самаоне и его дочке Ирии.

...Самаон Гай жил на окраине города в отдельном обширном доме, большую часть которого занимали лаборатория и мастерская. Гай работал один. Его звали в институты, предлагали конструкторское бюро. «Нет, — отвечал он, — когда рядом со мной чужие люди, я не могу думать. — И добавлял: — Вот родится у меня сын, я выращу себе помощника, и мы вдвоем построим такой корабль, что вся Галактика ахнет».

Самаон мечтал о сыне. Он ему придумал имя Ирий, что означает «солнечный». Самаон заранее покупал сыну игрушки, инструменты и приборы, чтобы тот, как родится, сразу занялся делом. Над мастерской он построил комнату для сына, в которой все, от гимнастических снарядов до ма-

ленькой лебедки и миниатюрной штанги, сделал собственными руками.

И тут случилась неожиданность: жена Самаона родила ему дочку. Нормальную, здоровую, веселую дочку. Но дочку!

Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала, потому что никогда его не любила. Так он ей и сказал. Правда, после того, как два месяца вообще с ней не разговаривал.

За эти два месяца Самаон Гай решил, что еще не все потеряно. Если у него нет сына, то он сделает сына из дочери. Он назвал дочь Ирией, что значит, как вы уже догадались, «солнечная», потом отнял ее у матери и переселил в комнату над мастерской. Самаон сам растил и воспитывал дочь, никого к ней не подпуская. Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с девочками. Зато с раннего детства Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями.

Мать Ирии редко видела свою девочку. Ей раз-

решалось только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного». И нет ничего удивительного, что мать Ирии скоро умерла. И тогда уж ничего не могло остановить отца.

Ирия не подозревала, что существует другая жизнь, в которой девочки не поднимают штангу, не прыгают с крыши на землю, не водят гоночных автомобилей и не занимаются боксом. Она была уверена, что так живут все девочки Вселенной.

Понемногу отец учил Ирию и ремеслу конструктора космических кораблей. Разумеется, трудно построить в мастерской настоящий корабль — обычно Самаон Гай делал только макеты, но его макеты были настолько хороши, что многие заводы были рады заполучить макет и сделать по нему большой корабль.

Когда Ирии исполнилось десять лет, она была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы подстрижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы

она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына. А если добавить, что у нее была такая великолепная память, что она знала наизусть всю таблицу логарифмов и могла в две секунды извлечь корень шестой степени из десятизначного числа, выучила наизусть все учебники и бегала стометровку быстрее десяти секунд, то можно согласиться с Самаоном Гаем, что ему повезло.

В доме Самаона Гая не было радио и телевизора. Ирия даже в университет не ходила. Профессора читали ей лекции дома. Самаон выбирал самых старых профессоров, которые не думали ни о чем, кроме своей науки.

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты, сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет

советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и, кроме обыкновенных двигателей, иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми ворчливыми профес-

сорами.

И вдруг случилось несчастье.

Самаон Гай срочно выехал в город, чтобы получить на заводе навигационные приборы, но по дороге попал в автомобильную аварию. За те месяцы, что он не выезжал на улицу, в городе левостороннее движение сменили на правостороннее. И единственным автомобилистом, который об этом не подозревал, был изобретатель Самаон Гай. Он врезался в грузовик и погиб.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

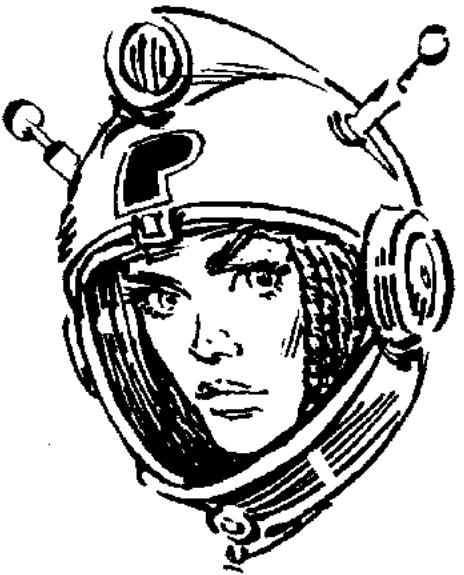
Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное

— он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Геологи, археологи, палеонтологи, экологи и ботаники планеты Вестер были в восторге от кораблика и просили сделать для них еще один. Но Ирия знала, что повторить Гай-до никто никогда не сможет — в него была вложена жизнь ее отца и часть ее собственной жизни. Поэтому, чтобы никого не расстраивать отказом, Ирия сказала, что сначала потребуются летные испытания.

Летные испытания не так уж были нужны — Гай-до и без них мог делать все, что нужно. Но неожиданная шумиха вокруг кораблика очень испугала и утомила Ирию. Она поняла, что отвыкла от людей и не знает, как себя с ними вести.

Ирия загрузила корабль всем необходимым для долгого путешествия, договорилась с геологами, что обследует для них несколько планет в пустынном секторе Галактики, и улетела.



Целый год они летали от планеты к планете. Много сделали интересных открытий, много повидали, но постепенно Гай-до начал замечать, что его госпожа невесела. Как-то вечером она спросила его:

— А что дальше?

— Дальше? — удивился корабль. — Дальше мы

будем лететь от звезды к звезде и обследовать планеты.

— А дальше? — спросила Ирия.

— Я тебя не понимаю, — сказал корабль. — Очевидно, со временем мы с тобой состаримся и умрем. Так бывает со всеми людьми и кораблями. Это тебя печалит?

— Нет, не это. Меня печалит, что я не понимаю, зачем мы летаем?

— Чтобы принести пользу науке, — ответил корабль. — Вспомни своего отца. Вот кем надо гордиться. Он всю жизнь посвятил работе и в результате создал меня.

— Тебя он даже и не увидел, мою маму уморил, себя загнал до смерти, а меня изуродовал.

— Что ты говоришь, госпожа! — закричал кораблик. — Ты же самая сильная и мужественная женщина во Вселенной!

— Именно это меня и огорчает, — ответила Ирия, и кораблик ее не понял. Но замолчал, потому что когда у Ирии было плохое настроение, то и у корабля портилось настроение. К сожалению, с каждым днем это случалось все чаще.

На планете пять-четыре

Им осталось обследовать всего одну планету. И потом надо будет возвращаться домой. Но ни Ирия, ни кораблик не знали, хотят ли они этого.

В таком настроении они подлетели к последней планете. Названия у нее не было. Только номер. 456–76–54. Они могли бы сами ее назвать. Тот, кто первым обследует планету, имеет право дать ей имя. Но планета оказалась такой негостеприимной и даже некрасивой, что им и называть ее не хотелось. Между собой они называли ее Пять-четыре. А это, разумеется, не имя для настоящей планеты.

На планете извергались тысячи вулканов, а от потухших остались кратеры, порой заполненные горячей водой. Из этих озер поднимались гейзеры или пузыри газа. Порой планету сотрясали землетрясения, отчего вулканы рассыпались, а их обломки и лава покрывали долины. На планете Пять-четыре моря были набиты каменными островами и островками, которые вылезали из них, как ягоды из компота, налитого в блюдце. Реки утыкались в горы, исчезали под землей и

выбивались фонтанами посреди озер. Долин там не было — нельзя же считать долинами россыпи скал, гор и камней. Этот бестолковый, тоскливый мир освещали четыре небольших красных солнца, так что там не было ночи, но и никогда не было светло. Тени от скал и гор метались по камням и лужам в зависимости от того, какое солнце светило сильнее. Живых существ на планете было мало, а те, что были, таились в скалах или в морях, в трепете ожидая очередного землетрясения или извержения.

Эту планету и надо было исследовать Ирии с Гай-до. Составить общую карту, геологическую карту, водную карту, собрать образцы минералов и фауны…

Устраивать наземный лагерь они не стали, а вышли на орбиту. А раз Гай-до никогда не спит, то он работал круглые сутки. Первым делом Ирия приготовила себе бутерброды. Она так привыкла питаться бутербродами, что даже забыла, как выглядит суп.

Тут она услышала голос корабля:

— На этой планете кто-то недавно побывал.

— Почему ты так думаешь?

— Тут вели взрывные работы и даже копали шахты.

— Странно, — сказала Ирия. — По всем справочникам, мы на Пять-четыре первые. Значит, тот, кто здесь побывал, не хотел, чтобы об этом знали.

Гай-до высыпал на рабочий стол фотографии, которые он уже сделал, и Ирия убедилась, что ее кораблик, как всегда, прав. Неопытный взгляд не увидел бы, где кончается естественный хаос, а где к нему добавились следы человеческой работы. Однако специалисту все было ясно.

Но еще более удивительное открытие они сделали примерно через час.

Они пролетали над очень мрачным ущельем, заваленным обломками скал, по дну которого, то исчезая среди камней, то вновь появляясь на поверхности, протекал горячий ручей. Неподалеку мирно пыхтел вулкан.

— Внимание, — сказал Гай-до. — Вижу предмет искусственного происхождения.

Ирия бросилась к экрану.

У ручья в тени скалы виднелось оранжевое пятно.

Они быстро снизились.

Оранжевое пятно оказалось смятой, разорванной палаткой.

Гай-до осторожно спустился в ущелье, Ирия

выбежала наружу, чтобы поглядеть на палатку вблизи.

Она поняла, что случилось несчастье. Видно, на планету прилетел исследователь или турист и попал в землетрясение.

Ирия пошла вверх по ущелью и буквально в десяти шагах увидела остатки разбитого вдребезги планетарного катера.

Поняв, что в корабле никого нет, Ирия пошла дальше по течению ручья, от которого поднимались струйки пара. И вдруг замерла.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.

Он был неподвижен.

Ирия бросилась к нему, наклонилась и прижала ухо к его окровавленной, обожженной груди. Сердце молодого человека еле билось.

— Гай-до! — позвала она. — Он еще жив!

В две секунды Гай-до перелетел к Ирии, и

девушка перенесла пострадавшего внутрь кораблика.

Ирия умела оказывать первую помощь. Она осмотрела раненого, вымыла его, перевязала, сделала укрепляющие уколы, но больше помочь ему не могла — ведь на Гай-до не было госпиталя.

Пока Ирия возилась с раненым, Гай-до помогал ей советами, так как в его памяти лежала медицинская энциклопедия. В то же время он внимательно смотрел по сторонам и старался отыскать в ущелье ответ на загадку: что могло случиться с молодым человеком? Почему он так изранен и обожжен? Ведь он был довольно далеко от своего катера. Верно, он посадил свой катер в ущелье, потом разбил там палатку и пошел по ущелью вниз. И тут что-то случилось… Недоброе предчувствие охватило Гай-до.

— Госпожа, — сказал он, — думаю, что нам лучше отсюда улететь. И как можно скорее.

— Я согласна, — сразу ответила Ирия. — Но дай мне еще десять минут: должны подействовать уколы, а я подготовлю раненого к взлету.

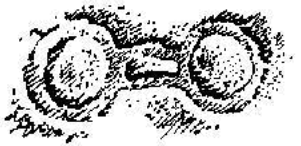
Гай-до согласился с хозяйкой и продолжал осматривать ущелье.

И тут он увидел в углублении скалы странный знак: кто-то вырезал на камне два кольца, соединенные двумя полосками.

— Госпожа! — воскликнул Гай-до.

— Не мешай, — сказала Ирия.

— Я вижу рисунок, — сказал Гай-до.



— Этого еще не хватало, — ответила Ирия. — Помолчи, раненый может в любой момент умереть.

Гай-до замолчал. Но не переставал думать.

Он знал о таком знаке. Это был знак странников. Тех самых загадочных странников, которые когда-то облетели всю галактику. Они оставили свои следы на многих планетах. Иногда это были развалины гигантских башен, иногда пустые обширные подземелья или широкие шахты. Иногда базы снабжения.

Сами странники исчезли, по подсчетам ученых, сто тысяч лет назад. Исчезли без следа — вернее всего, улетели за пределы галактики. Базы странников больше всего волновали ученых и кладоискателей. Какие невероятные богатства могучей цивилизации хранятся там? Но еще ни на одну базу не удалось проникнуть.

Знаком, означающим, что база рядом, были два кольца, соединенные двумя линиями. Первый раз, когда такую базу отыскали, она оказалась пустой — странники все вывезли оттуда.

Вторую базу нашли нетронутой. Но как только постарались открыть ворота, ведущие туда, база тут же исчезла — взорвалась. Хорошо еще, что никто не пострадал. В третий раз разведчики были очень осторожны. Вместо того чтобы проникнуть через вход, они вырыли туннель сквозь скалы и увидели внутри много чудесного. Они даже успели кое-что сфотографировать, но тут раздался сигнал тревоги, такой громкий и страшный, что нервы разведчиков не выдержали и они убежали. Как только последний из них покинул базу, раздался взрыв, и база исчезла. Вот и все, что известно. С тех пор многие экспедиции обыскивали самые отдаленные и дикие планеты в надежде увидеть два кольца на скале. Но пока безуспешно.

Гай-до, углядев два кольца, стал шарить электронными глазами по соседним скалам в надежде увидеть вход в базу. Он был очень любознательным кораблем.

Вскоре в глубокой расщелине он увидел черный провал, а возле него каменную плиту. Он понял: когда-то землетрясение разрушило вход в базу и некому было вернуться и починить его. Гай-до направил луч прожектора в черную расщелину и увидел смутные очертания круглой цистерны.

Он знал по докладам разведчиков, что в таких цистернах странники хранили сверхтопливо для кораблей, которое позволяло достигать невероятных скоростей. Гай-до даже подумал: «Попрошу Ирию, пускай возьмет немного топлива для меня. Ведь для корабля хорошее топливо все равно что торт с кремом».

И только он так подумал, как услышал голос своей госпожи:

— Гай-до, немедленно поднимаемся.

— Госпожа Ирия, — сказал Гай-до, — не могли бы мы немного задержаться? Я вижу открытый вход в базу странников. Может быть, мы там найдем кое-что интересное.

— Ты, по-моему, сошел с ума, — твердо сказала Ирия. — От наших действий зависит жизнь человека. Все базы странников не стоят этого. Приказываю стартовать.

И, конечно, Гай-до немедленно стартовал.

Но полет домой оказался совсем не простым.

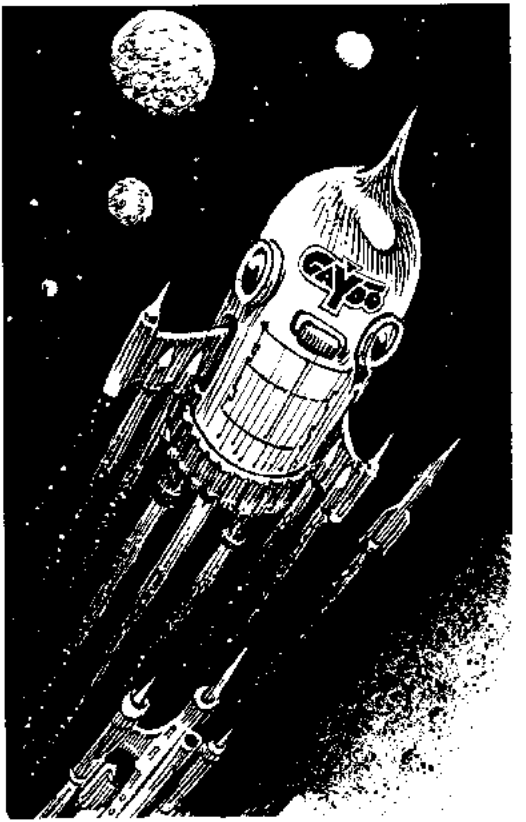
Только Гай-до начал удаляться от планеты, как увидел, что за ним несется боевая ракета.

— Тревога! — сказал Гай-до Ирии. — На нас напали!

— Сам принимай меры, — ответила Ирия. — Нашему раненому совсем плохо.

Гай-до и без того уже принял меры. Он резко увеличил скорость и изменил курс. Ракета не отставала. Вслед за ней неслась вторая. Неизвестные враги не хотели выпускать кораблик живым.

К счастью, они не знали, какой замечательный корабль сделали отец и дочь Гай. Любой другой давно бы погиб. Но Гай-до умудрялся увертываться от хищных ракет.



— Осторожнее! — закричала Ирия.
— Другого выхода нет, — ответил Гай-до, вклю-

чая гравитационные двигатели, чтобы уйти в прыжок, где его не найдет ни одна ракета.

И за мгновение до того, как ракета дотянулась до него, Гай-до исчез. Он растворился в пространстве, перестал существовать, лишь его тонкие приборы продолжали трудиться, высчитывая ту долю секунды, когда надо выключить гравитационные двигатели, чтобы кораблик снова возник среди звезд у пределов своей планетной системы.

Через несколько часов после выхода из прыжка на экранах Гай-до возникла знакомая планета Вестер.

Исчезновение Ирии Гай

Гай-до опустился у госпиталя и вызвал врачей. Тут же раненого перенесли в реанимационную палату. Ирия хотела остаться с ним, но врачи ей не позволили. Они спешили сделать очень сложную операцию, без которой спасенный умрет.

К удивлению Гай-до, Ирия отказалась идти домой. Она осталась в коридоре больницы и ждала до самого вечера, пока операция не закончилась и хирург не сказал Ирии, что жизнь раненого вне опасности.

Гай-до отвез Ирию домой, она отыскала в холодильнике два замерзших, высохших бутерброда и съела их, запивая водой из-под крана. А потом легла спать, так и не обсудив с кораблико м удивительные события на планете Пять-четыре.

На следующий день с утра Ирия снова поспешила в больницу.

Гай-до уверял госпожу, что это неразумно. Она ничем не может помочь молодому человеку. Лучше сдать все собранные материалы в геологическое управление и написать отчет об экспедиции. Но Ирия не стала его слушать.

Так прошло еще несколько дней. С утра Ирия бежала в больницу, а Гай-до весь день стоял в больничном парке и ждал, пока она кормила с ложечки молодого человека и меняла ему повязки.

Когда молодой человек пришел в себя, оказалось, что его зовут Тадеуш, что он — биолог, специалист по беспозвоночным животным.

Он занимался проблемой происхождения жизни и поэтому опустился на Пять-четыре, которая показалась ему очень интересной. Он выбрал наугад дикое ущелье, вытащил из корабля палатку,

перенес туда микроскоп и спальный мешок и начал исследовать ручей. Он так увлекся работой, что ничего не видел вокруг. Он даже не заметил знака из двух колец на скале прямо у него над головой.

Вдруг раздался страшный взрыв. Тадеуш обернулся и увидел, что от его катера остались дымящиеся обломки. Следующим взрывом его отбросило в сторону. Больше он ничего не помнил и очнулся только в больнице на планете Вестер. Рядом с ним сидела девушка, которую он сначала принял за юношу. Она была коротко подстрижена, ладони ее были в мозолях, упрямый подбородок исцарапан, на щеке шрам. Да и одежда на этой девушке была мужская. Движения ее были резкими, голос грубым. Тадеуш узнал, что именно эта девушка спасла его, и удивился, узнав от врачей, что она две недели не отходила от его постели. Но тут он заглянул в громадные сиреневые, окруженные черными длинными ресницами глаза этой девушки-юноши и тут же понял, что все остальное — обман и пустая видимость. Настоящее — это сиреневые нежные глаза.

Он ничего не произнес, кроме слова «спасибо», потому что был еще очень слаб и сильно страдал.

Все остальные слова он сказал взглядом. И самая мужественная женщина в галактике Ирия Гай вдруг почувствовала, как ее сердце остановилось, а потом начало биться, как пулемет. И она сказала:

— Можно я вам поменяю повязку?

Ничего этого кораблик Гай-до, который послушно стоял в парке, не знал. И не подозревал, какое страшное испытание готовит ему судьба.

На двадцатый день после операции Ирия сказала кораблю:

— Гай-до, я улетаю на Землю.

— Зачем?

— Надо отвезти Тадеуша на родину. Здесь для него неподходящий климат. А человеку лучше выздоравливать у себя дома.

— Но зачем вам лететь с ним, госпожа? — удивился Гай-до. — Жизнь Тадеуша вне опасности, а мы с вами еще не сделали отчета по экспедиции.

— Ты ничего не понимаешь, — раздраженно ответила Ирия. — Может быть, то, что я делаю для Тадеуша, в тысячу раз важнее, чем отчеты всех экспедиций, вместе взятых.

— Ты сделала для него все возможное, — сказал кораблик. — Пускай теперь о нем заботятся доктора на Земле. И всякие там нежные женщины,

не годные для того, чтобы водить скутер, заниматься боксом и опускаться в жерла вулканов.

— Глупый железный болван! — закричала тогда Ирия. — Ты не понимаешь, как я жалею, что занималась боксом, но не умею варить суп. А Тадеуш, оказывается, любит суп с клецками. Я знаю наизусть таблицу логарифмов, но совершенно не представляю себе, как пришить пуговицу, и не умею собирать землянику. А Тадеуш любит землянику.

— Тадеуш, Тадеуш, — ворчливо сказал кораблик. — Мир клином сошелся на этом Тадеуше! Самый обыкновенный биолог по беспозвоночным. Он тебе в подметки не годится. Я уверен, что ты бегаешь стометровку на три секунды быстрее его.

— Какой безнадежный железный дурак! — воскликнула Ирия. — Неужели недавно я сама была такой же?

— Поэтому мы и дружим, — сказал кораблик обиженно. — Хотя я никогда никому своей дружбы не навязывал.

На этом разговор и закончился. Гай-до понял, что Ирия непреклонна в своем намерении отвезти Тадеуша на Землю. Он смирился с этим и даже предложил самому отвезти Тадеуша, но Ирия

заявила, что Тадеушу, видите ли, будет неудобно лететь в таком маленьком корабле, на котором нет ванны и мягкой постели.

На прощание Ирия договорилась с геологами, что, пока ее не будет, Гай-до поработает с ними. Она обещала вернуться, как только Тадеуш выздоровеет, и Гай-до, хоть и был расстроен и обижен, скрыл свою обиду и полетел на соседнюю планету обследовать залежи цинковых руд.

Прошло полгода. Ирия все не возвращалась. От нее даже письма не было. Гай-до молча страдал. В экспедиции ему пришлось несладко. Геологи, конечно, знали, что он разумный корабль, но до чувств Гай-до им дела не было. Они использовали его как самый обыкновенный разведочный катер. Он возил почту, собирал образцы, обследовал долины и ущелья, работал честно, но без души. И с каждым днем росло его беспокойство. В своем воображении он строил ужасные картины: в них его госпожа попадала в катастрофы, погибала, тонула, разбивалась. Гай-до мучили кошмары, но не было рядом ни одного человека, которому можно было пожаловаться. Когда он просил знакомых геологов послать на Землю запрос, что случилось с его госпожой, они только улыбались. Им казалось смешным, что корабль беспокоится

о человеке. Они говорили, что с Ирией все в порядке, но Гай-до им не верил.

И вот он решился.

Когда геологи вернулись из экспедиции и оставили кораблик на космодроме, Гай-до уговорил знакомых роботов привезти ему горючее. Роботы заправили его для дальнего полета. У Гай-до были штурманские карты, и он представлял себе, где находится Земля. Как-то перед рассветом в дождливую ветреную ночь он тихонько поднялся с космодрома и взял курс к Земле. Разогнавшись в космосе, он включил гравитационные двигатели и совершил большой прыжок до самой Солнечной системы.

Настроение у Гай-до было приподнятым. Он очень надеялся, что его госпожа жива и тоскует по нему так же, как он по ней. Только не может дать о себе знать. Он предвкушал радостную встречу. Правда, его не покидала тревога. Он боялся встречи с патрульным крейсером или большим кораблем. Ему тогда зададут вопрос: что делает в космосе корабль без экипажа? Может, он потерял свой экипаж и скрывает это?

Когда на подлете к Солнечной системе Гай-до понял, что его преследует какой-то неизвестный корабль, он прибавил ход и постарался

уйти от преследования. Но корабль не отставал. Гай-до повернет влево — корабль тоже, Гай-до поднажмет — корабль тоже. Гай-до пытался рассмотреть название корабля, но названия не было. Опознавательных знаков тоже. И тогда Гай-до решил: помчусь скорее к Земле, а там видно будет. Он выжал из своих двигателей все возможное и начал удаляться от преследователя. Преследователю это не понравилось. Он выпустил по Гай-до боевую ракету. Гай-до был настолько не готов к такому нападению, что на миллионную долю секунды опоздал принять решение…

Это было последнее, что он помнил. Страшный удар разорвал его борт. Воздух в мгновение ока пузырем вылетел из корабля, и Гай-до беспомощно поплыл в безвоздушном пространстве.

Преследователь хотел приблизиться к нему, но взрыв привлек внимание патрульного крейсера, который стартовал с Плутона. Поэтому преследователь быстро развернулся и сгинул в глубинах космоса.

Нужен космический корабль!

Каникулы — лучшее время, чтобы поработать в свое удовольствие. Никто тебе не мешает, не отвлекает уроками и не отправляет спать в десять часов, потому что завтра рано вставать.

За день до каникул Аркаша Сапожков сказал Алисе Селезневой:

— Мне нужна твоя помощь.

Аркаша уже третий месяц вынашивал такую идею: космонавтам в дальних полетах и сотрудникам космических баз не достается арбузов, уж очень они велики и неудобны для перевозки. А арбузов всем хочется. Какой выход? Арбузы должны быть маленькими и по возможности кубическими. На месте их можно положить в воду, чтобы они быстро надулись, разбухли и стали настоящими. Теперь надо придумать, как это сделать.

С этой целью Алиса с первого июня засела с Аркашей за работу в лаборатории станции Юных биологов на Гоголевском бульваре в Москве.

Задача оказалась интересной и сложной. За первую неделю биологам удалось создать арбуз,

который был размером с грецкий орех, а в воде становился большим, но, к сожалению, совершенно безвкусным. На этом работа застопорилась.

День был дождливый, грустный. Однорогий жираф Злодей сунул голову в открытое окно лаборатории и громко чихнул, жалуясь на непогоду. Изо рта у него торчала ветка сирени.

— Аспирину дать? — спросила Алиса.

Она уже жалела, что согласилась помогать Аркаше: опыты грозили затянуться на все лето, потому что Аркаша — самый упрямый человек на свете. Он только на первый взгляд такой тихий и застенчивый. Внутри его сидит несгибаемый,

железный человечек, который не признает слабостей и поражений.

Жираф отрицательно покачал головой и положил веточку сирени на стол перед Алисой.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вбежал промокший Пашка Гераскин. Глаза его сверкали, волосы торчали во все стороны.

— Сидят! — воскликнул он. — Уткнулись носами в микроскопы. Прозевали событие века!

— Не мешай, — тихо сказал Аркаша.

— Буду мешать, — ответил Пашка. — Потому что я ваш друг. Если я вас не спасу, вы скоро окаменеете у микроскопов.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Я вас записал, — сообщил Пашка и уселся на край стола.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — Не шатай стол.

— Я вас записал участвовать в гонках Земля — Луна — Земля, — сказал Пашка, болтая ногами. — Как вам это нравится?

— Нам это категорически не нравится, — ответил Аркаша, — потому что мы не собираемся ни за кем гоняться.

— Получился славный экипаж, — сказал Пашка, словно и не слышал Аркашиного ответа. — Павел Гераскин — капитан, Алиса Селезнева — штур-

ман, Аркадий Сапожков — механик и прислуга за все. Старт второго августа из пустыни Гоби.

— Теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что наш друг Гераскин сошел с ума. Слезь со стола наконец!

Пашка добродушно улыбнулся, слез со стола и сказал:

— Не надейтесь, я от вас не отстану. К тому же я ваш капитан. Вас интересуют условия гонки?

— Нет, — отрезал Аркаша.

— Расскажи, — произнесла Алиса, — что за гонки?

Пашка потрепал жирафа по морде.

— Первая брешь в вашей обороне уже пробита, — сообщил он. — Я и рассчитывал, что мой союзник — любопытство Алисы. Итак, объявлены гонки школьников. В них могут участвовать любые корабли, как самодельные, так и обыкновенные планетарные катера. Экипаж — не больше четырех человек. Первый приз — путешествие в Древнюю Грецию на первую Олимпиаду.

— Можно задать пустяковый вопрос? — Аркаша оторвался от микроскопа — все равно Пашку, пока не выскажется, не остановишь. — А где у тебя корабль? Может, ты его за месяц построишь?

— Это детали, — сказал Пашка. — Главное, что

я получил ваше согласие. С таким экипажем мы победим.

— Никто тебе не давал согласия, — сказала Алиса. — Мы только задали вопрос.

— Чему нас учат в школе? — сказал Пашка. — Нас учат дерзать, думать и действовать. Почему вы не хотите дерзать? Вас плохо учили? Мы можем взять списанный планетарный катер и привести его в порядок.

— Чепуха! — воскликнул Аркаша. — Слишком просто. Наверняка другие уже полгода готовятся.

— Правильно, — сказал Пашка. — Я уже созвонился с Лю, это мой приятель, он учится в Шанхае. Они с зимы строят корабль.

— Вот видишь, — сказала Алиса.

— Потом я провидеофонил в Кутаиси. Резо Церетели сказал мне, что они взяли обыкновенный посадочный катер, оставили только шпангоуты и полностью его перестраивают.

— Вот видишь! — сказал Аркаша. — На что ты надеешься?

— На ваш ум и мою дерзость, — сказал Пашка. — Вы уже заинтересовались. Значит, полдела сделано.

— Мы ничем не заинтересовались, — сказал Аркаша. — Мы только хотим, чтобы ты все сказал

и ушел. А у тебя есть идея?

— Конечно, есть, — рассмеялся Пашка. — Мне только нужно было, чтобы ты оторвался от микроскопа, а у Алисы в глазах загорелись лампочки. Своего я добился. Мы летим на свалку.

— Вот теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что мой друг Гераскин сошел с ума. Во-первых, на свалку нас никто не пустит. Во-вторых, на свалке уже побывали конкуренты и ничего там подходящего не осталось. В-третьих, мы все равно не успеем.

— Хо-хо-хо! — взревел в восторге Пашка. — Вы у меня на крючке! Во-первых, я получил разрешение осмотреть свалку, и не спрашивайте меня, как мне это удалось. Во-вторых, мы ничем не рискуем. А вдруг нам подойдет то, на что другие не обратили внимания? Летим?

— Никуда я не полечу, — сказал Аркаша. — И Алиса тоже.

— Он тебе приказывает! — сказал коварный Пашка.

— Я слетаю с Пашкой, — сказала Алиса. — Все равно я хотела проветриться. Туда и обратно.

— Туда и обратно, — подтвердил Пашка. — Аркаша, ты слышишь: туда и обратно.

— Сегодня вернемся? — спросил Аркаша. — А

то мама будет волноваться.

— Какие могут быть сомнения! — ответил Пашка.

Алиса уже поднялась и натягивала плащ.

Аркаша поглядел на своих друзей, вздохнул и принялся отключать приборы. Он не верил в Пашкины дикие идеи, он никуда не хотел улетать от своих кубических арбузов, но больше всего на свете Аркадий Сапожков ценил дружбу.

Пашкин флаер стоял у входа в лабораторию.

Дождик моросил по веткам берез, большие капли воды скапливались на длинных пальмовых листьях и тяжело срывались вниз. Под елочками таились сморчки. Жираф Злодей проводил друзей до флаера и с печальным видом глядел, как они забирались внутрь. Видно, догадался, что они летят в Африку.

Пашка набрал код свалки, машина резко взяла вверх и понеслась, увеличивая скорость, на юго-запад.

Свалка в Сахаре

На западе великой пустыни Сахара, на плато Тассили, в одном из самых диких и сухих мест на Земле, несколько квадратных километров каменной пустоши огорожено: туда свозят космические корабли, которым не суждено больше подняться в небо.

Там есть суда, отслужившие свой век, есть неудачные модели, отвергнутые конструкторами, есть корабли, потерпевшие аварию, а есть и корабли, попавшие туда неизвестно как. Всего их на свалке несколько сот.

Зачем нужна такая свалка? Не лучше ли переплавить весь этот хлам и не загромождать пустыню?

Но это не хлам! Это великолепная лаборатория. Название «свалка» придумал неизвестный шутник. Оно прижилось, и никто не видел в нем ничего обидного.

Туда часто прилетают гости. Конструкторы, которые проектируют новые машины, чтобы учиться на ошибках своих коллег или отыскать ответ на трудную конструкторскую задачку.

Историки, которые пишут книги о завоевании космоса. Киносъемочные группы, чтобы снять кадр отлета настоящего корабля. Металлурги, чтобы узнать, каковы свойства того или иного металла, побывавшего в космосе. Наконец, туристы со всех концов света.

Вот куда держал курс флаер Пашки Гераскина.

Летели долго — часа полтора. Сначала под флаером проплыли зеленые поля Украины, потом за Одессой он вышел к Черному морю и снизился над болгарским городом Варна. Море было теплым и синим, всем захотелось искупаться, но пришлось от этой мысли отказаться, а то вернешься в Москву ночью, родители будут беспокоиться. Еще через несколько минут флаер сделал круг над греческой столицей Афины. В Афинах уже начался туристский сезон — небо над городом было буквально забито флаерами, воздушными автобусами и глайдерами. Особенно много их было над знаменитым храмом Парфеноном.

Пашка обогнул Афины с запада, и вскоре флаер вылетел к Средиземному морю. Италию увидели на горизонте, зато заглянули в жерло спящего вулкана Этна на острове Сицилия. От Сицилии уже рукой подать до Африки.

Показался рыжий берег Алжира, усеянный

зелеными точками апельсиновых деревьев, устланный квадратами пшеничных полей и садов. Флаер взял южнее, и постепенно зелень стала реже, пошли пустынные пейзажи, лишь изумрудные полосы пальм вдоль каналов и дорог доказывали, что в Сахаре живут люди.

Алиса глядела на друзей и думала, что они все-таки похожи. Бывает же так: совсем не похожи, а на самом деле похожи. Трудно найти более разных людей: у Пашки глаза голубые, у Аркаши карие, Пашка белобрысый, волосы прямые, непослушные. У Аркаши темно-рыжая шевелюра, завитая, как у барашка. Его в детстве бабушка так и звала: «Аркашка-барашка». А кожа у Аркаши очень белая, почти голубая, усыпанная крупными веснушками. У Пашки лицо непонятного цвета. Потому что этот цвет все время меняется. Пашка легко краснеет, мгновенно бледнеет, быстро загорает, и тогда его курносый нос становится малиновым. Пашка ни секунды не сидит на месте — он весь в движении, всегда куда-то несется, часто сначала делает, а потом думает, из-за чего попадает в неприятные ситуации. Аркаша рассудителен, спокоен, редко повышает голос и может замереть на час, задумавшись. Оба любят придумывать, изобретать, но Пашка думает сразу о

десяти вещах и изобретает одновременно вечный двигатель, невидимые шпаргалки и блинопереворачиватель. Поизобретает минут пятнадцать — и спешит на хоккейный матч. Аркаша занимается только теми проблемами, которые намерен решить. И решает, даже если полгода приходится просидеть в лаборатории. Пашка и Аркаша вечно ссорятся, спорят, чуть до драки дело не доходит, но при том остаются лучшими друзьями.

Флаер начал спускаться к плоскогорью, с трех сторон окруженному мрачными скалами. Сверху могло показаться, что они подлетают к детской площадке гигантов. Гигантские дети играли разноцветными корабликами и шариками, а потом убежали, разбросав игрушки. «Обитатели» свалки были всех возможных форм и размеров — от небольших спасательных и разведочных катеров до пассажирских лайнеров. Одни поблескивали металлом или были ярко раскрашены, другие потемнели от времени и космических передряг.

Флаер опустился возле проходной, что расположилась в небольшой летающей тарелочке. Как только флаер коснулся земли, послышался звонок, и люк в тарелочке распахнулся. Курчавая девичья головка появилась в люке, и дежурная сказала:

— Салам алейкум.

— Здравствуйте, — ответил Пашка, первым выскочивший из флаера.

— Добрый день, — сказала девушка по-русски.

Она увидела московский номер флаера и сразу перешла на русский язык. Ничего удивительного — все работники международных организаций знают десять основных земных языков, не считая космолингвы, на которой говорят в галактике. Дежурная на свалке, которую звали Джамиля, знала тридцать шесть земных и семь галактических языков и так любила учить новые, что специально пошла работать в пустыню, чтобы можно было заниматься в тишине.

— Вам звонили, — сказал Пашка. — Мы из московской школы и ищем космический корабль для гонок.

— Одну минутку, — сказала девушка.

Видно было, как она включила дисплей.

— «Павел Гераскин, — прочла она, — и сопровождающие его два лица: Алиса Селезнева и Аркадий Сапожков». Проходите.

Алиса и Аркаша разинули рты от удивления и молча прошли за Пашкой в открытые двери свалки.

Только внутри Алиса пришла в себя и спросила

Пашку:

— Гераскин, что все это значит?

— А что?

— Не только тебя пустили, — сказал Аркаша, — но и знали, что мы с тобой прилетим. А ведь мы ни на секунду не разлучались с того момента, как ты вошел в лабораторию на Гоголевском бульваре.

— Все гениально просто, — ответил снисходительно Пашка. — Мне помогло знание людей. Утром я узнал о гонках. Через час я принял решение в них участвовать. Затем мысленно подобрал себе экипаж и тут же позвонил на свалку.

Было жарко, дул сухой ветер, Пашка отошел в тень громадного космического лайнера и продолжал:

— Если бы мы пришли сюда как маленькие дети и стали просить: «Пустите нас, тетенька», — дежурная ни за что бы нас не пустила. Но я сказал ей по телефону: «В шестнадцать по местному времени к вам прибудет группа из Москвы в составе Гераскина и сопровождающих его лиц. Вы записали?» И что она ответила? Она ответила: «Хорошо, я записала». Остальное — дело техники.

— Что дело техники? — спросила Алиса.

— Я пошел к вам и сказал, что мы участвуем в

гонках. Вы сразу бросили все свои арбузные дела и помчались в Сахару. Яснее ясного.

— Аркаша, я его сейчас убью! — сказала Алиса. — Он еще над нами издевается.

— Он совершенно прав, — сказал Аркаша. — Он нас обманул, соблазнил, провел за нос, потому что заранее знал, что мы, как послушные овцы, полетим в Сахару.

— Прекратить пустые разговоры! — сказал Пашка. — Времени в обрез. Папочки и мамочки ждут нас ужинать, а мы еще не нашли себе подходящего космического корабля. В путь, капитаны!

Ну что тут будешь делать? Аркаша с Алисой улыбнулись и пошли по жаркой пустыне искать космический корабль.

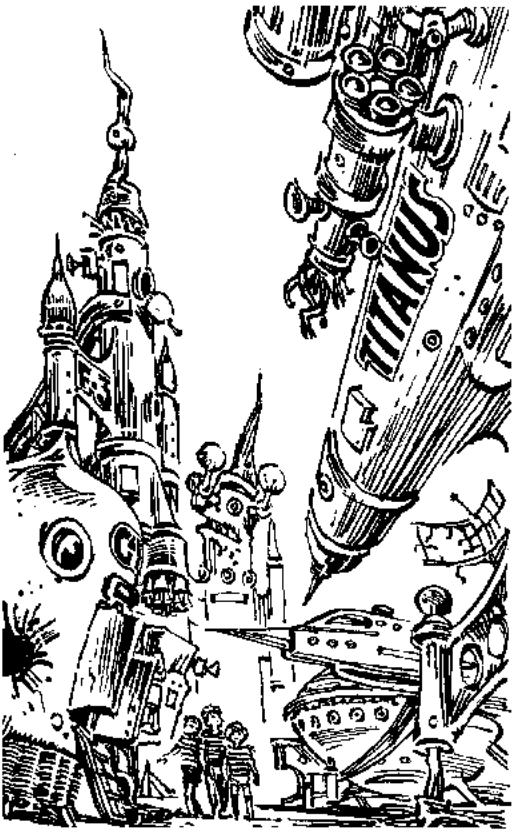
Солнце палило яростно, и приходилось перебегать от корабля к кораблю, чтобы отдышаться в тени.

Хорошо смотреть на свалку с неба — скопище маленьких игрушек.

Вблизи все было иначе — над друзьями нависали бока громадных кораблей. Только пройдешь мимо одного, выплывает новая громада.

Корабли образовали странный сказочный город. Улиц в нем не было, дорога вилась между гигантами и карликами, между сверкающими

космическими щеголями и унылыми развалюхами.



Идти по такому городу с Пашкой, который бредил космонавтикой, было нелегко, потому что через каждые сто шагов он останавливался и восклицал:

— Ребята, глядите! Это же «Титанус». Привет, старина! Как ты отдыхаешь после последнего рейса к Черной дыре? Ребята, заглянем на минутку внутрь?

— «Титанус» как «Титанус», — отвечал всезнающий Аркаша. — Грузопассажирский второго класса, спущен со стапелей греческого завода на Луне 16 ноября 2059 года, ходил к поясу астероидов. Совершил один рейс за пределы Солнечной системы, после чего списан. Если мы полезем его осматривать, то не вернемся домой до завтра.

— Ты не романтик! — бушевал Пашка. — Тебе сидеть дома и разводить квадратные арбузы!

— А я сюда не просился.

— Как хочешь, а я обязан заглянуть на капитанский мостик «Титануса». Ведь именно там стоял капитан Синос, когда снимал с Ганимеда группу Вижека.

Нетрудно догадаться, что в конце концов Пашка уговорил своих друзей побывать на «Титанусе».

Капитанский мостик «Титануса» их разочаровал. Все ценные приборы были сняты, в шахтах

повисли лифты, работало только дежурное освещение, в коридорах было полутемно, мрачно и пахло пылью. Навстречу пронеслась по коридору разбуженная летучая мышь. Пашка даже присел от неожиданности, а когда Алиса рассмеялась, обиженно объяснил, что он боялся ушибить редкое животное, вот и наклонился.

На мостике Пашка постоял перед пустым темным экраном и сказал, что видит на нем отпечаток звездного неба. Спорить с ним не стали.

Когда выбрались наружу, солнце начало клониться к гряде скал, ветер затих и стало еще жарче. Пройдя с полкилометра и не обнаружив ничего подходящего, ребята спрятались в тень у скалы, и Алиса сказала:

— Только наивные дети могли не догадаться, что в пустыне им захочется пить.

— Мы и есть наивные дети, — мрачно ответил Аркаша. Он задумчиво глядел вдаль. Мысленно он уже вернулся в лабораторию.

Пашка вытер пот рукавом, поднял камешек и кинул его в щель под скалу. Вдруг оттуда выкатился серый футбольный мяч и шустро покатился прочь.

— Аркаша, что это? — воскликнул Пашка.

— Не знаю, — ответил Аркаша, который даже

не удивился. — В Сахаре таких не водится.

— Наверное, что-то инопланетное, — сказала Алиса. — Остались споры в каком-нибудь корабле, вот и вывелось.

— Что ты говоришь! — воскликнул Пашка. — Ты понимаешь, что говоришь! Значит, какой-то корабль плохо продезинфицировали, и теперь Земле грозит страшная опасность. Эти мячи размножатся, и нам придется с ними воевать. Надо его поймать.

Пашка побежал в ту сторону, куда скрылся мяч, но ничего не нашел. Только запыхался и вспотел.

Они побрели дальше по свалке.

Вокруг стояли корабли — круглые, кубические, длинные и короткие, цилиндрические и веретенообразные, целые и разбитые. Два раза им попались небольшие катера, но один из них был стареньким и тихоходным, на таком не только до Луны, до Одессы не долетишь, а другой оказался в таком состоянии, что проще построить новый, чем восстанавливать.

Солнце уже садилось, от кораблей протянулись длинные тени.

Наконец Аркадий остановился у очередного космического колосса и сказал:

— Все. Мы возвращаемся. Очередная Пашкина идея оказалась блефом.

— Аркадий прав, — сказала Алиса. Ей так хотелось пить, что слюны во рту не осталось, язык еле ворочался.

Пашка молчал, не спорил. Он замер. Он так смотрел через плечо Аркаши, словно увидел привидение.

Алиса обернулась.

Там стоял небольшой планетарный корабль, подобного которому видеть раньше им не приходилось.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

— На этом замечательном корабле, — сказал Пашка, — мы выиграем гонки.

— Ты перегрелся, — ответил Аркаша. — Ты слишком долго был на солнце.

Разумный корабль

Аркаша сначала и смотреть на корабль не хотел, не то что лезть в него. Он устал, измучился от жажды и желал только одного: скорей вернуться домой. Алиса была с ним согласна. Но Пашка настаивал:

— Мы летели через всю Европу, чтобы посмотреть на корабли, мы третий час бродим по Сахаре. И зачем? Только для того, чтобы уйти за шаг до цели? Мы же никогда себе не простим, если не осмотрим корабль. А может быть, его можно починить? Поглядите, это же совершенно необыкновенное судно! Такого нет ни в одном справочнике! Ну ладно, оставайтесь здесь, а я загляну. На минутку. Мне он очень нравится.

— Тут нечему нравиться, — сказал Аркаша. — С таким же успехом можно любоваться ржавым паровозом.

Пашка решительно направился к кораблику, подтянулся, схватившись за оплавленные края дыры, и скрылся внутри.

— Я тоже погляжу, — сказала Алиса, — скучно стоять.

— Иди, — мрачно ответил Аркаша. — Глупости все это.

Алиса заглянула в черную дыру.

— Пашка, — позвала она. — Что там?

— Ничего не вижу, — ответил Пашка. — Фонарь во флаере остался.

— Вылезай, — сказала Алиса, — еще ногу сломаешь.

И в этот момент впереди, откуда доносился голос Пашки, зажегся под потолком плафон. И сразу стала видна фигура Пашки, стоявшего среди покореженных остатков мебели и приборов.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — еще не все потеряно.

— Интересно, почему загорелся свет? — сказала Алиса, забираясь в корабль.

— Не знаю, — сказал Пашка, пробираясь вперед. — Погляди, пульт управления почти цел. Только надписи на непонятном языке.

Алиса подобралась поближе к другу. Она отвалила в сторону сломанное пилотское кресло и поглядела на пульт. Пульт и в самом деле был почти цел. Надписи были сделаны на каком-то инопланетном языке. И в этом тоже не было ничего удивительного. На свалке встречались корабли с других планет. Те, что потерпели кру-

шение у Солнечной системы или были оставлены экипажами, а потом были подобраны буксирами-чистильщиками и привезены на свалку.

— Надо осмотреть двигатели, — сказал Пашка.

— Если это инопланетный корабль, — сказала Алиса, — нам тут делать нечего — откуда мы знаем, как им управлять?

С трудом они пробрались в двигательный отсек. Там обнаружили Аркашу. Конечно же, тот не утерпел и тоже залез в корабль. К сожалению, дела в двигательном отсеке никуда не годились. Гравитационный двигатель был сорван ударом со станин, и на нем была большая вмятина. Хорошо еще, что планетарные двигатели остались целы.

— Ну, все ясно? — спросил Аркаша. — Теперь можно уходить?

— Ничего не ясно, — ответил упрямый Гераскин. — Ведь условие гонок — пользоваться только обычными планетарными двигателями. Гравитационными пользоваться нельзя. А обычные двигатели в порядке.

— Все! — сказал решительно Аркаша. — Я с тобой расстаюсь, и навсегда. Я не могу дружить с легкомысленным авантюристом.

— Аркаша прав, — сказала Алиса, — починить корабль нельзя. Придется ему доживать свой век

на свалке.

И она первой побрела к выходу.

За ней последовал Аркаша. Пашка задержался еще на несколько секунд в двигательном отсеке. Но, видно, и он понял — ничего не выйдет. Он сказал кораблю:

— Прости, друг. Мы не виноваты.

И тоже пошел к выходу.

Вдруг они услышали негромкий низкий голос:

— Не уходите, пожалуйста.

Слова прозвучали на галактическом языке — космолингве, который ребята, конечно, знали.

— Это кто говорит? — вздрогнул Пашка.

— Это я, корабль, — послышался ответ. — Я очень прошу вас задержаться, люди. У меня создалось впечатление, что вы намеревались использовать меня для полета, но мое прискорбное состояние вас напугало.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Ребята, погодите! Это говорящий корабль.

— Мы слышим, — сказала Алиса, которая была удивлена не меньше Пашки. Бывают роботы, бывают разного рода разумные машины, но ей еще никогда не приходилось разговаривать с кораблем.

— Я не только говорящий корабль, — продол-

жал голос. — Я разумный корабль. И мой мозг совершенно цел. Я помогу вам починить меня.

Никто не знал, что ответить.

И тогда Пашка задал глупый вопрос.

— Послушайте, — сказал он. — А у вас воды нет? Ужасно пить хочется.

— Нет, — ответил кораблик, — воды у меня, к сожалению, нет. Синтезатор тоже вышел из строя.

— Жалко, — сказал Пашка.

— А вас где построили? — спросила Алиса.

— Я вам все расскажу, только не бросайте меня. Я не могу больше оставаться здесь. Я очень много знаю. Я — уникальное создание. Я — жертва несчастной любви, — ответил кораблик.

Все так удивились, что даже Пашка не засмеялся.

— Простите, — сказал тогда Аркаша, — но нам пора улетать, иначе мы вернемся домой ночью.

— Вы меня бросите? — спросил корабль, и Алисе показалось, что его голос дрогнул.

И тогда Алиса представила себе, что живое существо — а если ты обладаешь разумом, значит, ты живое существо, пускай даже металлическое, — очень боится остаться одно в этой пустыне, на кладбище кораблей. Ей стало жалко этот разбитый кораблик. И она ответила за всех:

— Мы к вам обязательно вернемся.

— Завтра, — сказал Пашка.

Аркаша промолчал, но понятно было, что он не оставит друзей.

— До свидания, кораблик, — сказала Алиса, спрыгивая на камни.

— Меня зовут Гай-до, — ответил кораблик.

Солнце уже спустилось к острым зубцам скал, стало чуть прохладнее, и ребята побежали к выходу. Сил не осталось, язык присох к нёбу, и очень хотелось скорее выбраться из этого мертвого города.

Из последних сил они добрели до проходной.

— Как вы долго, — сказала Джамиля, — я уже думала посылать за вами робота. А то у нас в прошлом году один мальчик забрался в корабль и спрятался там, думал, что сможет один улететь. Правда, смешно? Пить хотите?

— Ужасно, — сказал Пашка.

— Тогда заходите ко мне.

Когда ребята поднялись в летающую тарелочку, Джамиля уже открыла банки с холодным апельсиновым соком и поставила их на столик. Она с интересом смотрела, как ее гости проглотили сок, и только повторяла:

— Пожалуйста, пейте глоточками, а то обяза-

тельно простудитесь.

Допив сок, будущие гонщики поставили пустые банки на стол и посмотрели на Джамилю так, что она без слов открыла холодильник и достала еще три банки.

На этот раз они пили медленнее.

Джамиля спросила:

— Нашли, что вам нужно?

— Не знаем, — сказала Алиса.

— На той неделе прилетали сюда ребята из Франции, — сказала Джамиля, — но ничего не нашли.

— А скажи, — Пашка поболтал в банке остатками сока, — можно узнать, как к вам попал один корабль?

— Конечно, — сказала Джамиля, — если я знаю.

— Планетарный катер в шестом секторе, — сказал Аркаша. — У него большая дыра в боку.

— Бедненький, — сказала Джамиля, — его подобрали возле Плутона. Совсем недавно, полгода назад. Бортового журнала на нем не нашли, и, судя по всему, он был оставлен или потерян в космосе.

Джамиля включила дисплей, на котором появилось изображение кораблика, который назвал

себя Гай-до.

— Его осматривали эксперты. Язык надписей на его приборах вестерианский. Туда отправлен запрос, но пока что мы не получили ответа. Кораблик — нераскрытая тайна. Но он так разбит, что его уже никогда не восстановить.

— А если мы попробуем? — спросил Пашка.

— Разрешение надо спрашивать не у меня, — улыбнулась Джамиля. — Еще соку дать?

Алиса и Аркаша отказались, но Пашка выпил еще одну банку, про запас.

Когда они собрались уходить, Алиса спросила:

— А этот кораблик… он не разговаривает?

— Что? — удивилась Джамиля. — Корабли не разговаривают.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Алиса перегрелась на солнце. До свидания, мы завтра прилетим.

— Прилетайте, — сказала Джамиля. — А если у вас дома случайно найдется русско-китайский словарь, я буду вам очень благодарна.

— Хоть три словаря! — заявил Пашка и начал подталкивать друзей к выходу.

Когда они уже поднялись в воздух и взяли курс навстречу надвигавшейся с востока ночи, Пашка сказал:

— Ну и язык у тебя, Алиса.

— А что я сказала?

— С кораблем Гай-до связана тайна, он не хочет никому, кроме нас, показывать, что он разумный, значит, у него есть основания. А ты сразу начала у Джамили спрашивать.

— Мне это не нравится, — сказал Аркаша. — Машина не может обманывать людей.

— И эти странные слова о несчастной любви, — добавила Алиса, глядя, как далеко внизу, на берегу моря, зажигаются вечерние огоньки.

Гай-до рассказывает

На следующий день Алиса и ее друзья с утра вернулись в Сахару.

Аркадий взял в лаборатории приборы, чтобы исследовать корабль и понять, насколько серьезно он поврежден. Павел вез с собой инструменты, чтобы наладить на корабле вентиляцию. Алиса захватила на всех еду и русско-китайский словарь. К тому же по дороге они спустились на окраине Афин у рынка, купили там апельсинов, маслин и целый ящик ранних овощей и фруктов.

Джамиля встретила гостей из Москвы как старых знакомых. Она даже не садилась завтракать — ждала их. Так что овощи из Афин пригодились. А русско-китайский словарь привел ее в восторг.

Конечно, Джамиля не верила, что корабль можно починить, но ей нравилось упорство в других. Она даже разрешила перелететь на флаере к самому кораблику, что обычно на свалке не разрешалось.

Флаер мягко опустился возле Гай-до.

Алиса первой выскочила из него.

Было еще прохладно, солнце невысоко поднялось над скалами и грело мягко, по-московски. По небу медленно плыли перистые облака. В колючих кустах, что росли между кораблями, щебетали птицы.

— Здравствуй, Гай-до, — сказала Алиса. — Мы вернулись.

— Доброе утро, — откликнулся кораблик. — Я рад вас видеть.

Алиса не заметила ничего странного в ответе кораблика. Но Аркаша был внимательнее.

— Ого! — сказал он. — Когда ты научился говорить по-русски?

«И в самом деле! — сообразила Алиса. — Ведь еще вчера кораблик разговаривал с нами на космолингве».

— У меня было время проанализировать ваши вчерашние разговоры, — ответил кораблик. — Вы сказали достаточно слов, чтобы я научился. Чего только не сделаешь за длинную пустынную ночь!

— Молодец! — сказал Пашка, выгружая из флаера инструменты. — А я никак английский выучить не могу.

— Наверное, у вас другие интересы, — вежливо сказал корабль.

— Интересов у него миллион, — улыбнулась Алиса.

Аркаша включил лазерную камеру и пошел вокруг корабля, снимая его со всех сторон, чтобы сделать потом голографическую копию.

Только он шагнул за корабль и скрылся из глаз, как раздался его крик:

— Это еще что такое!

Из тени выкатился серый мяч и быстро покатился прочь.

— Опять! — сказала Алиса. — Он тебя не укусил?

— По-моему, у него нет рта.

— Обязательно надо будет с Джамилей поговорить, — сказала Алиса. — Это какая-то мутация.

— Я полезу внутрь, — сказал Пашка, вытаскивая из флаера ворох инструментов. — Посмотрим, что можно сделать.

— Погодите, — сказал корабль, — вы в самом деле хотите меня отсюда взять?

— Мы еще не знаем, — сказала Алиса, — можно ли будет тебя починить.

— Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, — ответил корабль. — Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик. Я покажу, как наладить информационный дисплей. Я

расскажу вам грустную историю моей жизни.

Алиса с Пашкой пробрались к пульту управления, и Гай-до сказал им, как открыть бортовой шкафчик, где хранилась запасная трубка к разбитому дисплею. Вдвоем они за полчаса привели дисплей в порядок.

— Слушайте… — сказал Гай-до, когда дисплей загорелся зеленым цветом. На нем появилось изображение пожилого лысого человека с сиреневыми глазами. — Вы видите знаменитого конструктора Самаона Гая с планеты Вестер… — начал свой рассказ Гай-до. — Ему очень хотелось, чтобы у него родился сын…

Гай-до закончил долгий рассказ вопросом:

— Люди, ответьте мне: почему она покинула меня и не вернулась? Может, она погибла?

— Скорее всего, — сказал Аркаша, — Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

— Но это предательство! — воскликнул корабль.

— Не укоряй ее, — сказала Алиса. — Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. Ты не слышал про Ромео и Джульетту?

— Нет, — сказал корабль. — Они тоже конструк-

торы?

— Это случилось очень давно, — сказала Алиса. — Они погибли…

— Не путай, — прервал Алису Пашка. — Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

— О нет! — возразил корабль. — Я ее никогда не забуду!

— Надо взять себя в руки, — сказал рассудительный Аркаша. — Если это любовь, то она скоро пройдет.

— Ты наивный, Аркаша, — сказала Алиса. — Ты еще никогда не любил.

Аркаша внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— А вас, девушка, не Джульеттой зовут?

Пашка расхохотался, а корабль обиженно замолчал, потому что не очень приятно слушать смех, когда рассказываешь о своих чувствах.

— Ты очнулся только здесь? — спросила Алиса.

— Да.

— А почему ты скрыл от людей, что ты разумный?

— В первые недели я потерял дар речи. Ум мой работал еле-еле. Я тяжело болел. Меня осматривали инженеры, но они решили, что я погиб где-то

в глубинах космоса и меня принесло к Земле звездными течениями. Так что я стою здесь как неопознанный обломок, который не представляет интереса для науки.

— А почему ты молчал, когда к тебе вернулась речь? — спросил Пашка.

— Я о многом передумал. Я не знаю, кто на меня напал и почему. Может быть, у вас на Земле есть злобные люди, которые уничтожают гостей?

— Ты с ума сошел! — воскликнул Пашка.

— А вдруг это был заговор против моей госпожи? Вдруг кто-то не хотел, чтобы я ее нашел? Сначала я решил выздороветь, а потом уже действовать. Пока что я начал заращивать дыру в борту. Еще неделю назад дыра в моем боку была вдвое больше. Я не бездельничаю, не сдаюсь на милость судьбы.

— И тут ты увидел нас, — сказал Пашка. — И решил нас использовать.

— Это вы решили меня использовать. Наверное, мне повезло. Если вы меня почините, я сделаю все, что вам нужно, а потом полечу дальше, искать госпожу Ирию.

— Правильно, — сказал Пашка.

— Неправильно, — возразил Аркаша.

— А в чем дело?

— Неужели ты не понял? — ответила за Аркашу Алиса. — Первым делом мы должны найти Ирию Гай.

— Что я слышу! — прошептал корабль. — Неужели в вас столько благородства?

— Это естественно, — сказал Аркаша. — Если у тебя несчастье, мы должны помочь.

— Но ведь я совсем чужой, и к тому же не человек, а корабль.

— Какая разница! — воскликнула Алиса. — Ты переживаешь, как самый настоящий человек.

— Погодите, погодите, — сказал Пашка, — что за спешка? А где гарантии, что этот катер не бросит нас, как только найдет свою госпожу? Мы тут будем стараться, трудиться и останемся без гоночного корабля.

— Как тебе не стыдно! — сказала Алиса.

— Паша прав, — сказал корабль. — Хоть и печально, что он плохо обо мне думает. Я даю слово, что буду вам честно служить.

— Не слушай Пашку, — сказала Алиса. — Ты лучше расскажи все, что знаешь об Ирии, чтобы нам легче было ее отыскать.

На дисплее возникло лицо молодой женщины. Лицо было красивым, решительным, волосы подстрижены очень коротко, на щеке небольшой

шрам.

— Ее легко отличить от остальных женщин, — произнес Гай-до. — Она всегда ходит в мужской одежде, говорит редко, но метко, иногда даже

употребляет грубые слова. Шаги широкие, спина прямая, любимые занятия: стрельба из пистолета, верховая езда, бокс и поднятие штанги… Ладони мозолистые, отлично обращается с рубанком и топором, владеет приемами смертоносной борьбы вейко. Это самая мужественная женщина во всей галактике, и лишь по недоразумению она родилась не мужчиной.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Хотел бы я иметь такую сестру.

— А что ты знаешь о Тадеуше? — спросила Алиса.

— Тадеуш — он и есть Тадеуш. — В голосе корабля прозвучало презрение. — Обыкновенный биолог, таким не место в галактике, даже за себя постоять не может.

На дисплее показалось лицо приятного молодого человека, голубоглазого, курчавого, скуластого, с грустными глазами.

— Он очень обыкновенный, — сказал корабль. — Такой обыкновенный, что даже смотреть не на что.

— Тадеуш, — сказал Аркаша. — Наверное, из Польши.

— Не играет роли, — твердо ответил кораблик. — Он недостоин моей госпожи.

Сад под Вроцлавом

На следующий день Пашка с Аркадием с утра снова улетели в Сахару, а Алиса отправилась в центральный информаторий, чтобы разыскать Ирию.

Оказалось, что это не так просто.

Во-первых, никакой Ирии Гай на Земле не было.

Женщин же по имени Ирина, Ирия, Ира и Ираида жило на планете слишком много. А какая из них нужна, не угадаешь.

Стали искать Тадеуша.

Но в Польше обнаружились триста двадцать тысяч восемьсот четыре Тадеуша самого разного возраста, и из них несколько тысяч побывали в космосе, потому что, как известно, поляки любят путешествовать.

Тогда девушка, которая занималась поисками Ирии, попросила Алису подождать, пока она свяжется с Управлением космической разведки. Алиса пошла к автомату с мороженым, выбрала себе трубочку сливочного, покрытого ананасовым желе с тонкой хрустящей леденцовой

корочкой. Не успела она доесть мороженое, как девушка позвала ее.

— Кое-что проясняется, — сказала она. — В Управлении мне сказали, что один Тадеуш Сокол числится в списках космобиологов по беспозвоночным. Он летал в экспедицию к системе Прокл, был ранен, лечился, полтора года назад вернулся на Землю. Сейчас живет возле города Вроцлав в поселке Стрельцы. Вот координаты.

Девушка нажала на кнопку, и из-под дисплея вылетела карточка со всеми данными. На обороте карточки было написано, как долететь из Москвы до поселка Стрельцы во Вроцлавском воеводстве, с расписанием подземки, аэробуса и координатами флаерной станции.

Алиса доела мороженое и взяла на стоянке флаер. Конечно, флаером лететь до Стрельцов немного дольше, чем добираться подземкой. Но подземка идет только до Вроцлава, а там надо пересаживаться. На флаере можно не спеша долететь прямо до нужного дома. Заложи в него карточку, полученную в информационном центре, остальное он сам найдет.

Настроение у Алисы было отличное, она предвкушала, как обрадуется Ирия, узнав, что ее кораблик на Земле.

Флаер сделал круг над поселком. Справа виднелись небоскребы и соборы Вроцлава, далее на-

чиналась зеленая зона — деревья были покрыты молодой листвой, лес был светлый, пронизанный солнцем. Алиса опустила флаер на поляне и пошла через лес к нужному дому. Она не спешила. Уж очень ей тут понравилось. В лесу было свежо, из травы поднимались ландыши. Алиса рвала заячью капусту и жевала кислые мягкие листочки. В траве зашуршал ежик и смело вышел на прогалину, не обращая на Алису внимания. На иголках у него были смешно наколотые листья. Алиса догнала ежика и сказала:

— Какой ты неаккуратный!

Ежик фыркнул, обиделся и шустро побежал прочь.

Алиса засмеялась.

Светило солнце, ветер был упругий, но не холодный, шумели листвой березы.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане. Она катила перед собой детскую коляску. В коляске лежал совсем маленький малыш, держал в руке погремушку и так внимательно смотрел на нее, словно решал математическую задачу. Алиса поздоровалась с женщиной, спросила по-русски, как зовут малышку.

— Ванда, — сказала женщина. Может, женщина и не знала русского языка, но каждому ясно,

что у тебя спрашивают, если смотрят на твоего ребенка и притом улыбаются.

— Скажите, — Алиса вынула информационную карточку, — как пройти к дому Тадеуша Сокола?

— Тадеуш Сокол? — повторила женщина тихим, очень нежным голосом.

Алиса залюбовалась ею. Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. У женщины были странные глаза сиреневого цвета в длинных черных ресницах.

— О! — сказала женщина. — Тадеуш Сокол. Это есть мой муж.

«Ой! — испуганно подумала Алиса. — Я и не подозревала, что столкнулась с трагедией. Значит,

этот самый Тадеуш полюбил другую женщину и прогнал женщину-мужчину, которую ищет кораблик Гай-до. А вдруг Ирия с горя покончила с собой?»

— Я провожу? — спросила женщина.

Она повернула коляску и пошла по тропинке. Алиса за ней. Женщина раз или два обернулась, с тревогой глядя на Алису, словно настроение Алисы передалось ей.

Шагов через сто перелесок кончился, и перед ними открылся тихий поселок маленьких разноцветных домиков, окруженных садами. Женщина покатила коляску к крайнему дому. В саду загорелый мужчина в закатанных до колен штанах красил известью стволы яблонь.

— Тадеуш! — позвала женщина.

Мужчина выпрямился и радостно улыбнулся женщине.

Он спросил ее что-то по-польски. Женщина ответила, обернулась к Алисе.

Алиса сказала:

— Здравствуйте. Простите, что я не знаю польского языка, но мне нужно обязательно поговорить с Тадеушем Соколом по очень важному делу.

— Хорошо, девочка, — ответил Тадеуш, ставя

кисть в ведро и вытирая руки. — Ты можешь говорить здесь?

— Мне хотелось бы, — сказала Алиса, чувствуя себя неловко, — поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — сказал Тадеуш. — Пошли в дом.

Он сказал что-то своей жене, та осталась в саду, а Тадеуш провел Алису на веранду. Он был мало похож на Тадеуша с дисплея. Алиса не узнала бы его, встретив на улице. И понятно — Гай-до помнил его больным, чуть живым.

Тадеуш сел в соломенное кресло и показал Алисе на второе.

— Ты хочешь молока? — спросил он.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку.

— Откуда ты?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Я живу в Москве, но прилетела я к вам со свалки.

— Очень приятно, — сказал Тадеуш, но было видно, что он удивился. — А что тебя привело на свалку?

Алиса посмотрела в сад. Молодая женщина снимала с веревки детские ползунки.

Алиса ужасно стеснялась и потому говорила сбивчиво:

— Он ее любит и ради нее преодолел половину

галактики. Он думает, что вы всему виной. Но теперь, когда я все поняла, то я, конечно, ничего не скажу, но что вы с ней сделали?

— Я ничего не понимаю, — сказал Тадеуш. — Объясни спокойно.

— Зачем объяснять? Я думаю, что вы все понимаете. Куда она улетела? Домой? Она ничего с собой не сделала?

— Может, тебе принести валерьянки? — спросил Тадеуш.

— Пожалуйста, не надо вилять и обманывать, — сказала Алиса. Она начала сердиться на этого биолога. Виноват, а сидит на веранде и еще предлагает валерьянку. — Обойдемся без валерьянки.

Тадеуш кинул встревоженный взгляд на жену, но та не смотрела в их сторону.

— Что я ему скажу? — спросила Алиса. — Он же при смерти. У него вот такая дыра в боку.

— Дыра? — Биолог вскочил. — У кого дыра?

Он сказал это так громко, что жена услышала его голос и поняла: на веранде происходит что-то неладное.

В мгновение ока она вбежала на веранду. И замерла, переводя взгляд с Тадеуша на Алису.

— Ничего не понимаю, — развел руками Тадеуш. — У кого-то дыра в боку, кто-то еще из-за меня

погиб, а кого-то я, по-моему, убил.

Биолог говорил на космолингве — языке, который Алиса отлично понимала.

Молодая женщина смотрела на Алису.

«Ну что ж, — подумала Алиса. — Я хотела быть деликатной и щадила их чувства. Они сами этого не хотят».

— Я скажу всю правду, — произнесла она решительно. — Ваш муж был на планете Вестер. Это было давно, почти два года назад.

— Я знаю, — сказала молодая женщина.

Тадеуш на секунду скрылся внутри дома и вернулся, держа в одной руке флакон валерьянки, в другой — стакан с водой.

— Он был ранен, и за ним ухаживала одна женщина по имени Ирия Гай. Это совсем особенная женщина. Она скорее мужчина, чем женщина, она изобрела и построила корабль Гай-до.

— Знаю, — коротко ответила молодая женщина.

Ее длинные волосы ниспадали на плечи, и сзади их подсвечивало ласковое польское солнце. И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки. Ей было очень жаль огорчать такую милую женщину. Но раз уж она начала говорить, останавливаться было поздно.

— Эта Ирия улетела за Тадеушем на Землю. Может быть, она его любила, а может, просто пожалела. Я не знаю.

— Любила, — сказала молодая женщина.

— Тем хуже, — вздохнула Алиса. — Потому что я ищу эту женщину, а оказалось, что он уже женился на вас. Все так запуталось, и я не знаю, что теперь делать. Но мне надо отыскать Ирию Гай. Хотя, может быть, он, — Алиса показала на Тадеуша, — ничего вам про нее не рассказывал.

— Ты права, — сказала молодая женщина и вдруг улыбнулась. — Он ничего мне про нее не рассказал, потому что я и есть Ирия Гай. И на мне он женился.

— Нет! — ахнула Алиса. — Вы не можете быть Ирией Гай. Ирия Гай совсем другая. Она почти мужчина, так ее воспитал отец. Она гоняет на скутерах и занимается штангой. Она обожает рубить деревья.

— Я немного изменилась, — сказала Ирия Гай.

— Разве изменилась? — произнес Тадеуш и сам выпил валерьянку. — Я думал, что совсем не изменилась.

— Но вы совсем другая, — сказала Алиса. — Он мне рассказывал… и даже показывал ваш портрет. У вас даже взгляд другой.

— Кто обо мне рассказывал? — спросила Ирия.

— А у кого дырка в боку? Кто так любит мою жену? — нервно спросил Тадеуш.

— Конечно, Гай-до, — сказала Алиса.

— Корабль? — спросила Ирия. — А как ты могла его увидеть?

— Он так волновался, что полетел на Землю вас искать. Мы его нашли на Земле. На свалке.

— На какой свалке?

— На свалке космических кораблей. В Сахаре. Его обстреляли по пути к Земле, и он чуть было не погиб. Но все-таки долетел. Потому что хотел вас увидеть.

— Глупенький кораблик, — сказала Ирия Гай.

И в этот момент в саду заплакал ребенок. Ирия кинулась с веранды, подхватила малышку на руки и стала укачивать.

— Теперь я все понял, — сказал Тадеуш, — а сначала я даже испугался.

— Я тоже запуталась. Ваша Ирия не похожа на Ирию. А теперь я смотрю и вижу — конечно же, это Ирия, только она изменилась.

— Тадеуш, — послышался из сада голос Ирии, — поставь греть кашку.

— Сейчас, — откликнулся Тадеуш и убежал на кухню.

Алиса осталась на веранде одна.

Всего она ожидала, но не этого. В саду плачет ребеночек, Тадеуш разогревает кашку… А как же космос? А куда делась героиня, которая больше мужчина, чем женщина?

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

— Посмотри, — сказала она Алисе, — Вандочка — удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок.

— И что мы будем делать с Гай-до? — спросила она.

— С кем? — удивилась женщина. — Ах, с кораблем? Но ты же сказала, что он на свалке.

— Вам его не жалко?

— Жалко? Конечно. Тадеуш, где же наконец кашка?

— Иду-иду, — откликнулся Тадеуш. Он прибежал на веранду, держа за ручку красную кастрюльку.

— Гай-до прилетел сюда из-за вас. Его чуть не убили, — сказала Алиса.

— Я его помню, — сказал Тадеуш. — Очень забавное кибернетическое устройство. Имитация

человеческого поведения. Твой отец был чудак.

— Мой отец был великий чудак, — ответила Ирия. — Правда, мне из-за этого пришлось нелегко. Я потеряла детство. В то время как мои счастливые сверстницы играли в куклы, я твердила логарифмы и осваивала рубанок. Вспомнить ужасно!

— А Гай-до говорил, что вам это нравилось.

— Я любила отца, — ответила молодая женщина, — и слушалась его. К тому же я не знала другой жизни.

— Славный старина Гай-до, — сказал Тадеуш, размешивая кашку, чтобы малышка не обожглась. — Помнишь, как вы меня нашли? Я ему очень благодарен.

— Значит, ты благодарен мне, — сказала Ирия. — Ведь я построила этот катер.

— Тебе я благодарен всегда, — ответил Тадеуш. — А ему за то, что он вытащил нас с той проклятой планеты, когда нас хотели убить.

— Но ведь не он два месяца сидел рядом с тобой в больнице?

Алисе показалось, что Ирия немного сердится на Тадеуша. «Так бывает, — подумала она. — Люди чувствуют себя виноватыми, а сердятся на других».

— Может, слетаем на свалку, навестим его? — сказал Тадеуш.

— Лучше Алиса пришлет нам его фотографию, — ответила Ирия. — Я не хотела бы оставлять Вандочку. В конце концов, корабль — это корабль. Не больше. Он связан с моим прошлым. Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать. Оказывается, я отлично вышиваю. Ты умеешь вышивать, Алиса?

— Нет, — сказала Алиса. — Я учусь стрелять из лука.

— Стрелять из лука — не главное в жизни, — засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения.

— Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Меня друзья ждут. Мы хотим починить Гай-до.

— Зачем? Лучше постройте новый корабль. Гай-до свое отлетал.

— Нет, — не согласилась Алиса. — Второго такого корабля нет. Но он так переживал из-за вас!

— Знаешь что, — сказала Ирия сердито, — я бы на вашем месте отключила его динамик. Кораблю незачем разговаривать.

— Мы этого никогда не сделаем. Мы с ним уже почти подружились. А что сказать, если Гай-до будет спрашивать, нашла я вас или нет?

— Что? — Ирия задумалась. Потом сказала: — Тадеуш, подержи ребенка.

И быстро ушла в комнату.

Тадеуш спросил:

— Ты сказала, что у него дыра в боку. Что случилось?

— Кто-то напал на Гай-до, когда он подлетал к Солнечной системе.

— Напал? И выстрелил?

— Да. Он не знает, кто и почему. Его подобрал наш патрульный крейсер, и он очнулся уже на свалке.

— Странно, — сказал Тадеуш.

Тут на веранду вышла Ирия.

Она протянула Алисе маленькую плоскую кассету.

— Отдашь эту видеопленку Гай-до. Он сам скажет тебе, куда ее вставить. Тут я передаю ему

привет и говорю, что у меня все в порядке, прошу, чтобы он забыл обо мне. Я больше никогда не буду летать. Я счастлива на Земле.

Ирия и Тадеуш вышли проводить Алису к калитке.

Алиса лесом добежала до флаера.

Через два часа она была уже в Сахаре.

Самоубийца

Алиса рассказала обо всем ребятам, а кассету вставила в видеофон.

Корабль был огорчен. Он надолго замолчал и даже перестал помогать Пашке и Аркаше советами. Словно его больше не интересовала собственная судьба. Но работать он не мешал, просто вдруг превратился в самый обыкновенный безмолвный корабль.

Алисе было жалко его. Конечно, у каждого человека своя судьба. И кораблю не разобраться в человеческих отношениях. Но Алисе почему-то казалось, что Гай-до — это щенок, который привязался к своему хозяину, а тот переехал на другую квартиру и решил, что обойдется без щенка, потому что он может испортить ковер. Вот и бегает щенок по улице и никак не поймет, за что его так обидели.

Аркаша привез из Москвы затравку кораллита. Это материал, из которого часто строят на Земле дома. Он состоит из живых кораллов, которые могут расти на воздухе. Если сделать кораллиту форму или опалубку, а потом поливать его пита-

тельным раствором, микроскопические кораллы начинают буйно размножаться, заполняя форму плотной массой, которая крепче любого бетона и легче ваты.

Пашка с Аркашей сделали из пластиковых листов заплату на корпус Гай-до, а затем нарастили ее кораллитом.

Кораллит быстро затянул пробоину. Получилось не очень красиво, но крепко. Даже в космос не страшно подняться, хотя надежнее сделать заплату металлическую. Но для этого надо перелететь в Москву, в школьную мастерскую. Там есть приборы и станки, с помощью которых можно починить Гай-до.

Подготовка к перелету заняла еще три дня.

Все эти дни Гай-до упрямо молчал.

Впервые он заговорил утром четвертого дня, когда москвичи прилетели на свалку, чтобы перегнать корабль к себе домой.

Пока Аркаша с Павлом сидели у Джамили, оформляя документы — ведь все корабли на учете и просто так забрать оттуда корабль нельзя, — Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибрать на мостике и в каюте.

Она так отвыкла от того, что Гай-до разговаривает, что вздрогнула, когда услышала голос

корабля.

— Алиса, — сказал корабль, — я вам не советую лететь в Москву.

— Ой! — сказала Алиса. — Ты заговорил! Как хорошо!

— Я решил покончить с собой. И не хочу, чтобы в этот момент вы оказались внутри меня.

— Ты с ума сошел! — ответила Алиса. — Так не бывает! В истории космонавтики еще не было случая, чтобы корабль покончил с собой.

— Это будет первый случай, — сказал Гай-до, — потому что я первый в мире разумный корабль, которого так жестоко обманули. Я не хочу больше жить.

— Это из-за Ирии?

— Я желаю ей счастья, — сказал Гай-до. — Но я ей не нужен. И она этого от меня не скрывает. Она даже не хочет обо мне вспоминать. Она не хочет вспоминать ни о чем, что связано с ее прошлой жизнью. Значит, я должен исчезнуть. А вдруг она вспомнит обо мне и начнет разрываться между мною и этим проклятым Тадеушем. Она разрушит семью, забудет своего ребеночка. И все будут страдать. Нет, я не могу этого допустить. Поэтому я должен погибнуть.

— Как же ты собираешься это сделать? — спро-

сила Алиса.

— Несложно, — сказал печально корабль. — Я возьму курс на ближайший астероид, разгонюсь до субсветовой скорости и врежусь в него. От меня ничего не останется.

— И ты твердо решил? — спросила Алиса и неожиданно для себя заплакала.

— Твердо, — ответил кораблик.

— Как жалко!

— Мне тоже нелегко.

Алиса ничего не могла с собой поделать. Она почти никогда не плакала, а тем более нельзя плакать, если тебе уже скоро двенадцать лет и ты облетела половину Галактики. Но представьте себе, как маленький, никому не нужный корабль Гай-до устремляется к пустому холодному клыкастому астероиду, чтобы найти мгновенную смерть в его скалах.

И в этот момент вернулись веселые, запыхавшиеся Пашка с Аркашей. И увидели, что Алиса сидит в кресле пилота с пылесосом в руках и безудержно рыдает. А вторя ей, из динамика над пультом доносится еще чей-то тихий плач.

— Кто тебя обидел? — бросился к Алисе Пашка. — Скажи, и я его убью!

— Может, тебя скорпион укусил? — спросил

Аркаша.

— Нет, но у меня горе.

— Какое?

— Гай-до не хочет больше жить. Он решил разбиться об астероид.

— Чепуха какая-то, — сказал Пашка. — Так не бывает.

— Почему не бывает? — сказал Аркаша, который уже все понял. — Если ты дал разум машине, если ты научил ее чувствовать и переживать, то несешь за нее ответственность. А что сделала Ирия? Она нашла свое счастье и забыла, что этим отняла счастье у другого. Я не знаю, что бы я сделал на месте Гай-до.

— Спасибо, — сказал Гай-до. — Так хорошо, когда тебя понимают.

— Гай-до, миленький, постарайся не умирать, — сказала Алиса, глотая слезы. — Я буду о тебе заботиться.

— Она в самом деле опечалена? — спросил Гай-до.

— Еще как! — сказал Пашка. — Я бы этой Ирии голову оторвал.

— Послушай, Гай-до, — сказал разумный Аркаша, — может быть, вместо того чтобы разбиваться об астероид, ты поищешь другой смысл в жизни?

Ты еще молодой, тебе летать и летать…

— Не знаю, — всхлипнул корабль. — Я не вижу этого смысла.

— Неправда, — возразил Пашка. — Смысл есть. Смысл в том, чтобы нам всем вместе победить в гонке.

— А потом? — спросил кораблик.

— А потом придумаем. Полетим с тобой в Галактику. Будем воевать с космическими пиратами. Найдем странников. Дел на всю жизнь хватит.

Гай-до замолчал. Задумался.

Алиса вытерла слезы. Ей было неловко перед друзьями, хотя никто ее не осуждал. Все они за эти дни привыкли к кораблику как к живому существу.

— Давайте я слетаю к этой Ирии, — сказал Пашка. — Я ей все выскажу по-мужски.

— Зря стараешься, — сказала Алиса. — Она не поймет. Нет смысла.

— Нет смысла, — повторил кораблик. — Но есть над чем задуматься. Слезы… детские слезы…

И он снова замолчал.

— Что теперь? — спросил Аркаша. — Возвращаемся домой?

— Нет, — твердо сказала Алиса. — Я его здесь не оставлю. Или он летит с нами и будет жить в

Москве, или я останусь здесь.

— И умрешь от голода и жажды.

— Не умру, — сказала Алиса. — Джамиля меня поймет.

— Погодите! — воскликнул кораблик. — Алисе не надо здесь оставаться. Я лечу с вами в Москву. Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка. Значит, я все-таки не один на свете.

— Не один, — твердо сказал Пашка, который испугался, что затея с гонками рухнула. — Мы с Аркашей тоже тебя не оставим. Будешь четвертым членом экипажа. Честное слово!

— Спасибо, — сказал Гай-до. Еще подумал и добавил: — Когда вылетаем? Мне надо сменить в мозгу шестнадцать кристаллов.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Аркаша.

— Тогда за работу! — ответил кораблик бодрым голосом.

Я с вами не полечу!

Они попрощались с Джамилей, у которой сидели биолог по случайным мутациям и специалист по сельскохозяйственным вредителям. Они и прилетели из Лондона искать этот таинственный серый мяч, который ребята видели на свалке. Пашка решил было задержаться и вместе с ними ловить серый мяч, но Аркаша посмотрел на него так строго, что Пашка смешался и сказал, что он пошутил.

Через Средиземное море летели не спеша, невысоко, чтобы Гай-до посмотрел Землю. Он ведь ее толком еще и не видел. Средиземное море ему понравилось, но красоту храма Парфенон кораблик не оценил. У него были свои понятия о красоте, которые не имели ничего общего со вкусами древних греков.

Зато Москву корабль одобрил. И небоскребы, и чистоту на улицах, и даже самих москвичей.

Школьная техническая площадка расположена между учебным зданием и футбольным полем. На площадке есть мастерские, небольшой ангар для летательных аппаратов, полигон и склад.

Когда Гай-до снизился, там как раз возились первоклассники, которые разбирали старый спутник на практических занятиях по истории космонавтики. Малыши загалдели, окружили кораблик, он им понравился, и они не скрывали своего удовольствия. Оказалось, что и Гай-до не лишен тщеславия. Он медленно поворачивался вокруг оси, чтобы малыши могли его получше разглядеть, и Алисе даже захотелось засмеяться, но она сдержалась, чтобы не обидеть Гай-до. А тот сказал ей:

— Приятные ребята, из них выйдет толк. Когда-нибудь я с ними займусь.

Потом пришел Лукьяныч, бывший механик на грузовых кораблях, человек ворчливый, но добрый — даже трудно представить себе, сколько поколений учеников школы занималось у него космической техникой. Его слово было решающим. Пашка даже побледнел, так ему хотелось, чтобы экзамен прошел успешно.

Лукьяныч долго ходил вокруг Гай-до, заглянул внутрь, посидел в пилотском кресле. Гай-до молчал, он договорился с Алисой, что пока не будет показывать, что он разумный, а то начнутся всякие разговоры, расспросы… Ведь Лукьянычу все равно, разговаривает корабль или нет. Лукьяны-

чу важны ходовые характеристики.

Лукьяныч вылез из Гай-до и сказал, покручивая сизый ус:

— Работа мастера!

Это было высокой похвалой конструктору корабля. Но потом Лукьяныч добавил:

— Вам его не довести до кондиции.

— Почему?

— Гонки идут не в открытом космосе, а частично в атмосфере. В этом вся загвоздка. Корпус побит, погнут, дыру вы заделали кое-как. Разогнаться как следует не удастся.

— А вы поможете? — спросила Алиса.

— Не помогу, — сказал Лукьяныч. — Послезавтра уезжаю на практику с седьмыми классами. А восстанавливать его надо на заводе. Сами понимаете.

С этими словами Лукьяныч ушел, оставив космонавтов в полном отчаянии. Потому что если Лукьяныч сказал, что корпус не восстановить, значит, не восстановить.

Они забрались в Гай-до, и Аркаша спросил:

— Ты слышал, что он сказал?

— Слышал, — ответил Гай-до. — Но я постараюсь.

— Что ты сможешь сделать! — воскликнул в сердцах Пашка. — Не надо было под ту ракету

соваться!

— Глупо, — заметил Аркаша. — Откуда он знал, что по нему будут стрелять?

— Может, в самом деле поговорить на космическом заводе? — спросила Алиса. — Попросить их.

— Ничего не получится, — сказал Аркаша. — На заводе свой план, они и так не справляются, вон сколько нужно кораблей! А к ним приходят дети и говорят: почините нам игрушку.

— Я не игрушка, — сказал Гай-до, — вы слышали, как профессор Лукьяныч сказал, что меня делал мастер?

— На прошлом далеко не уедешь, — заметил Пашка. — А наши соперники уже выходят на финишную прямую. Я звонил сегодня утром в Шанхай. Ван и Лю говорят, что почти готовы.

— Но я же прилетел сюда из Сахары! — сказал Гай-до.

— На малой скорости. И то ты плохо держал курс, сам знаешь.

— Знаю, — убитым голосом сказал Гай-до. — А я так хотел быть вам полезен.

— Мы тебя не упрекаем, — сказала Алиса. — Просто не повезло.

— Заколдованный круг получается, — сказал Аркаша. — Если бы ты был в полном порядке, мы

обогнали бы всех и на обычном топливе. Если бы у нас было какое-нибудь особенное топливо для разгона в атмосфере, мы бы обогнали всех и в таком виде.

— Топливо… — повторил Гай-до. — А что, если… Нет, для меня эти воспоминания слишком тяжелые.

— Какие воспоминания? — быстро спросил Пашка.

— Воспоминания о планете Пять-четыре, где госпожа Ирия встретила этого Тадеуша.

— А что там было?

— Может, ничего и не было.

— Гай-до, — строго сказал Пашка, — или ты сейчас все рассказываешь, или остаешься навсегда на этой площадке, и пусть с тобой играют первоклассники.

— Я же вам рассказывал, — произнес нехотя Гай-до, — что мы нашли Тадеуша возле базы странников.

— База странников! — Пашка подскочил в кресле и чуть не стукнулся головой о потолок.

— База очень старая.

— Они все старые, — сказал Пашка. — Все равно туда не заберешься.

— Ах, вы такие забывчивые, друзья мои! —

вздохнул корабль. — Я же видел там цистерны с горючим. А если я их видел, значит, они были видны.

— Я помню, — сказал Аркаша, — ты говорил, что вход был разрушен землетрясением.

— Значит, — сказал Гай-до, — предохранительный механизм, который уничтожает базу, если туда попадает посторонний, вышел из строя.

— Повтори, — сказал Пашка торжественно.

— Вышел из строя.

— Чего же ты молчал! — закричал Пашка. — Мы немедленно летим на планету Пять-четыре, забираем горючее странников... и, может быть, сокровища!

— Нет, — сказал Аркаша, — я категорически возражаю. Мы должны сообщить об этом в Верховный совет Земли. Туда снарядят экспедицию. Этим должны заниматься взрослые.

— Очень разумно, — сказал кораблик. — Я преклоняюсь перед вашей разумностью, Аркаша.

— Я тоже преклоняюсь, — сказал Пашка. — Я думаю, Аркаше пора возвращаться к ботаническим опытам. Квадратный арбуз — вот цель жизни!

— Это почему? — обиделся Аркаша. — Нельзя сказать правду, чтобы ты сразу не накинулся.

— И никаких гонок, разумеется, не будет, — ска-

зал Пашка.

— Почему же?

— А очень просто, — ответила за Пашку Алиса. — Потому что мы должны будем в первую очередь отдать в Верховный совет нашего Гай-до. Его будут там расспрашивать и проверять. Может, он больной. Может, его так повредило ракетой, что он начал придумывать разные фантазии.

— Правильно! — подхватил Пашка. — И потом, конечно, Гай-до разберут на части.

— Не надо! — закричал кораблик.

— И, уж конечно, ему никогда не подняться в космос.

— Не надо!

— А потом на планету Пять-четыре полетит экспедиция, в которую ни за что не возьмут ни одного легкомысленного ребенка. Туда полетят профессора и академики, а потом напишут миллион статей о возможном применении отдельных предметов… А мы прочтем об этом в газетах.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Аркаша.

— Совершенно ясно, — сказала Алиса, — Пашка предлагает полететь туда самим.

— Полететь туда самим, поглядеть хоть одним глазком на сокровища странников. Я живу на све-

те только один раз! — Тут Пашка встал в гордую позу, чтобы все поняли, что живет он не зря. — Я не знаю, сколько подвигов и великих открытий я успею совершить. Но когда мне говорят: «Гераскин, ты можешь!» — я бросаю все дела и иду!

— Мне нравится, как говорит Павел, — сказал кораблик. — Я его понимаю. Но, к сожалению, я должен возразить: это путешествие может оказаться очень опасным.

— И мы вообще не долетим, — добавил Аркаша. — Это же настоящее космическое путешествие с большим прыжком. Его категорически запрещено делать человеку, не имеющему диплома космонавта. И вы подумали, что скажут наши родители?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Пашка. — Во-первых, мы долетим, потому что полетим туда не на обыкновенном глупом корабле, а на нашем друге Гай-до. Он сделает все, что нужно. Ты сделаешь, Гай-до?

— Сделаю, — сказал кораблик.

— Второе. Никому мы ничего не скажем. Потому что нам, конечно, запретят лететь. А родители наши сойдут с ума от страха за своих малышей. При всех положительных качествах они совершенно отсталые, как и положено родителям.

— Я с вами не играю, — сказал Аркаша.

— Я и не ждал, что ты согласишься, — сказал Пашка. — Для этого требуется смелость, а смелость дана не каждому. Но ты должен дать слово, что будешь держать язык за зубами.

— Я не могу дать такого слова.

— Тогда мне придется тебя обезвредить, — сказал Пашка.

— Попробуй.

— Я найду подходящее подземелье и заточу тебя на то время, пока нас не будет.

— Ладно, мальчики, — сказала Алиса. — Хватит ссориться. А то вы наговорите глупостей, а потом будете целый месяц дуться друг на друга.

— Скажи, Алиса, — вступил в разговор кораблик, — а наш друг Паша в самом деле намерен провести в жизнь свой страшный план и посадить Аркадия в подземелье?

— Нет, — ответил за Алису Аркаша. — У него нет под рукой подходящего подземелья.

Аркаша повернулся и ушел.

Пашка бросился было за ним, но потом махнул рукой.

— Беги, предатель, — сказал он.

— Он никому не скажет, — сказала Алиса.

— Я знаю, — ответил Пашка. — Все равно обид-

но. Пошли, Алиска, нам надо придумать, что сказать предкам.

Фестиваль на Гавайях

Они попрощались с Гай-до и выскочили из него.

День был радостный, солнечный. На площадке перед кораблем стоял молодой мужчина и задумчиво рассматривал его.

Мужчина был Алисе знаком, но она никак не ожидала его тут увидеть и сразу не узнала.

— Тадеуш! — воскликнула она. — Вы что здесь делаете? А где Ирия?

— Здравствуй, Алиса, — сказал Тадеуш Сокол. — Ирия во Вроцлаве с ребенком. А я вот приехал в Москву по делам. У нас конференция. И думаю: разыщу тебя, узнаю…

— А это Паша, мой друг, — сказала Алиса. — Мы хотим с ним вместе полететь на Гай-до.

— Очень хорошо, — сказал Тадеуш. — Я рад.

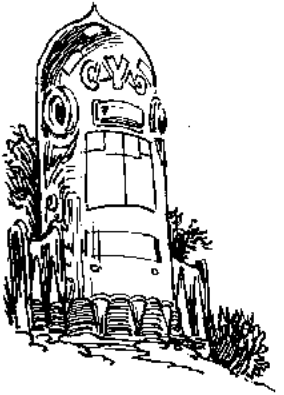
— Значит, это вы — муж Ирии? — спросил Пашка строго.

— Ты угадал.

— Понятно, — сказал Пашка. Тадеуш ему не понравился.

Они замолчали, глядя на кораблик. Он стоял

совсем рядом, но неизвестно было, слышал их или нет. А может, он и не узнал Тадеуша. А если и узнал, то не подал вида. Наверное, потому, что считал Тадеуша виновником всех бед.



— Я себя чувствую неловко, — сказал Таде-

уш. — Но жизнь очень сложная штука. Вы это еще поймете. Потом.

— Я уже сейчас понимаю, — сказал Пашка.

Тадеуш только улыбнулся.

Алиса подумала: «Он не так уж и виноват. Это все Ирия решила». Чтобы не молчать, она спросила:

— А вы на планете Пять-четыре не видели базы странников?

Пашка толкнул Алису в бок: замолчи!

— Базу странников? — удивился Тадеуш. — А разве она там есть?

— Нет, — сказал быстро Пашка. — Наукой установлено, что там нет базы странников.

— Впрочем, — сказал Тадеуш, — если бы я выбирал самое дикое место, чтобы спрятать базу, лучше, чем Пять-четыре, не найдешь.

— Вы так и не помните, кто на вас напал? — спросила Алиса.

— Нет. Это случилось очень неожиданно. Хотя, если задуматься, у меня в тот день было странное ощущение, словно за мной кто-то следит. Неприятное ощущение. Там водятся серые шары, большие, как… футбольный мяч. Один такой шар от меня буквально не отставал.

Тадеуш замолк. Алиса вдруг вспомнила мяч

на свалке.

— Вот такой? — Она показала руками.

— Да, примерно такой… Простите, мне пора идти. До свидания, ребята. Напишите мне, как прошли гонки. До свидания, Гай-до.

Гай-до ничего не ответил.

Они попрощались с Тадеушем у школьных ворот. Его ждал флаер.

Тадеуш помахал сверху рукой. Алиса помахала в ответ. Пашка махать не стал.

— Где бы добыть оружие? — сказал Пашка. — В такую экспедицию безумие лететь невооруженным.

Алиса только отмахнулась. Она оставила Пашку на перекрестке и пошла домой.

Нельзя сказать, что она была довольна собой. Она отлично понимала, что Аркаша прав: детское легкомыслие — лететь на неизвестную планету, искать базу странников. Надо обо всем рассказать отцу. Тогда прощай, Гай-до, прощайте, гонки, прощай, Большое Приключение. Но как трудно от этого отказаться! А что, если Аркаша обо всем расскажет? Тогда она ни в чем не будет виновата. Все получится само собой. Нет, лучше, если Аркаша промолчит. В конце концов, что тут особенного? И она, и Пашка бывали в космосе,

они уже не дети, им по двенадцать лет. Гай-до не обыкновенный корабль. А если открыть сокровища странников — это редчайшая удача!

Алиса почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она быстро обернулась и увидела, что по дорожке следом за ней катится серый мяч.

Поняв, что его увидели, мяч резко изменил направление и покатился к кустам.

— Стой! — крикнула Алиса. — Еще чего не хватало!

Кусты зашуршали. Алиса раздвинула их, но ничего не увидела.

Может, показалось? Тадеуш говорил про серый шар, вот и чудится всякая чепуха.

Алиса не заметила, что серый мяч как бы растекся, превратился в серую пленку и обвил дерево, слившись с его корой.

«Пойду домой, — решила она. — Надо будет придумать, куда отправиться на несколько дней так, чтобы не удивить родителей».

Вечером ей повезло. Позвонила папина знакомая и стала рассказывать, какой замечательный фестиваль народных танцев всей планеты начинается на Гавайских островах. Она щебетала полчаса, а потом спросила:

— Почему бы вам туда не слетать?

— Мне некогда, — ответил профессор Селезнев, которому это щебетание уже надоело.

— А Алисочка? — воскликнула знакомая. — У нее же каникулы.

— Сомневаюсь. По-моему, она всерьез увлеклась космическими гонками, — сказал отец.

— Почему же? — сказала Алиса. — Гонки еще только в августе. Я с удовольствием слетаю на фестиваль.

А когда она сказала о фестивале Пашке Гераскину, тот заявил, что с детства только и мечтал наслаждаться народными танцами.

Мать его отпустила на Гавайи. Только умоляла не сражаться с акулами.

На следующее утро мать застала его в тот момент, когда он опустошал холодильник. Глядя честными голубыми глазами, Пашка сказал матери, что не выносит гавайской пищи и потому вынужден тащить с собой на фестиваль целый мешок копченой колбасы, сыра, масла и консервов.

Мать спросила:

— Может, у тебя живот болит?

— У меня железное здоровье, — ответил Пашка.

Два зайца

Конечно, экспедиция была подготовлена не очень тщательно. Но Алиса с Пашкой рассчитывали, что она продлится недолго. Туда и обратно. Да и много ли нужно двум космонавтам отроческого возраста?

С Аркашей в последние два дня перед отлетом они не виделись. Правда, Алиса как-то заглянула в лабораторию и увидела, что Аркаша в одиночестве сидит перед микроскопом. Они поговорили на разные темы, но основной и самой болезненной не касались.

Стартовать решили днем. На виду у всех. Пашка где-то вычитал, что опытные преступники так всегда и делали. Допустим, хочешь ты ограбить старушку-миллионершу. Тогда ты переодеваешься молочником или почтальоном и открыто стучишь к ней в дверь. Никто не беспокоится, включая саму старушку.

Алиса попросила Пашку самому поговорить с Лукьянычем. Дело в том, что Алиса ненавидит говорить неправду. Но в жизни детям время от времени приходится говорить неправду, в

первую очередь из-за того, что родители их не понимают. В таких случаях Алиса предпочитала ничего не говорить вообще. А так как Пашка не имел таких железных принципов, он спокойно рассказал Лукьянычу, что они решили провести ходовые испытания Гай-до в атмосфере и совместить их с полетом на фестиваль народных танцев.

Лукьяныч сам проверил, как работает пульт управления, похвалил ребят, что они привели его в порядок, проверил прочность кораллитовой заплаты и дал согласие на полет.

— Только выше пятисот над поверхностью не советую подниматься, — сказал он. — И не гоняйте его на пределе скорости. Все-таки ему еще далеко до готовности.

— Будет сделано, — сказал Пашка.

Алиса, стараясь остаться честным человеком, молчала и укладывала посуду в ниши бортового шкафа, чтобы не побилась при маневрах.

Когда Лукьяныч вышел из корабля, Гай-до, который не проронил до этого ни слова, произнес:

— Странно, говорят, что ваш Лукьяныч разбирается в кораблях, а мне не доверяет.

— Ты не прав, братишка, — сказал Пашка. — Если бы у него были сомнения, никуда бы он нас

не отпустил.

В последние дни Пашка называл Гай-до братишкой, и корабль не обижался. Чувство юмора у Гай-до было развито слабо, потому что оно было слабо развито у его конструкторов, но смеяться он умеет.

Алиса села в кресло пилота, связалась с диспетчерской, получила «добро» на вылет за пределы атмосферы.

— У тебя все готово? — спросила она Пашку.

— Готово, — сказал он, пристегиваясь к креслу.

И тут раздался леденящий душу крик. Он доносился снизу.

Алиса и Пашка замерли, словно примерзли к креслам.

Люк, что ведет в трюм корабля, распахнулся, и оттуда выскочил бледный как смерть Аркаша Сапожков.

Он даже трясся.

Как только Алиса и Пашка сообразили, что это не привидение, а самый обыкновенный Аркаша, они накинулись на него.

— Я могла умереть от страха, — заявила Алиса. — Ты об этом подумал?

— И вообще, что ты здесь делаешь? Шпионишь? — спросил Пашка.

— Я сам чуть не умер от страха, — сказал Аркаша, опускаясь в кресло. — Я решил: полечу все-таки с вами. А вдруг будут опасности и я смогу вам помочь. Но мне не хотелось об этом раньше времени говорить… Я прошел в корабль, забрался в трюм и стал ждать, пока Гай-до поднимется.

— Ты что, о перегрузках забыл? — удивилась Алиса.

— Он, может, и забыл, — послышался голос Гай-до, — но я о таких вещах, как безопасность экипажа, никогда не забываю.

— А чего же нам не сказал? — удивилась Алиса.

— А вы не спрашивали, — сказал Гай-до. — Вы не спрашивали, а Аркадий попросил меня хранить молчание. Вот я и хранил.

— Дурак, — сказал Пашка.

— Вот это лишнее, братишка, — обиженно ответил корабль.

— А чего же ты испугался? — спросила Алиса.

— Я испугался? — удивился Аркаша. — Я почти не испугался.

— Ты бы видел свое лицо, когда из люка лез, — засмеялся Пашка.

— Нет… так просто… Я там в пустой контейнер для образцов залез и заснул. А потом мне показа-

лось… наверное, мне показалось, что там что-то живое меня коснулось. Как крыса. Там же темно… Я спросонья и закричал.

— Показалось? — спросила Алиса. — А может, там еще какой заяц есть? Может, какой-нибудь первоклашка забрался? Гай-до, скажи, в трюме больше нет ни одного человека?

— В трюме больше нет ни одного человека, — сказал Гай-до. — Я бы заметил, если бы на борт поднялся еще один человек. В трюме есть органические вещества, но это, очевидно, те продукты, которые загрузили мои новые хозяева. Там есть десяток палок копченой колбасы, двадцать три батона, головок сыра разного размера… четыре.

— Три головки сыра, — поправила корабль Алиса.

— Хватит, — сказал Пашка. — Так мы никогда не взлетим. Аркаша, ты не раздумал с нами лететь?

— Не раздумал, — сказал Аркаша.

— Всем членам экипажа занять свои места! Даю старт.

Прошли пояс околоземных лабораторий и городков на орбите, потом миновали громадный центральный космодром на полпути к Луне, где швартовались грузовые громады со всей галак-

тики, затем справа по борту прошла Луна. На ней были видны многочисленные огоньки городов, заводов и рудников. Гай-до постепенно набирал скорость, так, чтобы не было особых перегрузок. Он щадил своих пассажиров.

Наконец орбита Луны была позади. Марс остался в стороне. Впереди плыл величественный полосатый Сатурн.

— Скоро будем проходить то место, где меня подбили, — сказал Гай-до.

— Как странно, — сказала Алиса, — тут оживленно, будто на улице.

— Может, позавтракаем? — спросил Пашка. — Что-то я давно не ел.

— Мы же договорились как следует позавтракать дома! — возмутилась Алиса. — Почему на тебя нельзя положиться? Пищу надо экономить. Теперь нас не двое, а трое. С твоим аппетитом мы умрем с голоду раньше, чем долетим до Пять-четыре.

— Я не рассчитывал на Аркашу, — сказал Пашка. — Мне бы хватило.

Алиса увидела, что Аркаша побледнел. Он был гордый человек и понимал, что виноват, не подумал о еде.

— Я вообще могу не есть, — сказал Аркаша.

— Поздравляю, — съязвил Пашка.

— Замолчи, умник! — возмутилась Алиса. — Я буду делить свою норму с Аркашей, а ты можешь о себе не беспокоиться.

Тут уж пришла Пашкина очередь возмущаться:

— Значит, я — холодный эгоист, я могу бросить друзей на произвол судьбы, а вы хорошие? Как я жалею, что выбрал вас к себе в экипаж. Столько хороших людей на свете, а мне достались неблагодарные эгоисты.

— Странно, — заметил Гай-до, — в рассуждениях моего братишки полностью отсутствует логика. Насколько я понял, его товарищи добровольно решили не ограничивать его питание, а он на них сердится.

— Что ты понимаешь в человеческих отношениях! — взревел Пашка.

— Боюсь, что ничего не понимаю, — грустно сказал Гай-до. — Я все время ошибаюсь. Когда я думаю, что люди должны вести себя так, они тут же начинают вести себя иначе.

— Извини, Гай-до, — сказала Алиса твердо. — Мы ведем себя как глупые дети, которых нельзя пускать в космос. Я предлагаю забыть о спорах и для начала выяснить, сколько у нас продуктов. Я

пойду в трюм и все запишу.

— У меня с собой есть две пачки жевательной резинки, — сказал виновато Аркаша.

— Ими ты будешь угощать туземцев, — не удержался Пашка, потому что он всегда оставлял за собой последнее слово.

Алиса отстегнулась от кресла и открыла люк.

Гай-до включил в трюме яркий свет.

«Конечно, — подумала Алиса, — когда здесь было темно, Аркаша мог напугаться». Сейчас маленький трюм, в котором хранились инструменты, запасные части, продовольствие и снаряжение для экспедиции, фонари, веревки, лестницы, сверла и бурильная установка, которые приволок на корабль Пашка, казался обжитой мастерской. У стены стоял большой холодильник. Рядом на полках — контейнеры.

Алиса сказала Гай-до:

— Я буду тебе диктовать, а ты записывай, хорошо?

— Зачем записывать? — удивился корабль. — Я и так все запомню.

— Мне потом надо будет разделить пищу на дни и едоков, — сказала Алиса.

Она открыла холодильник и начала вслух перечислять все продукты, что были в нем. Потом

перешла к продуктам, что лежали на полках. На нижней полке, где недавно скрывался Аркаша, лежали сухие колбасы и головы сыра.

— Записывай дальше, — диктовала Алиса. — Колбаса. Десять штук.

— А какой вес? — спросил Гай-до.

— Примерно по полкило.

— Записал.

— Три головы сыра.

— Нет, — сказал Гай-до, — четыре.

— Но тут три. Можешь посмотреть.

— Нет, четыре, — упрямился Гай-до. — Четвертая закатилась в угол, протяни руку.

Алиса протянула руку и, хоть она ничего не боялась, вскрикнула от неожиданности, потому что голова сыра была мягкой, теплой и покрытой слизью. Голова вздрогнула от Алисиного прикосновения, покатилась по полке, упала на пол и помчалась к куче инструментов, чтобы в нее зарыться.

Тогда Алиса сообразила: это был все тот же вездесущий серый мяч из Сахары.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса

вслух. — Как же мы его раньше не заметили?

В люке появились головы Аркаши и Пашки — они услышали крик Алисы.

— Что случилось? — спросил Пашка.

— Этот сыр, — сказала Алиса, беря в руки кирку, чтобы защищаться, если мяч прыгнет на нее, — вовсе не сыр, а гадкое животное.

— Вижу, — сказал Гай-до. — Узнаю. Я видел эту тварь в Сахаре. Виноват, что не заметил, как оно проникло на борт. Несу ответственность.

— Не нужна мне твоя ответственность, — сказала Алиса. — Нам его надо поймать и посадить в какую-нибудь банку.

Она приблизилась к мячу. Сверху спрыгнул Пашка, он притащил из камбуза большую кастрюлю.

В тот момент, когда Пашка дотронулся до мяча краем кастрюли, мяч метнулся в сторону и исчез.

— Где он? — Алиса оглядывалась.

Шару негде было укрыться в трюме, но все же он скрылся.

— Он над вашей головой, — сообщил Гайдо. — И постепенно перемещается к люку, чтобы выбраться наверх.

Подняв голову, Алиса увидела шар. Только это уже был не шар. Он расползся по стене, превра-

тившись в тонкий серый блин.

— Сейчас я до него доберусь, — сказал сурово Пашка. Он схватил швабру и угрожающе поднял ее.

— Не надо! — раздался тонкий пронзительный голос. — Я жить хочу. Я ни в чем не виноват!

— Ах, вы разумные? — удивилась Алиса.

— Тем хуже. Значит, он шпион, — сказал Пашка. — Пускай лезет в кастрюлю.

— Я не шпион! — взмолился мяч. — Я жертва обстоятельств. Можно я упаду на пол? Я обещаю, что не убегу. Мне же некуда убегать.

— Пускай падает, — сказала Алиса.

— Только без шуток, — предупредил Пашка.

Шар плюхнулся на пол, собрался в комок и замер посреди трюма.

— Признавайся, — сказал Пашка, — шпионил?

— А как я могу шпионить? — сказал шар. — Моя история такая простая и печальная, что вы должны меня понять. Вы же добрые люди.

Шар откатился подальше от швабры, которую направил на него Пашка.

— Я живу на планете, которую вы называете Пять-четыре, — сказал шар комариным голосом. — У меня есть жена и восемь маленьких детей, которые никогда меня не дождутся, если

ваш страшный капитан убьет меня этой мохнатой палкой.

— Не такой уж я страшный, — сказал Пашка и отставил швабру в сторону.

— Я жил мирно, как все, но однажды на мою планету опустился большой корабль. Это была экспедиция. Они обследовали планету и собирали образцы. И забрали меня как образец.

— А чего же вы не возражали? — спросила Алиса.

— Меня погубило любопытство. Я решил, пускай они думают, что я неразумное существо, зато я увижу другие звезды. В душе я путешественник. Когда корабль прилетел к себе домой, я сбежал и пробрался в город.

— Как называлась планета? — спросил сверху Аркаша.

— Паталипутра, — быстро ответил шар.

— Я там была, — сказала Алиса.

— Ну вот видите! — обрадовался шар. — Значит, я говорю правду. Я осмотрел Паталипутру и решил лететь дальше. Мне это нетрудно. Я могу незаметно проникнуть на любой корабль. За пять лет я облетел много планет и захотел вернуться домой. Но как это сделать? Ведь на мою планету не летают корабли. И я отправился на Землю.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что сюда прилетают корабли со всей галактики. Здесь можно дождаться экспедиции в мои края. Ожидая случая, я облетел всю Землю. Я побывал в Сахаре на свалке кораблей и узнал, что ваш уважаемый корабль побывал на моей родной планете и вы собрались к нам снова. Но у меня нет денег на билеты. Пришлось спрятаться в трюм под видом головки сыра. Вот и вся моя история. Вы можете убить меня, а можете осчастливить.

Скользкий мяч покорно замер посреди пола.

— Поверим? — спросил Пашка.

— Не знаю, — сказал сверху Сапожков.

— И я не знаю, — сказала Алиса.

— Вы можете мне не верить, — сказал мяч. — Только довезите меня до дома. Меня уже не ждут… И мне суждено будет умереть на чужбине.

— А где он будет жить? — спросила Алиса.

— Пожалела? — понял ее Пашка.

— А что делать? Лучше верить, чем не верить.

— Я останусь здесь, в трюме, — сказал мяч, — чтобы не попадаться вам на глаза. Я вам кажусь некрасивым и даже противным. Но я не обижаюсь. Я буду жить здесь, на нижней полке.

— Если вы его оставляете, — сказал Гай-до, — то

я за ним присмотрю.

— Только чтобы продуктов не касался, — предупредил Пашка.

— Я не ем колбасы и сыра, — ответил мяч. — Я извлекаю все, что мне нужно, из простой воды. Вы не откажете мне в глотке воды?

— Не откажем, — сказал Пашка.

Полет с происшествиями

Постепенно быт на борту наладился. Серый мяч мирно сидел в трюме, порой вылезая напиться. Двигался он с удивительной ловкостью. Он объяснил Алисе, что жизнь на планете Пять-четыре суровая. Слабому там не выжить. Разумные мячи могут прыгать, плавать, нырять, расплющиваться в блин, даже превращаться в червей. Опасаясь землетрясений, они обитают по берегам озер и речек, на открытых местах, чтобы успеть укатиться от опасности. И уж, конечно, не строят никаких городов.

Если озеро вдруг высохнет или провалится сквозь землю, они спешат к другому озеру или реке. Аркаша, которому мяч разрешил себя осмотреть, сказал, что мячи — растения. Но они не лишены чувств и привязаны к своей семье.

Из своих пассажиров Гай-до более других выделял Алису. Когда Алиса была на вахте, они подолгу разговаривали, и Пашка даже посмеивался: о чем можно часами разговаривать с кораблем? Но Гай-до не обижался. Он к Пашке привык и знал ему цену. Он придумал для Паш-

ки прозвище: «Наш опасный друг». И объяснял его так: Пашка ради друзей готов жизнь отдать. Человек он благородный и верный. Но настолько увлекающийся, что в решающий момент может забыть о долге, обязанностях. Правда, про быка и красную тряпку Гай-до не говорил, потому что на Вестере не знают о бое быков, — так его поняла Алиса.

На третий день все космонавты заняли свои места, и корабль совершил прыжок. Как известно, притяжение передается гравитонами — особыми частицами, которые были открыты в начале XXI века великим чешским физиком Ружичкой и его женой Анитой Сингх. Гравитоны, в отличие от прочих частиц, движутся быстрее скорости света, то есть почти мгновенно. И когда удалось обуздать и подчинить гравитоны, люди смогли создать гравитонные двигатели: любой корабль может пронестись через половину галактики в считанные минуты.

Но гравитонные двигатели очень сложны и дороги. Далеко не на всех, даже больших кораблях их устанавливают. А уж на маленьких — никогда. Гай-до был исключением.

Три с половиной часа, за которые Гай-до совершал прыжок к планете Пять-четыре, космонавты

были без сознания. Для Алисы и ее друзей этих часов не существовало. Она закрыла глаза, потом открыла их снова. Часы над пультом показывали, что прошло три часа и тридцать одна минута.

Алиса услышала голос Гай-до:

— Прыжок прошел нормально. Система назначения видна на экранах.

Очнулся Пашка, включил экран. Несколько тусклых звездочек горели в его центре.

— Ищи там, где четыре солнца, — сказал Аркаша.

Алиса отстегнулась и спустилась в трюм проверить, как перенес прыжок серый мяч.

Тот был невредим, сидел в углу на полке, хотя трудно сказать, сидел, лежал или стоял, раз уж он совершенно круглый.

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил он Алису.

— Разумеется, — сказала Алиса.

— Зря, — сказал мяч.

Алиса увидела, что он волнуется. Когда мяч волновался, по его телу пробегала дрожь, как будто мелкая рябь по воде.

— Я тебя не понимаю, — сказала Алиса. — Это же естественно.

— На свете нет ничего естественного, — отве-

тил пронзительным голоском мяч. — Потому что ты не должна меня жалеть. Ты должна желать моей смерти.

— Я ничьей смерти не желаю, — сказала Алиса.

— Ты еще не знаешь жизни. Ты еще детеныш. Как и мои детеныши, ты думаешь, что все взрослые должны быть хорошими. Но если бы твоему отцу сказали: выбирай, что тебе дороже: жизнь своих детенышей или чужих? — он бы выбрал своих и стал убивать чужих.

— Ты говоришь странные и неприятные вещи, — сказала Алиса. — Я тебя не понимаю.

— Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь, — сказал мяч.

— Постараюсь, — согласилась Алиса. — Прости, мы давно знакомы, а я не знаю, как тебя зовут.

— Зачем тебе мое имя? — сказал шар. — Оно опозорено.

Шар забился в угол и замолчал.

«Странно, — подумала Алиса, выбираясь из трюма. — Сам говорил, что тоскует по своей семье. Казалось бы, повезло, подлетает к дому. А чем-то недоволен, говорит о смерти…»

Гай-до словно угадал ее мысли и сказал:

— В мяче пробудилась совесть.

— А разве он до этого был бессовестным? — спросила Алиса.

— Не знаю, — сказал Гай-до. — Но у меня дурные предчувствия. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

— Ты думаешь, что он не с планеты Пять-четыре?

— Не в этом дело…

Постепенно одна из горящих точек на центральном экране увеличивалась и становилась ярче. К исходу второго дня уже можно было различить на ней кольца вулканических кратеров. Алиса с тревогой наблюдала, как уменьшаются запасы пищи. Но пока говорить об этом ей не хотелось, она боялась, что мальчики начнут нервничать. И Аркаша вообще откажется есть. А мужчины, как учила Алису бабушка, должны быть сытыми. Даже самый хороший мужчина становится невыносимым, если он голодный.

Мяч больше с Алисой не разговаривал. Но она как-то услышала, что он беседует с Аркашей, который собирался написать о мяче статью.

— А зачем вы-то летите на нашу планету? — спросил он Аркашу.

— Нам интересно, — ответил Аркаша.

— Что может быть интересного? — спросил мяч. — Ничего у нас интересного нет.

— Для ученого любой новый мир интересен, — сказал Аркаша.

— Изучаете, значит? — пронзительно произнес мяч.

«Неприятный голос, — подумала Алиса. — Сквозь переборки проникает».

— А я думал, вы клады ищете, — вновь послышался голосок мяча.

— Почему? — спросил Аркаша.

— Больше незачем лететь на пустую планету.

— Нет, — сказал Аркаша, — дело не в кладах.

— Да разве в вас разберешься? — сказал мяч.

Помолчал. Потом спросил: — Ну и какая у меня температура?

Алиса заглянула в кают-компанию. Аркаша изучал мяч. Мяч сидел (или лежал, или стоял) на столе. Он был обклеен датчиками. Аркаша просматривал данные на дисплее.

— Температура тела, — сказал Аркаша, — повышается и понижается от настроения.

— Правильно. Как-то мой дядя с семьей попал на Северный полюс, занесло их потоком, и там они проспали три года во льду. Пока не разморозило. И ничего, живы. У нас климатические условия ужасные.

— Знаю, — сказал Аркаша.

— А то еще попадете в землетрясение. Тоже ужасно. Значит, клад ищете?

— Не ищем мы клада.

— Не люблю я вас, кладоискателей, — сказал мяч. — Таинственные вы. Вот я знаю: вас на борту четверо. Трех я видел, а Гай-до прячется. Почему? Где?

Послышался смех Гай-до. Ему показалось забавным заблуждение мяча, но спорить он не стал, а объявил, что начинает торможение.

Аркаша освободил мяч от присосок и датчиков, отнес его в трюм, где Пашка проверял снаряже-

ние, потому что был уверен, что ему придется опускаться в пропасти и подниматься на вулканы.

— Типичные кладоискатели, — сказал мяч, увидев Пашку, обмотанного тросом, с альпенштоком в руке и ранцевым ракетным двигателем за спиной.

— Я альпинист, — сказал Пашка.

И тут они услышали голос Гай-до:

— Тревога, всем членам экипажа собраться на мостике.

Аркаша и Пашка выскочили из трюма и кинулись к креслам.

— Что случилось? — крикнул Пашка.

— Смотри на экран! — сказала Алиса.

По экрану быстро ползла зеленая точка.

— Вижу катер, — сказал Гай-до. — На мои позывные не отвечает.

Зеленая точка резко изменила курс и через несколько томительных минут скрылась за расплывчатым, туманным краем атмосферы.

— Я полагаю, — сказал Гай-до, — что разумно повернуть назад.

— Предлагаешь вернуться? — удивился Пашка. — В минутах от цели?

— Я не знаю, что нас отделяет от цели, — сказал

Гай-до, — может, скорая гибель.

— Наверное, Гай-до прав, — сказал Аркаша, — у нас на борту девочка. Я считаю, что мы должны вернуться обратно и сообщить обо всем взрослым. Я и раньше так считал.

— Ты не о девочке думаешь! — вскипел Пашка. — Я все понял! Трусишь — сиди на Земле. А об Алисе не беспокойся, она смелее тебя!

Алиса понимала, что Пашка думает только о приключениях. Она готова была уже поддержать Аркашу, но странное дело: слова Пашки о том, что она смелая, заставили ее промолчать. Как будто хитрющий Пашка заткнул ей рот большой конфетой.

— У кого сколько смелости, мы еще посмотрим, — тихо сказал Аркаша. — Я высказал свое мнение, но сам я не возражаю, чтобы спуститься на эту планету.

«Ну и Пашка, — подумала Алиса, — он и Аркашу перехитрил. Ну какой нормальный парень будет настаивать на возвращении, если его обвинили в трусости?»

— Возвращайтесь! — услышала она пронзительный комариный голосок. Оказывается, серый мяч каким-то образом выбрался из трюма. — Вам с ними не справиться. Вы погибнете, как погибли

все остальные.

— Что ты знаешь? — спросил Гай-до. — Отвечай, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю. Я ничего не сказал! — Шар превратился в бесконечную серую нить и скользнул в люк.

— Настойчиво рекомендую, — сказал Гай-до, — вернуться на Землю.

— Голосуем, — быстро сказал Пашка. — Я за демократию. Твой голос, Гай-до, считается. Кто за то, чтобы опуститься на планету Пять-четыре? Я — раз, Алиса — два, Аркадий — три. Кто против?

— Я против, — сказал Гай-до.

— Я против, — послышался комариный голосок из трюма.

— Три — два в нашу пользу, — сказал Пашка. — Решение принято демократическим большинством. Начинаем посадку.

— Хорошо, — сказал Гай-до. — Но я предлагаю спуститься подальше от базы странников.

— Почему? — спросил Пашка. — Мы быстро спустимся, быстро осмотрим подземелье, моментально заберем, что нам нужно, и улетим.

— Моментально — это неправильное слово, — сказал Гай-до.

— Пока ты будешь моментально лазить по под-

земелью, — сказала Алиса, которая поняла, что Гай-до прав, — нас тридцать раз увидят, найдут и, если захотят, убьют.

— А что же ты предлагаешь? — спросил Пашка.

— У меня есть одна идея, — сказал Гай-до. — Смотрите.

Гай-до зажег большой экран на пульте, и на нем показалась объемная карта. На ней — путаница скал, ущелий, гор и кратеров.

Загорелась зеленая стрелка, которая поползла по ущелью.

— Вот здесь, — сказал Гай-до, — мы нашли Тадеуша. Рядом со входом в подземелье. Но сюда мы опускаться не будем. Здесь… — зеленая стрелочка переместилась в соседнее ущелье, — выходы железной руды. Под этим обрывом большая ниша, там можно уместить пассажирский лайнер. Навес над нишей — железная руда. Что это означает?

— Это означает, — сказал Аркаша, — что, если мы незаметно ляжем в ту нишу, нас нельзя засечь сверху.

— Если не возражаете, я начинаю маневр, — сказал Гай-до.

— А оттуда до базы далеко? — спросил Пашка.

— Километров двадцать. Но дорога через горы.

— А поближе нельзя?

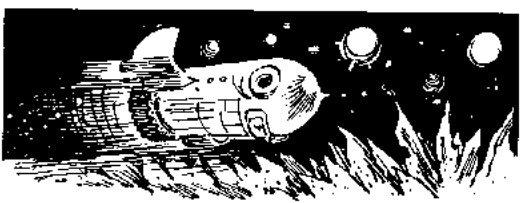
— Братишка, ты нетерпелив, как маленький ребенок, — сказал Гай-до.

— Ну ладно, если другого выхода нет…

Пашка умеет всем сделать одолжение.

Неуютная планета

Если бы кто-то наблюдал за Гай-до сверху, он страшно удивился бы, каким запутанным курсом тот идет над планетой. Корабль петлял, делал зигзаги длиной в тысячу километров, замедлял движение так, словно вот-вот остановится, и потом снова срывался с места. Внутри корабля все трещало, и Алиса побаивалась, выдержит ли коралловая заплата.



Разумеется, Гай-до был бы последним дураком, если бы полагал, что его маневры кого-то обманут, — ведь тот, кто следил за ним, мог спокойно ждать, пока он сядет. Гай-до рассчитывал на другое: вертясь над планетой, он хотел сам засечь наблюдателей.

На втором витке он засек спутник связи, кото-

рый ходил на высокой орбите над планетой и координировал наблюдение. Затем он два раза прошел над одним местом, где ему показалось, что над кратером натянута маскировочная пелена. На всякий случай он отметил этот кратер в памяти.

Неожиданно Гай-до снизился. Он сделал это в тот момент, когда спутник связи находился на другой стороне планеты. Гай-до буквально прополз по ущелью, прижимаясь ко дну и порой задевая за скалы, отчего внутри корабля раздавался отвратительный скрежет. Алиса стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть от страха.

Затем корабль замер.

— Все? — шепотом спросил Пашка.

— Нет, не все, — ответил Гай-до. — Если они нас не потеряли, пускай думают, что я лежу здесь.

— И сколько ждать?

— Пока их спутник снова уйдет за горизонт, — сказал Гай-до.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Вдруг корабль снова рванулся и полетел дальше.

На экране внешнего обзора мелькали страшные зубцы железных скал. Как ножи они тянулись к Гай-до. Он с трудом ускользал от них. Затем

замер, резко метнулся вправо, отчего посудный шкаф распахнулся и чашки покатились по полу.

Послышался глухой удар.

Экраны потемнели.

— Все, — сказал Гай-до. — Приехали. Пока мы в безопасности. Они, конечно, знают, в каком районе мы затаились, но им потребуется некоторое время, чтобы нас отыскать.

— Неаккуратно ты спускался, — проворчал Пашка. — Всю посуду побил.

— Неаккуратно? — Гай-до был обижен.

— Гай-до, не слушай его, — быстро сказала Алиса, — ты все сделал великолепно. Ни один другой корабль в мире не смог бы так спрятаться.

Она отстегнулась от кресла.

— А какой здесь воздух? — спросил Аркаша. — Скафандры надевать?

— Не надо, — сказал Гай-до после некоторой паузы: видно, рассуждал, обижаться на Пашку или не стоит. — Воздух здесь пригоден для дыхания.

— Можно выйти? — спросил Пашка. — Я хочу начать разведку.

— Подожди, — ответил Гай-до. — Ждем час. Если я не увижу и не почувствую ничего подозрительного, тогда выходите.

— Давайте пообедаем, — сказала Алиса.

Аркаша помог Алисе убраться. Чашек осталось две на всех, но тарелки были небьющиеся, так что ничего страшного не случилось.

Пашка сказал, что пойдет в трюм, чтобы подготовиться к походу.

Он открыл люк, и только тогда вспомнили о сером мяче.

Мяч сидел на полке, кожа его ходила мелкой рябью. Он волновался.

— Ой, прости! — воскликнула Алиса. — Ты так хочешь к своей семье, а мы тебя держим. Иди скорей. Передавай привет своим детишкам.

Мяч не тронулся с места.

— Что такое? — удивилась Алиса. — Ты ушибся? Тебе плохо?

— У него нервный шок, — сказал Аркаша. — Мяч так долго ждал этого момента, что нервы не выдержали.

— Нервы у меня не выдержали, — сказал шар. — Я хочу остаться здесь. То есть я не хочу остаться здесь, но вам лучше, если я останусь здесь. Я не такой плохой, каким я вам кажусь, но я могу быть куда хуже, чем я вам кажусь.

Сказав эту загадочную речь, мяч застыл.

— Что он говорит? — удивилась Алиса. — То он стремится, то он не стремится!

— Заприте меня! — закричал шар. — Я знаю, какие вы добрые! Заприте меня так, чтобы я не мог выскользнуть, потому что я могу выскользнуть через самую узкую щель. Заприте меня, запакуйте… лучше всего в холодильник. Да, лучше всего в холодильник, потому что мне оттуда, наверно, не выбраться.

— Логика хромает, — сказал Аркаша, который сидел на краю люка. — Если вы не хотите уходить, то оставайтесь. Если хотите уходить и даже намерены выбраться через любую дырочку, тогда уходите.

— Нет, — сказал Гай-до. — Я вижу логику в его словах. И очень печальную для нас логику. Его надо запереть в холодильник.

— Но я буду сопротивляться! И вы всем скажите, что я сопротивлялся, но вы меня разоблачили и мучили, чуть не убили и заточили в холодильник.

— Хорошо, — сказал Гай-до, — я согласен.

Мяч скатился с полки и поспешил к холодильнику.

У его двери он остановился.

— Да он с ума сошел! — закричал Пашка. — Там же продукты.

— Вынь продукты, — сказал Гай-до.

— А сколько он будет сидеть в холодильнике? Все продукты испортятся! У нас их и так мало осталось.

— Он недолго там просидит, — сказал Гай-до.

— Но скажи же, в чем дело? — не выдержал Пашка.

— Не говорите! — взмолился мяч. — Если они узнают, моя семья погибнет.

— Он говорит правду, — сказал Гай-до.

— Ничего не понимаю! — вскричал Пашка. Остальные молчали.

На этом спор кончился.

Алиса с Пашкой вынули из холодильника последние продукты: кусок колбасы, пять пакетов молока, пачку куриного паштета и мороженую курицу.

Мяч шустро залез в холодильник и сказал:

— Не беспокойтесь, мне совсем не холодно. Но учтите, что я сопротивлялся, как зверь.

Он забился в угол опустевшего холодильника, но Пашка медлил. Как-то неловко запирать в холодильник живое существо.

— Запирай! — пискнул мяч.

— Захлопывай, — сказал Гай-до, и Пашка подчинился.

Алиса взяла курицу и пошла ее готовить. Она

положила ее в духовку. Скоро по кораблю потянуло приятным запахом пищи, и Пашка прибежал в камбуз, чтобы приглядеть за курицей. Ведь это последняя курица, а вдруг подгорит?

За ужином Алиса отдала Пашке половину курицы, а вторую поделила с Аркашей. Аркаша понял и кивнул ей, а Пашка в мгновение ока сжевал полкурицы и начал шарить глазами по столу.

Тогда Алиса сказала:

— С завтрашнего дня вводим жесткий режим экономии.

Пашка вздохнул и пошел спать.

Он заснул через три минуты. А Алисе долго еще не спалось.

Она ворочалась на узкой койке. Потом поднялась и спросила:

— Гай-до, а можно я выйду на минутку? Только посмотрю и вернусь, я не буду отходить далеко.

— Хорошо, — сказал корабль.

Алиса накинула куртку и открыла люк. За ней вышел Аркаша. Ему тоже не спалось.

Вечер был холодным, ветреным и сырым. Под громадным каменным козырьком было темно, и

Алиса сделала несколько шагов к прыгающему по камням ручью. Открылось небо, все в полосах от быстро текущих облаков. Небо было фиолетовым, на нем горели редкие оранжевые звезды. Маленькое алое солнце светило сквозь облака. Оно бежало по небу быстро, словно спутник. Второе солнце, чуть побольше и пожелтее, поднималось из-за скал. А в другой стороне неровно вспыхивало зарево — видно, извергался вулкан. Земля чуть дернулась под ногами и потом долго мелко вздрагивала, будто успокаивалась после спазма.

Это был неуютный и даже страшный мир. Черные тени черных скал двигались как живые — два быстрых солнца как бы дергали их, тянули в разные стороны.

— Куда нам завтра идти? — спросила Алиса. Ей стало страшно.

Из черной глубины ниши послышался тихий голос Гай-до:

— Надо будет подниматься на скалы, которые перед тобой, Алиса. Жаль, что я не смогу пойти с вами.

Начался дождик, и небо заволокло сизыми тучами. Стоять больше не хотелось, и Алиса пошла обратно. Аркаша за все время не сказал ни слова, и Алиса не знала, о чем он думает.

Аркадий пропустил Алису вперед, потом закрыл люк.

— Спокойной ночи, — сказала Алиса.

— Спокойной ночи, — ответил Аркаша печально.

— Спокойной ночи, — сказал корабль.

Поход

Утром первым вскочил Пашка.

— Вперед! — шумел он. — Не время спать. Нас ждут сокровища странников!

Он выволакивал из трюма веревки и крючья, прилаживал альпинистские ботинки, проверял фонари — суетился за десятерых.

Пока Алиса готовила завтрак, Аркаша с Пашкой уже оделись.

Пашка сказал:

— А может, тебе не надо идти с нами? Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли что может случиться? Тогда ты вернешься и расскажешь нашим родителям, как мы погибли.

— И не подумаю, — сказала Алиса, накрывая на стол. — Если ты мне скажешь, в чем я уступаю тебе, кроме нахальства, тогда я останусь.

— Тогда ты оставайся, Аркаша, — сказал Павел.

— Почему я?

— Так положено во всех экспедициях. Кто-то должен быть в резерве. Если что, вы с Гай-до прилетите на помощь.

— Гай-до сам может прилететь на помощь. Он

не глупее нас, — сказал Аркаша.

— Но ведь так положено! — сказал Пашка.

— Летать на незнакомые планеты без взрослых тоже не положено, — сказал упрямо Аркаша, — а мы здесь. Но если хочешь, оставайся.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Потому что я командир корабля и начальник экспедиции.

— А кто тебя назначил?

— Но вы же согласились!

— Он шутит, — сказала Алиса.

Пашка понял, что друзей не переспорить. Придется идти втроем.

Пока Алиса одевалась, Аркаша спустился в трюм, чтобы заглянуть в холодильник, не задохнулся ли серый мяч.

Он открыл холодильник и сказал спокойно, словно увидел муху:

— А мяча нет.

— Как так нет? — удивился Пашка. — Он не мог выйти. Корабль был заперт. Значит, он прячется где-то внутри.

— Его нет во мне, — сказал Гай-до. — Я бы почувствовал.

— Значит, пока мы вчера ночью гуляли… —

сказала Алиса.

— Так! — сказал Пашка голосом полководца, которого в решающем бою подвели любимые генералы. — Значит, пока я спал, вы гуляли по планете. Значит, Гай-до разрешил вам гулять, а в это время любой мог зайти в корабль. Так получается?

Все чувствовали себя виноватыми и не нашли, что ответить. Они глядели на разъяренного капитана, через плечо которого висел моток троса, в руке был альпеншток, глаза сверкали, волосы выбивались из-под шлема, из-за спины торчали раструбы ракетного ранца. Пашка был ужасен.

— Ну и что? — вдруг сказала Алиса. — Мы сами хотели отпустить его к семье. А он предпочел посидеть в холодильнике.

— Значит, были основания, — сказал Пашка. — Никто без оснований не запирался бы в холодильник.

— У него были основания, — как эхо повторил Гай-до. — Я виноват. Я не заметил, как он ускользнул.

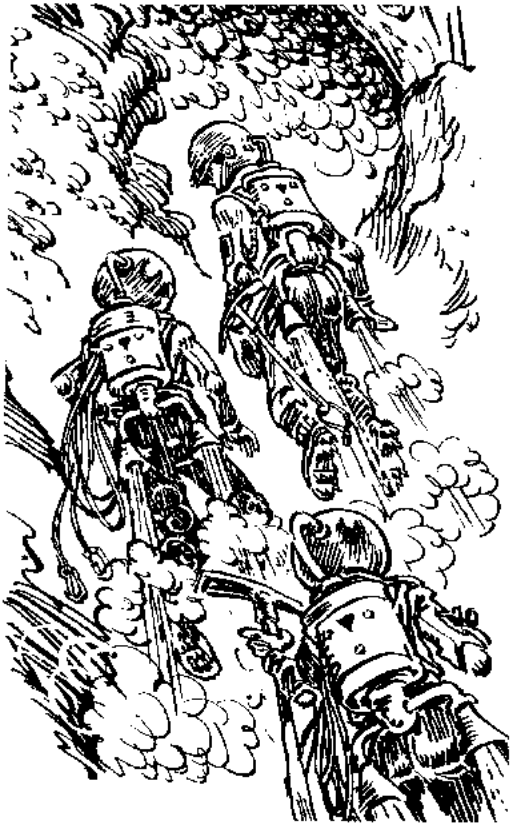
Пашка оглядел экспедицию. Он уже забыл о своем гневе.

— Пошли скорей, — сказал он. — Пока нас не выследили.

Они вышли из-под тени навеса. Корабль тускло поблескивал в полутьме. Было светлее, чем вчера, потому что по небу катились сразу три солнца, но свет от них был неверным и зловещим.

Надо было подняться на скалы на той стороне ущелья, потом пройти через лес камней, спуститься к небольшому горячему озеру, из которого раз в минуту поднимался стометровый гейзер, за ним начинался колючий, без листьев, кустарник, в котором можно было немного передохнуть. От кустарника шел пологий спуск к следующему ущелью, где таилась база странников. Путешественники рассчитывали выйти к ущелью выше базы и спуститься к ней по ручью.

На скалы они взлетели, включив ракетные ранцы. С их помощью можно прыгать метров на пятьдесят. Ребята умели пользоваться ранцами: в туристском походе так перебираются через реки и болота.



Прыгая, они не забывали об осторожности. Ес-

ли их ищут, прыгающую или летающую фигуру легче засечь.

Поэтому они только помогали себе ранцами на подъемах, а когда выбрались наверх и начали спускаться к красневшему впереди озеру, то разошлись подальше друг от друга и открытые места перебегали как можно незаметнее.

— Эй, — закричал Пашка, — глядите!

У берега озера в рядок, будто выброшенные волнами, замерли несколько серых мячей. Три побольше, другие маленькие, с теннисный мяч.

— А может, наш тоже среди них? — сказал Аркаша. — Нашел все-таки семью?

Они повернули к мячам и прибавили шагу.

При виде людей мячи осторожно двинулись к воде.

— Простите! — крикнула Алиса. — Вы не были на нашем корабле?

Мячи заверещали тонкими голосами и попрыгали в воду.

— Нет, — сказал Пашка, останавливаясь, — это другие, нашему зачем убегать?

Посреди озера возник пузырь, вода вспучивалась, поднималась, и вдруг ее прорвало — громадный фонтан, подсвеченный оранжевым небом, взметнулся к зеленым облакам.

В то же мгновение из озера выскочило множество серых мячей. Они быстро заскользили по воде к дальнему берегу.

— Они нас боятся, — сказала Алиса.

— Надо им объяснить, что мы не будем на них нападать, — сказал Пашка. — Давайте я сяду на землю, они увидят, что я безвредный, и подойдут поближе.

— Братишка, — послышался в наушниках голос Гай-до, — напоминаю: времени у вас в обрез.

— Пошли, — сказал Аркаша, — с мячами мы еще успеем поговорить.

За озером началась каменистая долина. Она была усеяна большими глыбами. Пришлось снова включить ранцевые ракеты, чтобы не поломать ног. Только через полчаса они добрались до кустарника. Но кустарник оказался непригодным для отдыха. Кусты были покрыты острыми длинными колючками, словно ощетинились, чтобы не пустить никого внутрь.

Небольшой серый мяч выскочил из камней, помчался к кустам, и те раздвинулись, пропуская его.

— Типичный случай симбиоза, — сказал Аркаша. — Наверное, мячи скрываются там от крупных хищников.

— А здесь есть крупные хищники?

— Возможно, — сказал Аркаша.

— Гай-до, — спросила Алиса, — тут есть крупные хищники?

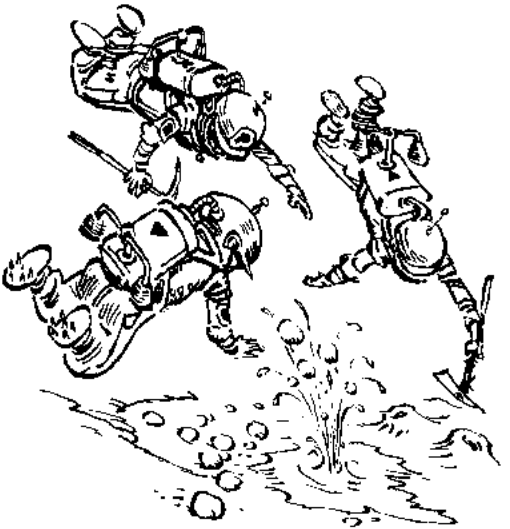
— Не знаю, — ответил Гай-до. — И попрошу не занимать связь пустыми разговорами. Чем больше мы разговариваем, тем скорее нас засекут.

Дальше они шли молча.

Закапал дождь. Пашка сказал, что проголодался, но Алиса, которая несла рюкзак с бутербродами, велела ему потерпеть до ущелья.

Спуск в ущелье был крутой, и потому они решили прыгнуть туда с помощью ранцев.

Они летали над ущельем, словно легкие, сухие листья, выбирая место на дне, свободное от камней.



От ручья, возле которого они приземлились, поднимался пар. Зарево над скалами стало ближе и ярче. Слышно было, как рокотал вулкан. Глухо журчал ручей.

Казалось, что из-за скалы следят злые глаза.

Ощущение было неприятным. Алисе захотелось вызвать Гай-до, чтобы услышать голос друга. Но Пашка опередил ее.

— Гай-до, — сказал он, — проверка. Как самочувствие?

— Ничего подозрительного, — отозвался корабль. — Отдыхайте.

Идти не хотелось. Устали ноги, а от здешнего воздуха, мертвого и скудного, у Алисы разболелась голова.

Ущелье было еще более мрачным, чем первое. Скалы сходились над головой, закрывая свет, пар, поднимаясь над водой, белыми клочьями метался по ущелью. И ни одной живой души.

Перекусив, они пошли вниз по ручью. Приходилось карабкаться через громадные глыбы, свалившиеся сверху, а то и ступать в горячий ручей. Ранцами не воспользуешься: ущелье было таким тесным, что от любого прыжка тебя бросало на каменную стену.

— Отдохнем? — спросил Пашка тоскливым голосом.

— Нет, — сказал Аркаша. — Осталось немного.

— Я не о себе, — сказал Пашка. — Алиска устала.

Алиса и в самом деле устала, но, конечно, ответила:

— Ты ошибаешься.

Следующие минуты слились у Алисы в странную череду прыжков, шагов, переползаний, снова прыжков. Она старалась не смотреть да-

леко вперед. Вот перед ней камень, сейчас мы на него вскарабкаемся. А вот трещина, надо перепрыгнуть. А что дальше? Дальше надо лезть в ручей… И так шаг за шагом.

Стены ущелья неожиданно разошлись. Перед ними был цирк, окруженный отвесными скалами. Алиса услышала голос Гай-до:

— Вы на месте.

Ноги Алисы подкосились, она села на плоский камень и подумала, что никогда уж не поднимется.

Аркаша опустился рядом.

— Думал, не дойду, — признался он.

Пашка тоже хотел было сесть, но взял себя в руки.

— Гай-до, — спросил он, — куда дальше?

— Перед вами, — сказал корабль, — две высокие желтые скалы, похожие на обломки толстых колонн. Видите?

Желтые колонны поднимались над цирком, замыкая его.

— Справа от этих колонн темнеет провал. Видите?

— Вижу, — сказал Пашка и пошел туда.

— Подожди, — сказала Алиса слабым голосом.

— Я только посмотрю, — сказал Пашка упрямо.

Алиса бессильно посмотрела ему вслед.

Пашка на ходу включил фонарь, и яркий круг света ударился в скалу, отчего она вдруг засверкала множеством искр. Круг света сместился правее и исчез в темном провале. Алисе показалось, что внутри провала что-то блеснуло.

— Есть! — услышала она крик Пашки.

И тут оглушительно завизжала сирена. Так, что Алиса заткнула уши.

Но это почти не помогло.

— Бегите! — крикнул Гай-до, перекрывая шум. — На меня напали!

Из-за темных камней, из-за желтых колонн, из-за скал выскочило множество темных фигур, и со всех сторон они кинулись на ребят.

Алиса успела увидеть, как падает окруженный этими существами Аркаша, как пытается скрыться в расщелине Пашка. Она отбивалась, но кто-то больно ударил ее по голове, и она потеряла сознание.

Палата в цветочках

Очнулась Алиса от странного ощущения, словно она лежит на лужайке, светит солнце, стрекочут кузнечики… ей хорошо и приятно. Она открыла глаза…

Прямо в глаза ей светила яркая лампа. Алиса зажмурилась и отвернулась.

Она была в большой узкой длинной комнате.

Стены без окон были покрашены в светло-зеленый цвет, и на них нарисованы очень яркие пышные цветы.

В комнате стояло два ряда кроватей, головами к стене, ногами к проходу.

Алиса лежала на крайней кровати. Простыня была свежей и мягкой, одеяло легким и пушистым. Откуда-то доносилась нежная музыка. Это было очень странно, ведь перед этим Алиса запомнила темный красноватый густой воздух ущелья, черные скалы и желтые скалы, провал подземелья, пар, поднимающийся над ручьем, и темные стремительные фигуры.

Если после такого нападения ты остался жив, то, наверное, должен очнуться в тюрьме, в тес-

ной, сырой камере, в мрачном подвале, где бегают крысы и тараканы… Как странно!

Алиса села на постели: что с остальными?

И тут же успокоилась.

На соседней кровати мирно спал Аркаша Сапожков, а дальше, через пустую кровать, — Пашка Гераскин. Правда, у Пашки был синяк под глазом, но это, как вы понимаете, далеко не первый и, уж конечно, не последний Пашкин синяк.

Напротив Алисы, по ту сторону прохода, была занята еще одна кровать. На ней лежал, закрыв глаза, знакомый ей человек. Очень знакомый… Кто?

Конечно же, Тадеуш Сокол, бледный, нос заострился, глаза запали!

Взгляд Алисы упал на ее рукав, и она поняла, что одета в пижаму: легкую, фланелевую, в голубых незабудках.

Алиса спустила ноги с постели. Ноги сразу попали в пушистые мягкие тапочки. Она тихо подошла к Аркаше, потому что в сложных ситуациях Аркаша куда надежнее.

— Аркаша, — позвала она, наклонившись к его уху, — проснись.

Аркаша открыл глаза, словно и не спал. И не произнес ни звука. Его взгляд обежал палату и

остановился на Алисином лице, но Аркаша словно ее и не видел. Взор его был отсутствующим. Он думал.

— Странно, — сказал он. — А кто тот мужчина?

Алиса вспомнила, что Аркаша раньше не видел Тадеуша.

— Это тот самый Тадеуш, — прошептала она, — из-за которого Ирия бросила нашего Гай-до.

— Он должен быть во Вроцлаве.

— А где мы?

— Не знаю. Пошли посмотрим?

Аркаша вылез из-под простыни. Он тоже был в пижаме. Только его пижама была расшита голубыми колокольчиками.

Они подошли к белой двери в конце комнаты.

Дверь легко открылась. Они оказались в светлом широком коридоре.

Коридор был пуст. Тихо играла музыка.

Дверь с другой стороны коридора отворилась, и навстречу им поспешила медсестра в голубом платье, высокой белой наколке и белом фартучке, обшитом кружевами. Сестра ласково улыбалась.

— Вы куда, дети? — спросила она издали. — Ночные горшочки у вас под кроватками.

Сестра говорила со странным текучим акцентом, словно припевала.

Улыбка тоже была странная. Словно наклеенная. И когда сестра подошла поближе, Алиса сообразила, что она в маске.

В гладкой улыбающейся розовой маске, обтягивающей все лицо. В маске были прорезаны аккуратные отверстия для глаз. И глаза, что смотрели сквозь искусственную улыбку, показались Алисе печальными и настороженными.

— Где мы? — спросил Аркаша медсестру.

— Вы у друзей, мои любимые, — пропела женщина. — А теперь, пожалуйста, возвращайтесь к себе в комнатку, там вы найдете умывальничек и ночные горшочки, на каждого приготовлена зубная щеточка и кусочек мыльца. Вы же не хотите бегать по улице в пижамках, чтобы над вами все смеялись?

— Кто вы такая? — спросил Аркаша.

— Потом вам принесут завтрак. — Медсестра обняла ребят мягкими теплыми руками в тонких белых перчатках и повела, подталкивая, обратно. — А после завтрака придет доктор. Он очень добрый. Он вас допросит. Ну, будьте хорошенькие, будьте ласковые.

Медсестра мягко, но решительно толкнула их в комнату, и дверь закрылась.

Пашка еще спал, но Тадеуш проснулся и сразу узнал Алису.

— Доброе утро, — сказал он. — Не думал, что нам придется так скоро встретиться.

Ирия Гай ищет мужа

В субботу после возвращения из Москвы Тадеуш собрался на рыбалку. На рассвете он погрузил во флаер удочки и палатку. Сказал, что вернется в воскресенье к обеду.

У Тадеуша было любимое место — в лесистом ущелье Карпат, у небольшой быстрой речки.

Поздно вечером в субботу он связался с Ирией, пожелал ей и дочке спокойной ночи, сказал, что очень доволен рыбалкой, к тому же набрал грибов. Только пожаловался, что кусаются комары.

К часу дня в воскресенье прилетела из Гданьска полюбоваться внучкой мама Тадеуша. Ирия еще не волновалась. Она знала, что рыболовы — народ увлекающийся, и, конечно же, Тадеуш забыл обо всем на свете. Ничего, проголодается — прилетит.

Ирия решила, что угостит Тадеуша и его мать печеным гусем с яблоками. Когда гуся уже пора было ставить в духовку, Ирия поглядела на часы и ахнула: скоро два часа!

Ирия вытерла руки и побежала в комнату, чтобы вызвать мужа.

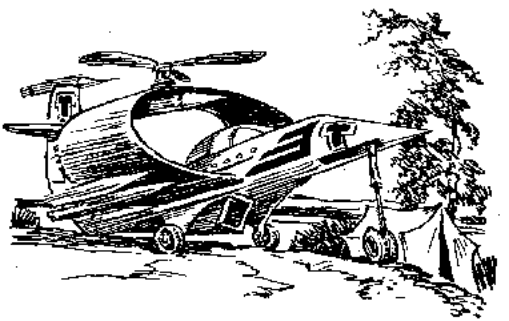
Рация не отвечала. Удивительно: ведь рация вмонтирована в браслет для часов Тадеуша. Может, он отправился купаться и снял часы?

Через пятнадцать минут, когда гусь уже был в духовке, Ирия снова вызвала Тадеуша. И снова никакого ответа.

Ирия не хотела пугать свекровь и сказала, что ей срочно нужно лететь во Вроцлав, потому что она забыла положить в гуся особенную редкую пряность. А сама полетела прямиком в Карпаты.

То место, где рыбачил Тадеуш, она нашла без труда. Ведь она не раз там бывала с мужем.

Снижаясь, она разглядела оранжевую палатку Тадеуша. Возле нее флаер.



Ирия опустила свою машину рядом с палат-

кой.

— Тадеуш! — позвала она.

Никто не ответил. Только шумела говорливая речка и тихо жужжали пчелы.

Ирия выбежала к берегу. На траве у воды валялись удочки. Рядом стояло ведро, в котором крутилась форель. Речка была неглубокой, прозрачной — из воды высовывались обкатанные камни. Утонуть в ней было трудно.

Ирия кинулась в палатку.

Палатка была пуста. Спальный мешок смят и отброшен к стенке, рюкзак раскрыт, и вещи выброшены из него на пол.

И тут Ирия увидела на полу засохший грязный след чужого башмака. Чужие следы были и вокруг палатки. Ночью прошел дождь, но к середине дня земля подсохла, и следы остались.

Ирия принялась звать Тадеуша. Она кричала так, что сорвала голос. Никто не откликался.

«Спокойно, — сказала себе Ирия. — Возьми себя в руки».

Она сосчитала до двадцати, глубоко вздохнула и начала тщательные поиски Тадеуша. Сначала она осмотрела поляну у реки. Следы рассказали ей, что ночью прилетел незнакомый флаер, который опустился за деревьями. Три человека

в башмаках с магнитными подковками, какие носят космонавты, подошли к палатке Тадеуша. Тот, видно, спал и сначала не сопротивлялся.

Нападавшие вытащили Тадеуша из палатки, скрутили его и привязали к толстому дубу — Ирия нашла царапины на коре, что оставила веревка. После этого Тадеуша, видно, допрашивали — вся земля вокруг дерева была истоптана. Не добившись от Тадеуша того, что хотели, те люди затащили его к себе во флаер. Потом один из них вернулся на поляну и постарался замести следы. Он хотел сделать так, чтобы те, кто будет искать Тадеуша, подумали, что он утонул. Но Ирию тот человек не обманул. Ведь она с детства умела читать следы и была замечательной охотницей.

«Если все случилось именно так, — размышляла Ирия, оглядывая поляну, — Тадеуш постарался бы оставить мне знак. Он же знал, что я буду его искать. Но где? Какой?»

Ирия еще раз обошла дерево, к которому привязывали Тадеуша. На земле у самого ствола между корней она увидела несколько кривых линий, которые Тадеуш начертил носком башмака. Пять палочек, потом еще четыре. Зачем ему надо было это писать? Пять, четыре… пять, четыре… Почему эти цифры ей знакомы?

Стой! А как называлась планета, на которой они познакомились?

Планета Пять-четыре!

Неужели Тадеуш имел в виду ту планету? В тот момент, когда его связали, допрашивали, хотели куда-то увезти, он вспомнил о далекой планете.

И тут Ирия подумала, что на планете Пять-четыре на Тадеуша тоже напали — ведь она нашла его чуть живого. С планетой была связана тайна, которую они так и не разгадали.

Что еще можно вспомнить? Конечно же! Когда она улетала оттуда, кораблик Гай-до что-то сказал… что-то важное. А она не обратила внимания. Он говорил о базе странников! Сказал, что видит вход в нее…

Нельзя было терять ни минуты.

Ирия быстро собрала палатку и вещи Тадеуша, сложила все в свой флаер, а флаер Тадеуша заперла, чтобы в него случайно не забрался медведь. Потом полетела домой. По дороге домой Ирия остановилась во Вроцлаве и с почтамта провидеофонила в Сахару. Ей хотелось узнать, где сейчас Гай-до и дети, что подобрали его на свалке.

Дежурная по имени Джамиля ответила, что московские дети починили кораблик и улетели на нем к себе, потому что хотят участвовать в

гонках. А что-нибудь случилось?

— Нет, — ответила Ирия. — Ничего не случилось. Я просто хотела поговорить с девочкой по имени Алиса. Где ее найти?

— Одну минутку, — сказала Джамиля. — Они оставили мне свои адреса. Записывайте.

Ирия поблагодарила Джамилю и тут же позвонила Алисе домой. К видеофону подошел высокий, чуть сутулый человек средних лет, который оказался Алисиным отцом. Он удивился, увидев, что Алису разыскивает очень красивая женщина с длинными золотыми волосами. Женщина была взволнована. Она сказала, что ее зовут Ирия Гай и что ей надо взглянуть на корабль Гай-до. Где можно найти Алису и Гай-до?

— Точно не отвечу, — сказал отец, профессор Селезнев. — Дело в том, что они полетели на Гавайи, на фестиваль народных танцев. Но, зная характер Алисы и ее друга Паши Гераскина, я полагаю, что они могут сейчас носиться по всей Солнечной системе, испытывая свой корабль.

Ирия позвонила на Гавайи, в штаб фестиваля. Там ей сказали, что на фестиваль прилетели шестьдесят тысяч гостей и из них по крайней мере двести на своих космических катерах.

На аэродроме в Гонолулу ответили, что корабль

Гай-до там не зарегистрирован. Тогда Ирия поняла, что Алису ей быстро не найти, и полетела домой.

Дома Ирия прошла в кабинет Тадеуша, открыла шкаф, в котором хранилось экспедиционное снаряжение, и стала выбирать, что ей может пригодиться.

Собираясь в дорогу, Ирия продолжала размышлять.

Куда лететь? Что делать дальше?

Ключ к разгадке, вернее всего, на дикой планете Пять-четыре. У базы странников. Очевидно, кто-то ищет эту базу. Или даже нашел ее. И очень боится, что ее отыщет кто-то другой. Допустим, рассуждала Ирия, что враги заподозрили, что Тадеуш тоже ищет их драгоценную базу, и решили его убить. Ирия с Гай-до спасли Тадеуша. Но подозрения не оставили врагов. И они выследили Гай-до. И вот они видят, что Гай-до летит к Земле. Зачем он летит? Отыскал базу и спешит сообщить о ней? Тогда нападают на Гай-до. Гай-до оказался на свалке, и там его увидели дети из Москвы. Если у врагов есть шпион, он узнает, что Алиса летала в Польшу и встретилась там с Тадеушем! Значит, Тадеуш жив! Тогда враги всполошились. Еще больше их обеспокоило, что

Тадеуш отправляется в Москву, приходит к Гай-до и сразу после этого корабль куда-то улетает. Тогда их агенты выслеживают Тадеуша и увозят его с собой. Конечно, можно обратиться в милицию, но, вернее всего, враги уже далеко. Пока будешь все объяснять, их и след простынет. Ирия должна действовать сама.

Когда готовая к полету Ирия вышла на веранду, мать Тадеуша не сразу ее узнала. И понятно почему. Мама Тадеуша знала, что ее сын женился на нежной и скромной женщине с длинными золотыми волосами, которая обожает готовить, ненавидит приключения и рада бы никогда не покидать своего сада. А кого она увидела?

Перед ней стояла настоящая амазонка: коротко подстриженная, в походном комбинезоне, сузившиеся сиреневые глаза холодны и суровы, твердый подбородок упрямо торчит вперед. Движения ее решительны и экономны. Она готова сейчас взойти на Эверест, выйти на боксерский ринг, вызвать на дуэль самого отчаянного пирата галактики.

Никто, даже Тадеуш, не узнал бы в этом решительном воине свою нежную жену. Хотя был, конечно, один человек, или почти человек, который сразу бы узнал Ирию и даже обрадовался этому. Узнал бы ее Гай-до. Именно такой воспитывал свою дочь конструктор Гай. Именно такая девушка в одиночку улетала в опасные экспедиции.

— Да, — сказала Ирия, увидев себя в зеркале, — никогда не думала, что вернусь к своему прошлому.

Ирия поцеловала дочку, спрыгнула с веранды и уселась во флаер, который словно почувствовал, что с Ирией шутки плохи, и вертикально взмыл в небо, распугав голубей и синиц. Со свистом ввинчиваясь в теплый летний воздух, он понесся к космодрому.

Вечный юноша

— Здравствуйте, Тадеуш, — сказал Аркаша. — Может, вы нам объясните, что за детский сад вокруг? Что за пижамки, ночные горшочки, цветочки и нянечки? Вроде мы вышли уже из этого возраста?

— Мы с вами, ребята, — сказал Тадеуш, — попали в подполье всеобщего счастья. И очень грустно.

— Мы не на Земле? — спросила Алиса.

— Мы на планете Пять-четыре, — сказал Тадеуш. — Я здесь такой же пленник, как и вы, но неподалеку, за этими стенами, сидит и размышляет о благе всей Вселенной самый добрый, самый красивый и нежный Вечный юноша. В его присутствии расцветают улыбки и все умирают от радости…

— Да говорите вы серьезно! — прервал его Аркаша.

— Я совершенно серьезен. Я уже прошел через несколько допросов без нанесения ущерба для моего драгоценного тела.

Тадеуш за те дни, что Алиса его не видела, вдвое

похудел, страшно осунулся, лицо у него было серое, глаза потускнели. Может, он сошел с ума?

— Только не думайте, что я сошел с ума, ребята, — сказал Тадеуш. — Я сильно огорчен тем, что они схватили и вас. Вас будут допрашивать. Умоляю, рассказывайте все, что знаете, и даже больше того, что знаете. Иначе они будут вас мучить.

В этот момент дверь открылась и вошла медсестра, за ней доктор в улыбающейся маске.

— Кто первый на процедуры? — спросил он. — Смелее, детки.

— Я запрещаю вам трогать детей! — сказал Тадеуш, шагнув навстречу доктору. — Они ничего не знают.

— На место, — сказал доктор Тадеушу, — ты еще не выздоровел, тебе надо отдохнуть.

Доктор поднял руку с зажатой в ней металлической трубочкой.

Тадеуш непроизвольно поднял руку, закрываясь от трубочки — видно, он знал о ней. Алиса испугалась за Тадеуша и сразу подбежала к доктору.

— Я готова! — крикнула она. — Я хочу на процедуры.

— Вот и хорошо. — Доктор прижал к боку голову

Алисы и погладил ее. — Всегда лучше разговаривать с девочками. Они такие нежненькие, добренькие, они все расскажут. Идем.

— Что такое? — услышала Алиса сонный голос Пашки. — Какие еще процедуры?

— Нет! — сказал Тадеуш. — Я этого не допущу!

— Назад! — Доктор сильнее сжал трубку в кулаке, тонкий голубой луч дотянулся до Тадеуша, отчего тот скорчился от боли и упал на пол.

Тут же доктор сильно дернул Алису за руку, так что она вместе с ним оказалась в коридоре, и дверь захлопнулась.

— Что вы сделали? — Алиса попыталась укусить доктора за руку, но тот больно сжал ее лицо пальцами.

— Ах, какие мы невыдержанные! — с упреком сказал он. — Ничего с твоим Тадеушем не случится. Мы его, упрямца, раз сто этим кнутиком стегали.

Он отпустил Алису. Спросил:

— Хочешь попробовать, как стегает? Но это больно.

— Не хочу.

— Молодец. Соображаешь. Еще вопросы будут?

— Снимите маску!

— Это не маска, — сказал доктор. — Это мое

истинное лицо. — Он потащил Алису за руку по коридору, продолжая говорить: — Мое внутреннее лицо, что под маской, может ошибаться, может поддаваться минутным сомнениям и неправильным мыслям. Мое внешнее, настоящее лицо никогда не грустит и не сомневается. Оно знает, что я счастлив. И все мы счастливы.

— Куда вы меня ведете? — спросила Алиса.

— Доставить тебе счастье встречи с Вечным юношей.

— Но я не хочу такого счастья!

— А тебя и не спрашивают. Счастье — это подарок. Подарки берут и радуются.

Говоря, доктор тащил Алису по коридорам. Они казались бесконечными. Пересекались, раздваивались, изгибались. По обеим сторонам шли одинаковые двери. Но людей не было. Словно Алиса с доктором спешили по громадному ночному учреждению, откуда все служащие ушли, а свет за собой выключить забыли.

За очередным поворотом открылся большой низкий зал. В зале стояло множество кадок с фикусами и финиковыми пальмами, стены изображали картины природы — леса, зеленые долины и голубые речки. А с потолка свисали клетки с поющими птицами.

Под каждой клеткой стоял человек в улыбающейся маске и, если птица замолкала, тыкал в клетку острой палкой.

В дальнем конце зала была небольшая дверь с изображением на ней улыбающегося солнца. Перед дверью замерли два улыбающихся стражника с автоматами в руках.

При виде Алисы и доктора погонщики птиц принялись быстрее колотить по клеткам, громче запели птицы, громче заиграла музыка, стражники распахнули дверь, и доктор втолкнул Алису внутрь. Дверь закрылась, и Алиса осталась одна.

Она стояла посреди небольшой уютной комнаты. Звуки из зала сюда не доносились. Только мирно потрескивали дрова в камине. На стенах были нарисованы окна. Окна были широкими, небо за ними голубым, листва зеленой.

Стены были оклеены голубыми обоями с белыми нарциссами на них. На столе стоял букет бумажных нарциссов.

В комнату быстро вошел человек небольшого роста в золотой короне и улыбающейся маске. Длинная тога была расшита жемчугом.

— Прости, Алисочка, — сказал человек, — что

я заставил тебя ждать. Ты не представляешь — тысяча дел. С утра вскакиваешь и крутишься как белка в колесе. Тебе сока или молока?

— Молока, — сказала Алиса. — А вы кто такой?

— Я император Сидон Третий. Обычно меня называют Вечным юношей. Я очень давно живу на свете — лет шестьсот тридцать шесть. И совершенно не старею.

Император открыл холодильник, что стоял рядом с пианино, достал оттуда бутыль с молоком, налил в стакан и поставил на стол.

— Ты садись, — сказал он. — Будь как дома.

— А почему на нас напали? — спросила Алиса.

Она села и отхлебнула молока. Молоко было хорошее, свежее.

— Не бойся, не синтетическое, — сказал император. — Я всегда вожу с собой двух коров. Куда бы ни летел. Но корова в космосе — роскошь. Так что молоко здесь на вес золота. Угощая тебя, я граблю себя. Но ты пей, пей…

— Спасибо, — сказала Алиса, которой сразу расхотелось пить такое драгоценное молоко.

— Нет, ты пей, — сказал Вечный юноша. — Ты ведь не думаешь, что я за тобой допивать буду? Мало ли какие в тебе микробы?

— А вы мне не сказали, — повторила Алиса, —

почему на нас напали?

— Ты хорошо устроилась? — спросил император. — Пижамка тебе понравилась? Мне кажется, что она тебе очень к лицу. Я сам выбирал. Думал, проснется Алисочка, а на ней новая пижамочка.

— Ну почему вы мне не отвечаете? — воскликнула Алиса.

— А что, давай дружить? Ты права. Давай дружить!

— Почему вы мне не отвечаете?! — совсем громко закричала Алиса.

— Ты думаешь, что если я кажусь старше тебя, — продолжал диктатор как ни в чем не бывало, — то со мной дружить не интересно? Это не так. Я знаю много игр.

— Вот сейчас разобью этот стакан, — сказала Алиса, — что вы тогда будете делать?

— Ты, кажется, любишь нарциссы? — сказал император. — Я тоже их обожаю. Вот один пункт сходства между нами. А потом мы с тобой найдем другие. И общих знакомых тоже.

Алиса подняла стакан и замахнулась. Несколько капель молока брызнуло на ковер.

— А вот если ты это сделаешь, — сказал император скучным голосом, — ты об этом будешь жалеть до самого конца своей короткой жизни.

Поставь стакан, дура!

Слова Вечного юноши были такими неожиданными, что Алиса растерялась и поставила стакан на столик.

— К сожалению, — вздохнул император, — первый подход к тебе не удался. Попробуем другую тактику. Откровенность. Хочешь, я буду разговаривать с тобой как со взрослой?

— А как же иначе?

— Тогда послушай. И не только послушай, а постарайся понять. Я правлю одной планетой. Название ее тебе ничего не скажет. Планета моя — самое счастливое место во Вселенной. Так как я правлю ею уже довольно давно — примерно шестьсот два года и три месяца, то у меня громадный административный опыт. Но для счастья нужно изобилие, а мы небогаты. У нас плохо с топливом.

Вечный юноша закручинился. Сел за пианино, сыграл гамму, захлопнул крышку.

— Плохо, — сказал он. — Некогда тренироваться. Тебе скучно? Потерпи. Я скоро кончу. Несколько лет назад мы узнали, что на этой планете есть база странников с нетронутыми запасами топлива. Что я делаю как отец моей планеты? Я созываю добровольцев, мы прилетаем

сюда и начинаем искать базу ради счастья наших детей. Нам трудно вдали от родных, от родины. Но мы улыбаемся! Улыбаемся!.. И тут появляются злые люди, которые хотят нас ограбить! — Император ткнул пальцем в Алису. — И ты обманутая игрушка в их грязных руках!

Маска Вечного юноши безмятежно улыбалась. От этого было страшно.

Дрогнувшим голосом Алиса спросила:

— Вы кого имеете в виду?

— Ты отлично знаешь. Грабителей. Кладоискателей. Одного нам удалось схватить, и он не уйдет от наказания. Его зовут Тадеуш. Второй — тот, кто привез сюда вас, детей, — еще скрывается. Но мы его поймаем… С твоей помощью, девочка.

— Кого вы поймаете? — Алиса в самом деле ничего не понимала.

— Того, кто командовал вами. Его имя — Гайдо!

И тут Алиса все поняла. Вечный юноша думает, что Гай-до — это человек. Но так думал и серый мяч! Значит, серый мяч — шпион императора! Тогда все становится ясно.

Словно издалека до нее доносился голос Вечного юноши:

— У нас есть только одно страшное преступ-

ление — это ложь! Мы все так правдивы, что страдаем, если слышим ложь. Скажи правду: где Гай-до?

— А где он? — удивилась Алиса.

— На борту корабля вас было четверо: Алиса, Аркаша, Паша и Гай-до. Когда вы вышли из корабля, Гай-до остался на борту, и вы поддерживали с ним связь. Но на корабле мы не нашли Гай-до. Он успел скрыться. Куда?

— Как я могу знать! Я же была здесь!

— Ну, девочка, смелее! Это испытание на честность. Если ты не выдержишь его, я обижусь.

— Простите меня, — сказала тогда Алиса, — может, я очень глупая, но зачем вам Гай-до?

— Как зачем? — удивился диктатор. — Вы же злодеи! Вы же космические пираты! Вы хотите ограбить мой добрый, честный народ! Разве мы можем быть спокойны, если один из вас, негодяев, останется на свободе?

— Значит, вы его боитесь?

— Нет, жалеем, — возразил император. — Подумай, ты сейчас пьешь молоко, тебе тепло, ты в хорошенькой новой пижамке, а он, бедный, мерзнет среди скал, он плачет, ему плохо! Помоги ему вернуться к людям и почувствовать нашу добрую руку.

…Видно, чтобы Алиса тоже могла почувствовать добрую руку, Вечный юноша схватил ее за плечо и так вцепился когтями, что она чуть не закричала от боли.

— Правду, — зашипел император. — Я требую правды!

— Честное слово, на борту было только три человека!

— Четыре!

— Три!

— Врешь! — Император подбежал к двери, приоткрыл ее и закричал: — Дикодима ко мне!

Через несколько секунд, будто ждал сигнала под дверью, в комнату вошел стражник. В его руке покачивалась сетка, в ней был серый мяч.

— Дикодим, — спросил император, — ты знаешь эту девочку?

— Знаю, — пропищал шар. — Ее зовут Алиса Селезнева.

— Ты летел с ней с Земли?

— Да, я летел с ними.

— Сколько было их на борту?

— Четверо: трое детей и взрослый, которого я ни разу не видел, хотя он все время разговаривал с ними.

— И его звали…

— Его звали Гай-до. Но я его ни разу не видел.

— Как вам не стыдно! — сказала Алиса мячу. — Мы же вас пожалели.

— А что я мог поделать? — ответил мяч. — Моя семья в заложниках у его величества.

— Ну и нравы у вас! — обернулась Алиса к императору. — Мне за вас стыдно.

— Я все делаю ради народа, — ответил Вечный юноша.

— Простите, великий император, — пропищал мяч, — а где моя семья? Почему нас еще не отпустили? Я все сделал, как мне велели.

— Нет, голубчик, — сказал император, — ты нам еще пригодишься.

— Но вы же дали слово!

— Я его дал — я его взял обратно.

— Это нечестно!

— Честно, честно! Я самый честный на свете император. А у тебя, дружок, слишком длинный язык. Если я выпущу тебя, ты кому-нибудь расскажешь лишнее. А у меня ответственность перед моим славным народом. Я не могу его подвести в решающий момент, когда мы начинаем перевозить добро с базы странников на наш корабль.

— Я вас ненавижу! — запищал мяч. — Вы меня обманули!

— Вот это правда. Так я и думал, — сказал печально император, а его маска продолжала улыбаться. — Киньте неблагодарного в подземелье.

— А девочку? — спросил стражник.

— Эту плохую девочку? Придется ей тоже посидеть там, пока я буду беседовать с ее друзьями.

— Их привести? — спросил стражник.

— Погоди, сначала я проверю, как идут дела на базе.

Стражник подтолкнул Алису к двери. Но тут из динамика на столе послышался голос на незнакомом языке. Голос возбужденно кричал.

Диктатор бросился к столу и принялся кричать в ответ.

Нельзя бояться пауков

Стражник, держа в руке сетку с мячом, подвел Алису к узкой лестнице, что вела вниз, и сильно толкнул в спину. Алиса покатилась по бесконечным скользким ступенькам. Вслед за ней полетел мяч.

Наверху захлопнулся люк.
Было совсем темно.

— Где мы? — спросила Алиса, сидя на каменном полу. Локти и колени страшно болели. Она их ушибла о ступеньки.

— Мы в подземелье, — ответил пискливо мяч Дикодим. — Отсюда еще никто не выходил живым.

— Выйдем, — сказала Алиса. — Не бойся.

— Я уже ничего не боюсь, — ответил мяч.

— А что они так кричали? — спросила Алиса. — Ты их язык понимаешь?

— Нет, — сказал мяч. — Но я видел, как Гай-до пробрался на твой корабль, хотя его охраняли. Он поднял корабль и улетел. Сейчас они за ним гонятся.

— Молодец Гай-до! — закричала Алиса. — Вот молодец.

— Они его все равно догонят и убьют.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Алиса.

У нее сразу улучшилось настроение. «Вот дураки, — подумала она, — стерегли подходы к кораблю, стараясь поймать таинственного Гай-до, а настоящий Гай-до тем временем спокойно взлетел».

— Не расстраивайся, — стала утешать его Алиса. — Теперь Гай-до приведет к нам помощь.

— Не успеет, — пропищал мяч. — Я знаю: лю-

бого, кто попадает в это подземелье, пожирают пауки.

Алиса непроизвольно оглянулась. Темнота и тишина…

— Ничего, — сказала Алиса, но ее голос сорвался. Ей было очень страшно. — Они, наверное, опять обманывают. Они все время обманывают. Пугают.

— Хорошо бы, — сказал мяч. — Хотя мне уже все равно.

— Ты в самом деле шпион?

— Я гнусный шпион.

— Настоящие шпионы так не говорят о себе.

— Вечный юноша захватил всю мою семью — и жену, и всех детишек… И мне было сказано: отыщешь на Земле моих врагов, семья будет цела. Я сделал! Я выследил корабль, я выследил вас и даже выследил Тадеуша, его поймали и привезли сюда. Я все сделал. Ты думаешь, я делал это с радостью? Я это делал от страха и из любви к моим близким. Убей меня!

— Я тебя понимаю, — сказала Алиса, — хоть мне и очень неприятно думать, что все наши беды от тебя, Дикодим. Если ты делаешь подлые дела, даже из любви к своим родственникам, то подлые дела не становятся от этого менее подлы-

ми. И потом будет наказание. Обязательно.

— Но он убил бы моих родных!

— А теперь?

— Теперь они уже мертвы…

— Вот видишь, — сказала Алиса.

Вдруг она услышала, как в темноте кто-то зашевелился.

— Пауки! — воскликнула она и вскочила. Она с детства боялась пауков.

— Вряд ли, — послышался из темноты низкий голос. — Это еще не пауки. Это только я.

В углу зажглась свечка и осветила старую женщину, которая сидела на куче тряпья. Она была в разорванном платье, седые волосы спутаны, глаза ввалились.

— Кто вы? — спросила Алиса. — Почему вы здесь, бабушка?

— Я здесь потому, что меня не существует, — загадочно ответила старуха. — А чем вы не угодили Вечному юноше?

— Я не угодил тем, что верно служил, — ответил мяч. — Потому что я поверил, что он выпустит на свободу меня и мою семью, если я стану подлецом и шпионом.

— И помогло? — спросила старуха.

— Нет, он обманул меня. Он смеялся надо

мной.

— А тебя, девочка, за что?

— Я не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаешь? А может, много знаешь? Вечный юноша не любит свидетелей.

— Он ненормальный? — спросила Алиса.

— Почему? Он совершенно нормальный негодяй.

— Он говорит, что все делает ради своего народа. Самого счастливого народа в галактике, которым он правит уже шестьсот лет.

— Смешно, — сказала старуха. — Я его знаю куда меньше, лет сорок, и он всегда думал только о власти. А о народе он думал, только когда хотел его использовать.

— Он мне врал?

— Он ни разу в жизни не сказал правдивого слова.

— А как же народ его терпит?

— Народ можно обманывать. А Вечный юноша — мастер обмана. Он кричал, что мы счастливы, и мы верили ему. Он приказал всем ходить в улыбающихся масках, чтобы не видеть печальных лиц… Лучших людей убивали, торжествовали подлецы и грабители. Стало так плохо, что начали умирать от голода дети. Но нельзя всегда

улыбаться и умирать от голода. И наконец наш народ поднялся и сверг Вечного, прекрасного, мудрого и счастливого юношу.

— Сверг? А о ком же он тогда заботится?

— О себе. Как всегда, только о себе… К несчастью, его не успели поймать. Он захватил флагманский корабль нашего флота, который называется «Всеобщее умиление», и вместе со своими приближенными примчался сюда.

— Зачем? — плаксиво взвыл серый мяч Дикодим. — Зачем именно сюда? Мы жили тихо, мы растили детей и купались в вулканических озерах. Зачем он прилетел сюда?

— Потому что он живет одной мечтой: добиться могущества, вернуться на нашу планету и жестоко отомстить тем, кто посмел его изгнать. С помощью вас, глупые дети, он нашел эту базу, теперь он грабит ее, теперь он готовится к победоносному возвращению домой. Чтобы казнить и расправиться с непокорными.

— Почему с нашей помощью? — удивилась Алиса. — Мы ему не помогали.

— Глупенькая! С той минуты, когда вы сели на планету, с вас не спускали глаз. И вы привели Вечного юношу к самому входу базы странников, которую он искал уже три года!

— Какой ужас! — ахнула Алиса.

— Бойся за себя и своих друзей. Может быть, вы нужны ему как заложники. А может, наоборот, не нужны как лишние свидетели. Я не знаю всех извилин его злодейского ума. И не так страшны пауки настоящие, как пауки в человеческом обличье, потому что пауков, что таятся в этом подземелье, можно не бояться. И если их не бояться, они тебя не тронут. Они питаются страхом, спешат на запах страха. А Вечный юноша сам создает страх.

— А отсюда нет выхода? — спросила Алиса.

— А куда пойдешь? Надо ждать…

— Чего ждать?! — завизжал мяч.

— Смерти, свободы… все равно ничего не поделаешь. Ложитесь спать. Во сне люди ничего не боятся.

— Я не могу спать! — воскликнула Алиса. — Он там моих друзей сейчас допрашивает.

— Никого он не допрашивает, — лениво сказала старуха. — Сейчас он на склад побежал добычу считать.

— Это я виноват, — сказал мяч. — Но теперь я знаю, что сделаю. Если меня выпустят отсюда, я его сам убью!

— Попробуйте, — сказала старуха, прислуши-

ваясь.

Из темноты послышалось шуршание.

Сначала Алиса увидела глаза. Круглые, желтые, немигающие. Они тускло светились.

— Только не бойтесь, — сказала старуха. — Они это чуют.

Что-то мягкое коснулось Алисиной ноги. Она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Но это был всего лишь серый мяч.

Шуршание приближалось. Из темноты возникали пауки — с желтыми светящимися глазами, на длинных мохнатых членистых ногах, с могучими клешнями. Их было много, каждый ростом с собаку.

— Возьми меня на руки, — пропищал мяч, — я умру от страха.

— Зачем его спасать? — сказала старуха. — Он же предал тебя и твоих друзей. Отдай его паукам, и дело с концом.

— Так делать нельзя, — сказала Алиса. Она подхватила трепетавшего серого мяча. — Не бойся, они тебя не тронут.

Она боялась в тот момент, но не за себя, а за серого мяча. Ужас мяча почуяли и пауки. Они устремились к Алисе, тянули клешни к мячу, Алиса отвернулась от них и кинулась к стене,

чтобы им не дотянуться до мяча.

Пауки касались ее спины, толкали, мешали

друг дружке.

— Ну сделайте что-нибудь! — крикнула Алиса старухе. — Вы же знаете, что делать!

— Ничего не сделаешь, — ответила старуха. — Разве зло можно победить? Хочешь жить, отойди в сторону.

— Нас же сожрут поодиночке!

— Может, забудут…

Паукам надоело отталкивать Алису. Острые клешни все сильнее рвали пижаму, и, как ни отбивалась Алиса, ее оторвали от стены, отбросили и вырвали мяч из ее рук.

Тот пискнул и пропал в кошмарном месиве пауков.

Алиса пыталась расшвырять их, оттаскивала, но пауки были куда сильнее и не обращали на нее внимания.

А потом как по команде, толкаясь и спеша, бросились прочь и исчезли в темноте. Лишь занудное шуршание угасало в подземелье.

Алиса кинулась туда, где упал серый мяч. Но на полу было лишь мокрое пятно — все, что осталось от несчастного предателя.

— Заслуженная гибель, — сказала старуха.

— Он же спасал свою семью!

— Странная ты, Алиса, — сказала старуха. — Не

плачь. Его уже не вернешь. Подумай, что он своей смертью спас тебя. Ты не испугалась, потому что защищала его. Была бы одна — испугалась бы. Тут бы тебе и конец.

Алиса поняла, что ноги не держат ее. Она села на пол и горько зарыдала.

Встреча старых друзей

На рейсовом корабле «Линия» на маршруте Земля — Вестер произошло чрезвычайное событие, которое было отмечено в судовом журнале.

Когда корабль пролетал неподалеку от ненаселенной планетной системы, на капитанский мостик поднялась одна из пассажирок, которую звали Ирия Гай.

На эту странную женщину капитан обратил внимание еще на Земле. Она была одета как дальний разведчик, ни с кем не разговаривала и почти не выходила из каюты.

Поднявшись на мостик, Ирия Гай заявила, что хочет покинуть «Линию» и для этого ей нужен планетарный катер. Она вернет катер после высадки. Сообщить о причине такого желания она отказалась, и, разумеется, капитан отказался выполнить просьбу пассажирки.

Планетарные катера не предназначены для прогулок. Так он и сказал Ирии Гай.

Тогда, к удивлению капитана и вахтенного штурмана, Ирия Гай вынула боевой бластер и приказала капитану и штурману отойти к стене.

Когда штурман попытался отнять у нее оружие, она умелым приемом джиу-джитсу бросила его на пол, а капитану нанесла такой удар в челюсть, что он оказался в нокауте.

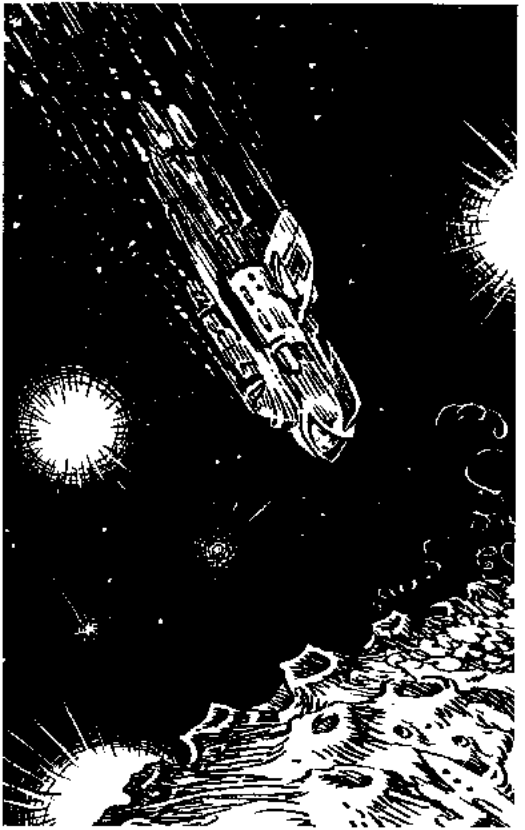
Затем Ирия Гай набрала на пульте приказ под-

готовить планетарный катер к запуску, быстро и умело связала капитана и штурмана, а сама спокойно вышла к люку, залезла в катер и стартовала.

Когда через полчаса встревоженный молчанием капитана механик поднялся на мостик, он увидел, что капитан и штурман лежат связанные, с кляпами во рту. Он с трудом поверил, что с ними справилась одна молодая женщина.

«Линия» была рейсовым пассажирским кораблем, она не могла менять курс, чтобы догонять молодую женщину. Капитан связался с галактическим патрулем и сообщил о происшествии. Патруль сообщил, что пошлет крейсер с планеты Вестер и тот сможет прилететь через три дня.

Тем временем Ирия Гай старалась выжать из катера максимум скорости. Конечно, она чувствовала угрызения совести за то, что так жестоко обошлась с капитаном. Но мысль о судьбе Тадеуша Сокола беспокоила ее куда больше.



Через два часа после отлета с «Линии» Ирия

увидела, что навстречу ей идет другой корабль.

Это было странно. С планеты Пять-четыре ее увидеть не могли. Значит, это враги?

Ирия включила передатчик.

— Отзовитесь, — сказала она. — Что за корабль, куда следует?

Корабль не отозвался и даже изменил курс, чтобы уйти от встречи.

«А вдруг это Тадеуш? — подумала она. — Вдруг он сумел угнать корабль врагов и теперь тоже опасается погони?»

Тогда она радировала:

— Говорит Ирия Гай. Держу курс на планету Пять-четыре. Вы меня слышите?

И тут она услышала знакомый голос:

— Госпожа! Какое счастье! Это я, Гай-до.

И неизвестный корабль устремился к Ирии Гай.

Через полчаса Ирия перешла на борт Гай-до, а планетарному катеру набрала программу на автоматический полет к Вестеру.

В знакомой рубке Ирия уселась в знакомое пилотское кресло. Как будто и не прошло двух лет со дня их последней встречи.

Гай-до был счастлив.

— Я мечтал увидеть тебя, госпожа! — повто-

рял он. — Это такое счастье! Ты летела спасать Алису?

— Какую Алису? — удивилась Ирия. — Я лечу спасать Тадеуша.

— Опять? — сказал кораблик. — Но ведь ты его уже один раз спасла. Может, хватит? Неужели ему так понравилось, что ты его спасаешь, что он снова сюда полетел?

— Не говори глупостей, Гай-до, — сказала Ирия, — все не так просто, как ты думаешь. Тадеуша украли. Он успел оставить мне знак. Разве ты его не видел? А где Алиса?

— Нам надо обменяться информацией, — сказал Гай-до. — Сначала рассказывай ты, потом я.

И через десять минут все стало ясно.

— Как я и предполагала, — сказала Ирия, — неизвестные враги ищут базу странников. И стараются завладеть всеми, кто, по их мнению, что-то знает об этой базе.

— Наверное, ты права, — сказал Гай-до. — Но боюсь, что теперь они уже нашли эту базу. Ведь моих ребят они схватили возле нее. Их выдал один ничтожный серый шпион, которого они к нам заслали.

— Значит, мы их освободим, — сказала Ирия. — Курс к планете Пять-четыре.

— Я уже иду к ней, — ответил корабль. — Я не сомневался в твоем решении, госпожа. Воспитание твоего папы куда сильнее, чем полтора года жизни с Тадеушем. Я так и знал, что ты вернешься к старой жизни.

— Посмотрим, — сказала Ирия.

— А у тебя есть план действий?

— Проникнуть к ним, — сказала Ирия.

— Они тебя замучают.

— Пусть только попробуют!

— А я?

— Ты будешь ждать моих приказов.

— Слушаюсь, госпожа. Можно еще вопрос?

— Спрашивай.

— А если они уже убили Тадеуша, мы будем снова путешествовать вдвоем?

— Если ты еще раз скажешь такую глупость, безмозглый Гай-до, я больше не скажу тебе ни слова.

— Я молчу, — сказал Гай-до.

Ирия проверила оружие. Потом сказала, глядя, как на экране растет Пять-четыре:

— Я буду поддерживать с тобой связь. Если ты поймешь, что я попалась, улетай домой. Ты понял? Это приказ.

— Я должен немедленно улететь домой, —

мрачно повторил Гай-до.

— Лети к ближайшей населенной планете и давай сигнал SOS. Ты понял?

— А что, ты думаешь, я делал, когда мы встретились? Я летел за помощью. Вот вернемся на Землю, попрошу Аркашу сделать мне колеса и руки. Мне надоело быть неподвижной железной банкой.

— Я не уверена, что у твоего Аркаши что-нибудь получится, — с непонятной ревностью заявила Ирия.

— Получится, он очень талантливый мальчик. Мы с Пашкой и Лукьянычем ему поможем.

— Не советую, — сказала Ирия. — Кстати, у тебя внутри все очень захламлено. Раньше у нас было чисто.

— Когда мои дети, — сказал гордо Гай-до, — уходили искать базу странников, они не собирались попадать в плен. Я виноват в том, что позволил им пойти на такой риск.

— Ты не виноват, ты только корабль, — сказала Ирия Гай. — Хотя иногда забываешься.

«Нет, — подумал с горечью Гай-до, — моя хозяйка уже никогда не станет прежней. Прошлое не вернуть. Я для нее теперь только корабль, только инструмент. Я должен ждать, я должен звать на

помощь, я должен возить. И молчать».

— Помолчи, — сказала Ирия, — мне надо подумать.

«Я и так молчу», — хотел было ответить Гай-до, но не ответил.

Ирия смотрела на экран. Она рассуждала: сколько прошло времени, а планета точно такая же, как была два года назад. Пройдет еще тысяча лет, и кто-то другой увидит ее впервые на экране, а она будет точно такой же. А два года назад Ирия была совсем другим человеком. Если бы ей тогда сказали, что она будет жить в саду под Вроцлавом и качать своего ребеночка, она бы засмеялась. «Ой, а как же там моя Вандочка? — У Ирии заныло сердце. — Она, наверное, капризничает, а мать Тадеуша забыла согреть ей молочка». Ирии захотелось повернуть назад, очутиться сейчас же на Земле и накормить малышку. Но это невозможно. Ирия шевельнула рукой — бластер врезался в бок. Нет, папа не зря потратил столько лет, воспитывая из нее бойца. Его школа не забылась.

— Мой скафандр цел? — спросила Ирия.

— Я сберег его, — ответил корабль.

— Давай!

В стене открылась ниша. В ней поблескивал скафандр.

— Ты останешься на высокой орбите, чтобы тебя не застали врасплох, — сказала Ирия.

— Но почему мне не опустить тебя на планету? Это же удобнее.

— Ты безмозглый…

— Лучше объясни, чем ругаться.

— А что бы ты подумал на их месте? Только что этот кораблик удрал с планеты. И вдруг возвращается. Зачем? Не беспокойся, я доберусь без тебя. Я стану метеором.

— Ни в коем случае! — испугался Гай-до. — Это опасно.

— Я уже пробовала. Ты знаешь.

— Я не позволю!

— Иначе меня засекут.

С этими словами Ирия залезла в скафандр.

Гай-до, электронное сердце которого разрывалось от тревоги, начал снижать скорость.

— Будь на связи, — сказала Ирия Гай.

Она не тратила лишних слов. Она была экономна в движениях и расчетлива, как на боксерском ринге.

Через переходник она вышла в открытый космос, оттолкнулась от Гай-до и поплыла к планете. Через несколько минут, отойдя от корабля на достаточное расстояние, она включила ракет-

ный двигатель и пошла вниз, набирая скорость так, чтобы внешняя оболочка скафандра при входе в атмосферу раскалилась. Это было очень опасно — любой микроскопический дефект в скафандре погубил бы Ирию в мгновение ока. Но она считала, что у нее только один шанс попасть на планету незаметно. Если наблюдатели увидят метеор, они не встревожатся: на Пять-четыре падает много метеоров.

В ожидании Алисы

В большой светлой палате, где остались Пашка, Аркаша и Тадеуш, прошло уже больше часа, а Алиса не возвращалась.

Дверь была заперта крепко, Пашка несколько раз пытался ее взломать, но из этого ничего не вышло. А на стук никто не приходил. Аркаша, как человек более разумный, за это время простучал все стены в палате. Он надеялся отыскать какой-нибудь потайной ход или дверь.

Тадеуш, видя, как Аркаша старается, сказал:

— Не стучи, нет смысла. Я все уже простучал. Под краской металл. Это же корабль.

— Мы в космосе?

— Нет. Мы на планете Пять-четыре. Вечный юноша прилетел сюда на флагманском корабле «Всеобщее умиление» и замаскировал его. Даже если ты будешь ходить по обшивке, никогда не догадаешься, что под ногами громадный корабль. Отсюда он руководит поисками базы странников.

— Что за странное имя — Вечный юноша? — спросил Пашка.

— Он говорит, что ему шестьсот лет, — ответил Тадеуш, — но он молод духом и заботится о своем народе.

— Понятно. Он приказал всем носить маски, — сказал Аркаша, — чтобы никто не видел, какой он дряхлый.

Пашка стукнул кулаком по двери.

— Как не повезло! — сказал он. — Надо же было собственными руками отдать базу этому Юноше.

— Собственными руками? — удивился Тадеуш.

— Мы его сами прямо к базе привели, — сказал Пашка. — Я думаю, что серый мяч был шпионом. Догадаться бы раньше, выкинул бы его в космос!

— Серый мяч хотел нас предупредить, — сказал Аркаша. — Только мы не поняли. А если все начнут друг друга выкидывать в космос, как ты разберешься, кто хороший, а кто плохой?

— Хороший тот, кто стремится к хорошей цели, — сказал Пашка. — Наша с тобой цель благородная, а их цель отвратительная.

— Не знаю, — задумчиво произнес Аркаша. — У нас с тобой была цель: добыть топливо странников, чтобы победить в гонках. Это благородная цель?

— Но потом бы мы всем рассказали о базе! — воскликнул Пашка.

— С самого начала не сказали, — возразил Аркаша, — случилось много неприятностей.

— Не смей сравнивать нас с негодяями, — воскликнул Пашка, — когда Алисе угрожает гибель!

— Я не сравниваю, — сказал Аркаша. — Я стараюсь понять. Пока меня не переубедили, я верю в то, что люди хорошие.

— Давай лучше думать, как нам вырваться отсюда, — сказал Пашка, меряя длинную палату большими шагами. — Если они тронут Алиску хоть пальцем, им не жить на свете. Это говорю я, Павел Гераскин!

Тадеуш, слушая, как спорят друзья, лишь горько усмехнулся. Дети, думал он, совсем еще дети. И лучше им не знать, как Вечный юноша пытает своих пленников, как он мучил Тадеуша. Только бы Ирия поняла его знак! Тогда она уже подняла тревогу, и их успеют спасти… Самое страшное — неизвестность.

Бой в темном туннеле

В те минуты Алиса думала о своих друзьях. Как они? Может, им плохо?

Старуха дремала в углу.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — а из этого подземелья нет выхода?

— Зачем тебе?

— Убежать.

— Бежать некуда.

— А откуда приходят сюда пауки?

— А ты сунься к ним, погляди.

Алиса внутренне съежилась от мысли, что нужно идти в темноту, где кишат безжалостные насекомые.

— А наверх нельзя выйти? — спросила она.

— Эти ступеньки ведут к люку. Люк в днище корабля «Всеобщее умиление».

— Значит, мы под кораблем?

— Да. Корабль стоит на дне кратера, под ним пещера. Эту пещеру наш Вечный юноша превратил в тюрьму. Выхода нет, сиди и жди. Может, забудут.

«Странная старуха, — подумала Алиса. — Вроде

бы зла не сделала, даже предупредила, что пауков бояться не надо. Но какая-то равнодушная».

— Если наверх нельзя, — сказала Алиса, — я пошла в пещеру.

— Что? — Старуха подняла голову. — Куда пошла?

— В пещеру, к паукам, — сказала Алиса.

— Сгинешь же!

— А я не боюсь пауков.

— А если там нет выхода?

— Должен быть, — возразила Алиса. — Здесь паукам нечего есть. Значит, они ходят на охоту.

— Не пройти тебе. В пещере не только пауки.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Я не могу сидеть и ждать, если моим друзьям плохо.

— Ты всерьез? — Старуха только теперь поверила, что Алиса и в самом деле пойдет в черный туннель.

— Конечно, всерьез. И очень спешу.

Алиса сказала так, потому что знала: если спешишь, не так страшно.

— Тогда… тогда возьми свечку, — сказала старуха. — Я ее для себя берегла. Возьми, ты меня удивила. Меня давно уже никто не удивлял.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она, наверное, очень глупо выглядела в цвета-

стой пижамке со свечкой в руке.

Воздух в подземелье был неподвижен, и пламя тянулось к потолку ровно, как в стеклянной колбе.

Алиса пошла в ту сторону, откуда появлялись пауки.

— Ты с Земли, говоришь? — спросила вслед ей старуха.

— Из Москвы.

В неровной каменной стене, по которой медленно сочились капли воды, было много трещин. Вот и самая большая — в ней пропали пауки.

Алиса шла медленно, ноги были тяжелые, словно их притягивало к полу магнитом.

Ей показалось, что вслед хихикает старуха. Нет, просто старуха закашлялась.

Алиса выставила руку со свечой далеко вперед. Она уговаривала себя: «Пауков я не боюсь. Это только насекомые. Они охотятся, выискивая волны страха. Когда я буду возвращаться на Землю, я возьму с собой парочку пауков для папиного зоопарка, папа будет очень рад…»

И тут она увидела в темноте желтоватый отблеск — это горели глаза пауков, которые преградили ей дорогу.

От неожиданности Алиса вздрогнула. Так быва-

ет: ты готов к какой-нибудь неприятной встрече, знаешь, как себя вести, а как увидишь, все вылетает из головы.

Пауки неподвижно ждали Алису. Может, удивились ее наглости?

Тогда Алиса сказала:

— Здравствуйте! — Голос сорвался, она откашлялась и повторила: — Здравствуйте! Я на вас не обижаюсь. Вы — глупые твари. Покажитесь мне получше, я хочу отобрать парочку для московского зоопарка. Там у вас будет чудесная компания.

И она увидела, как свеча в ее руке, словно желая помочь, разгорается все ярче. От этого света пауки совсем растерялись, и плотная стена их блестящих ломких тел начала медленно отступать.

— С дороги! — приказала им Алиса. — Не шагать же мне через вас. Это очень противно. Уходите, а то рассержусь!

Стена пауков отступала назад все быстрее, пауки давили друг друга, шуршали лапами, словно их преследовал страшный хищник, а не безоружная девочка со свечкой в руке.

— Долой! — Алиса пошла еще быстрее.

И тогда пауки, охваченные паникой, кинулись назад, уродливым клубком катясь по трещине. Они спешили так, что оставляли на полу обло-

манные ноги и клешни.

Алиса остановилась и перевела дух. «Какая я слабая! — подумала она. — Нет сил идти. Но идти надо».

Трещина была пуста. Ни звука. Свечка снова потускнела, словно и не вспыхивала прожектором.

Алиса собралась с силами и побрела дальше.

Постепенно дно трещины поднималось вверх, идти было трудно, пришлось перебираться через завал, что доставал чуть ли не до потолка, Алиса ободрала коленку. А конца этому ходу не было.

Что-то беспокоило Алису. Она даже не могла объяснить что. Но было ощущение, словно кто-то идет за ней следом, идет бесшумно, осторожно крадется, чтобы напасть стремительно и смертельно.

Когда ход чуть изогнулся, Алиса быстро спряталась за выступ и прижалась спиной к стене. Но ничего не услышала. Словно преследователь, угадав ее маневр, тоже затаился. Алиса высунулась из-за выступа и посветила свечой. Но свеча горела так тускло, что и в двух шагах ничего не было видно. Зато наверняка тот, кто преследовал Алису, видел огонек и теперь знает, где его добыча. Поняв это, Алиса поспешила вперед.

Она бежала, но бежала медленно, скользила по

камням, чуть не провалилась в какую-то дыру. А шаги преследователя, хоть и мягкие, звучали все ближе… И когда Алиса увидела новое препятствие на своем пути, она почти не испугалась. Когда устанешь так, что нет больше сил, перестаешь пугаться.

Перед ней, разлегшись поперек прохода, лежала громадная сороконожка. Она рвала передними когтистыми лапами несчастного паука, угодившего к ней в лапы, когда он бежал от Алисы.

При виде Алисы сороконожка шустро отбросила недоеденного паука и начала подниматься. Она поднималась все выше, уже половина ее тела нависла над Алисой, и множество одинаковых когтистых лапок примеривалось, как лучше схватить новую жертву.

— Я тебя не боюсь, — сказала Алиса устало. — Уйди, насекомое.

Но, в отличие от пауков, сороконожка не реагировала на страх. Она просто увидела добычу и просто возжелала ее сожрать.

И когда Алиса поняла, что сороконожка сейчас бросится на нее, она отступила назад. И тут же замерла. Она вспомнила о преследователе.

Бежать было некуда.

«А раз так, — решила Алиса, — надо идти впе-

ред».

Сороконожка не ожидала, что жалкое двуногое создание столь решительно кинется на нее. Она даже откинула голову назад, но тут же сообразила, что двуногое неопасно, и резким движением накинулась на Алису.

Алиса ударила кулаками в жесткий скользкий живот сороконожки и почувствовала, как острые

когти рвут материю пижамы. Она забилась в жестоких объятиях насекомого. Свеча упала и погасла…

Вдруг пещеру осветили яркие синие лучи. Они ударили по сороконожке, отбросили ее назад, расплющили о стену и разметали на кусочки.

Алиса без сил опустилась на пол.

— Ничего, — раздался голос сзади, — скоро выход.

Это был голос старухи.

Значит, это она шла за Алисой? И не догоняла, а охраняла ее?

— Спасибо, — сказала Алиса шепотом.

— Спеши, — сказала старуха. — У тебя мало времени.

Алиса поднялась на ноги, нащупала свечу. Свеча сразу загорелась в ее руке. Алиса обернулась. Но сзади уже никого не было. И Алиса побежала. А может, ей только показалось, что она бежит? Через сто шагов она увидела впереди свет.

Алиса выбралась из трещины на краю обширного кратера. Над ней расстилалось фиолетовое небо, по которому, обгоняя друг дружку, спешили два солнца. Дул ветер, приносил брызги дождя. Внизу у озерка точками маячили серые мячи. Из-под камня опасливо выглядывали желтые

глаза паука.

Алиса упала на камни, и они показались ей теплыми и даже мягкими. Она бы заснула сейчас от усталости, но сердце билось так быстро, что не заснешь. И нельзя спать… надо идти. Но куда идти? Как найти своих? Как найти Гай-до? Как дать о себе знать? Алиса попробовала встать, но упала.

Стой, мы свои!

— Не волнуйся, — сказала старуха, которая вышла из трещины в скале вслед за Алисой, — можешь немножко отдохнуть.

Старуха вытащила из складок грязного мятого платья длинную черную курительную трубку, затем кисет, набила трубку табаком. Пальцы у старухи были длинные, желтые, сильные, с коротко обрезанными ногтями. Алиса пригляделась к ней и вдруг поняла, что старуха совсем не так стара, как казалось в подземелье. Скорее пожилая женщина. Лицо ее было изборождено глубокими морщинками, углы тесно сжатых губ опущены, глаза велики и печальны. Прямые черные с проседью волосы были спутаны и падали на плечи неровными прядями.

— Отдыхай, — сказала старуха. — У нас есть пять минут.

— Как странно здесь, — сказала Алиса с облегчением. И в самом деле, ей нужно было именно пять минут, чтобы прийти в себя. — Все здесь не те, за кого себя выдают. И вы тоже.

— Ты не права, — сказала старуха. Она глубоко

затянулась и выдохнула дым. Дым кольцами поплыл к фиолетовому небу. — Ты мне помогла, девочка, — продолжала старуха. — Я тебе очень благодарна.

— Как я могла вам помочь?

— Ты помогла понять, что рассудок — не главное, что правит миром. Если ты считаешь, что должна идти, то никакой паук не страшен. Тебе нельзя было идти ни в коем случае. Все было против тебя. А ты пошла.

— Если бы не вы, меня бы эта сороконожка сожрала, — сказала Алиса.

— С чудовищами куда легче сражаться, если у тебя в руке бластер. Это каждый сможет. Ты пойди в бой с одной свечой в руке, тогда мы и посмотрим, кто смелый. Ты можешь встать?

— Могу.

— Тогда пошли. Тут недалеко. Нам нужно проникнуть в корабль.

Старуха шла первой. Она осторожно подобралась к краю и поманила Алису. Отсюда было видно, как внизу шагают вереницей автоматические повозки. Повозки с трудом переставляли металлические ноги, перебираясь через каменные завалы к замаскированному кораблю.

На некоторых сидели стражники в улыбающих-

ся масках и разноцветных веселеньких одеждах. Даже автоматы, что болтались на груди, были раскрашены незабудками.

— Чем хуже и голоднее, — сказала старуха, — тем веселее мы раскрашивали нашу бедность. Даже на похоронах положено было плясать от радости.

Она говорила сама себе, не глядя на Алису.

— Как мы попадем в корабль? — спросила Алиса.

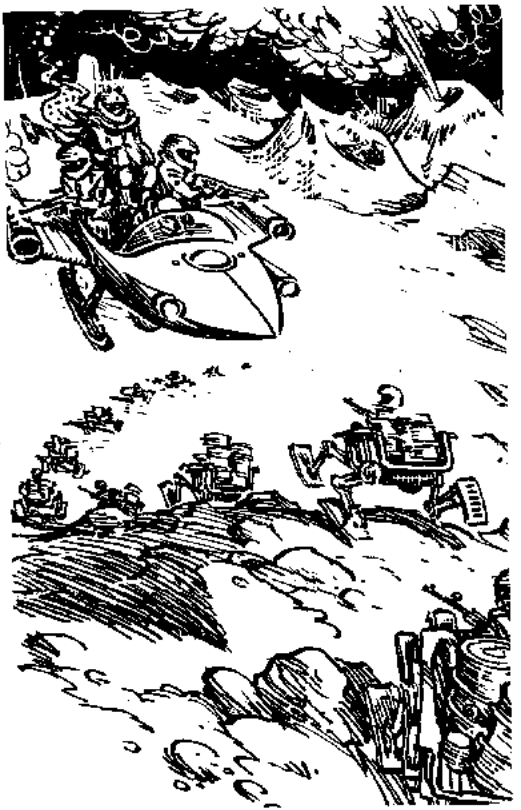
— Не беспокойся.

— Первым делом я хочу освободить моих друзей, — сказала Алиса.

— Знаю. Так мы и сделаем. Они будут мне нужны.

«Странно, как меняются люди, — подумала Алиса. — В ней не угадаешь ту беспомощную старуху, что бормотала в подземелье».

Навстречу потоку повозок низко над камнями промчался флаер. В нем между двух автоматчиков сидел Вечный юноша.



— Спешит, — сказала старуха, — суетится. Хорошо, что он снова отлучился.

Яркий метеор пролетел по небу. Старуха посмотрела на него.

— Пошли, — сказала она. — Иногда лучше сгореть и погибнуть, как метеор, чем тлеть тысячу лет, как гнилушка.

Они быстро спустились на дно кратера, скрываясь за камнями, если близко проходил патруль автоматчиков.

Люк в корабль, замаскированный под вход в пещеру, был открыт. В нем по очереди скрывались повозки с добычей.

Из плоской сумки, висевшей у нее на боку, женщина достала две улыбающиеся маски. Одну надела сама, другую дала Алисе.

Маска оттягивала кожу на лице, она была как резиновая.

По знаку женщины они спрятались за большим камнем у самой тропы. Мимо прошагала повозка с двумя стражниками.

Следующая, груженная ящиками, была без людей.

— Прыгай! — приказала женщина.

Она первая вскочила на ящики и протянула руку, помогая Алисе.

Пока повозка, не замедляя хода, шагала к кораблю, женщина подвинула ящики так, что за

ними были видны лишь улыбающиеся маски. А так как на планете царил полумрак, то стражники у люка в корабль равнодушно скользнули по маскам взглядами, не приглядываясь, кто едет. И как догадаешься, если все маски одинаковые?

Как только повозка оказалась в коридоре, женщина соскочила с повозки. Алиса последовала ее примеру.

Женщина уверенно шла по кораблю. Она отлично знала расположение помещений.

Алиса узнала коридор, ведущий к палате.

Навстречу им шел доктор. Знакомый Алисе доктор в маске. Тот самый, что водил ее на допрос.

При виде Алисы и женщины он остановился. Он был удивлен. Даже если он и не узнал Алису, то оборванная, растрепанная ее спутница возбудила его подозрения.

Он сказал что-то на незнакомом Алисе языке.

Женщина ответила, не замедляя шага.

Ответ доктора не успокоил. Он поднял руку к верхнему карману, но старуха мгновенно выхватила бластер, и зеленый луч ударил доктора в сердце. Он упал.

— Вы убили его! — крикнула Алиса.

— Его давно надо было убить, — ответила женщина, наклоняясь и срывая с лица доктора

маску.

Алиса непроизвольно остановилась и посмотрела на доктора. Это было лицо старого человека с короткими усиками над верхней губой. Неприятное лицо.

— На твоей совести немало преступлений, Мезальон, — сказала старуха. — Ты получил заслуженную кару.

Алиса пошла дальше. Ей не хотелось смотреть на мертвого человека.

— Смотри-ка, испугалась, — сказала женщина. — Я-то думала, что ты ничего не боишься.

— Я очень многого боюсь, — сказала Алиса. — Я боюсь темноты, грома и больших пауков…

— Чего? — Женщина расхохоталась. — Пауков? Больших?

— Если бы я увидела паука с кулак размером, я бы умерла со страха.

Женщина расхохоталась так, что задрожали стены.

— Шутница!

Но Алиса не шутила. Она в самом деле была не очень храброй девочкой. Скажем, обыкновенной. И боялась темноты.

У двери в палату стоял стул. На нем дремала медсестра.

Алиса шепотом попросила:

— Не убивайте ее, пожалуйста.

— Не бойся, — ответила старуха.

От звука ее голоса медсестра очнулась.

— Ни слова. Руки вверх, — сказала женщина. — И благодари судьбу, что Алиса просила тебя не убивать.

— Я… я, — лепетала медсестра.

— Молчать!

Старуха сорвала с медсестры маску, вырвала из ее кармана микрофон и бросила на пол.

— Меркэ? — сказала она. — Я не думала, что ты полетишь с ним сюда.

— Он заставил меня, — ответила медсестра.

Под маской у нее обнаружилось пухлое, совсем незлое лицо с маленькими черными глазками.

— И ты подчинилась?

— Я хотела жить. Все хотят жить. Ваш голос мне знаком, госпожа… Но вас нет на свете.

— Еще бы, — сказала женщина. — Разумеется. Меня нет на свете.

Она властным движением руки сняла свою маску.

— Ой! — ахнула медсестра и упала на колени. — Пощадите меня, великая госпожа!

— Молчать. Ты меня не видела. Открой дверь

в палату.

— Там опасные пленники. Они чуть не сломали дверь.

— Я два раза не приказываю.

Медсестра быстро набрала код на маленьком пульте возле двери.

— Открыто, — прошептала она.

— И не пытайся убежать.

— Я — ваша рабыня, — ответила медсестра.

— Можно я? — сказала Алиса и, распахнув дверь, вбежала в комнату. — Ребята! — закричала она с порога.

Она хотела закричать: «Мы свободны!» — но не успела сказать ни слова, потому что на нее прыгнул какой-то страшный зверь, сшиб с ног. Алиса ударилась о ножку кровати, но сознание не потеряла и даже сообразила, что это не зверь, а Пашка, который подстерегал в засаде того, кто войдет в комнату, а Аркаша и Тадеуш выскочили в дверь и бросились бежать по коридору.

Но далеко им убежать не удалось. Реакция у старухи была отменной. Она отпрянула в сторону и подставила ножку Аркаше, который рыбкой пролетел вдоль коридора прямо в цепкие руки медсестры.

Тадеуш, который уже отбежал шагов на пять-

десят, остановился, потому что не мог оставить в беде своих товарищей, и бросился обратно. Но к тому времени Алиса уже успела подняться, оттолкнуть обалдевшего Пашку и крикнуть Тадеушу:

— Стой, мы свои! Понимаешь, мы свои! Это я, Алиса!

Рассказ императрицы

Пашка, придя в себя, сказал ворчливо:

— Могла бы и потише кричать…

Он был недоволен, что его замечательный план провалился и теперь он уже не главное действующее лицо драмы. А Пашка любит быть главным действующим лицом.

— Слушайте меня внимательно, — властно сказала старуха. — Я вам расскажу, что вы будете делать. Вы, молодой человек, — обернулась она к Тадеушу, — найдете в коридоре тело казненного мною преступника. Возьмите его маску и халат.

Тадеуш кивнул и вышел.

— О вас я знаю, — сказала женщина мальчикам. — Вы Аркаша и Павел, друзья Алисы. Меня зовут госпожа Моуд. Я знаю тайну Вечного юноши. Тайну, которая его погубит. Для этого я должна сорвать с него маску.

Вернулся Тадеуш. Он был в халате и маске доктора. Сама Ирия его бы не узнала.

— Хорошо, — сказала госпожа Моуд. — Вы должны помочь мне подойти к императору. Я буду в одежде медсестры Меркэ. Тадеуш — доктор

Мезальон. Вы — пленники.

Госпожа Моуд вела себя так, будто не сомневалась: командует здесь она. И все покорялись ей. Даже Пашка.

— Зачем нужно срывать с императора маску? — спросила Алиса.

Старуха внимательно посмотрела на Алису, размышляя, отвечать или нет. Потом сказала:

— Я отвечу. Потому что, не будь тебя, я бы не решилась. Твоя смелость, Алиса, может изменить судьбу нашей планеты.

— А что ты сделала? — прошептал Аркаша.

— Сама не знаю, — сказала Алиса.

— Ничего особенного, — сказал Пашка, который хотел сам совершать все подвиги.

— Ничего особенного… — повторила госпожа Моуд. — Может быть, если я останусь жива, ты, Алиса, получишь титул наследной принцессы и право выпороть любого глупого мальчишку, который ставит под сомнения слова императрицы Моуд.

— О небо! — ахнула медсестра Меркэ. — О, грозная императрица!

— Молчать! — оборвала ее госпожа Моуд. — Слушайте. Много лет правил нашей планетой мой муж, император Сидон Третий. Наши народы

жили в мире. Но у нас не было детей. И когда у одной из лун нашей планеты сорок лет назад потерпел крушение неизвестный корабль, на борту которого нашли чудом спасшегося маленького мальчика, мы решили, что это знак небес. Мы усыновили мальчика и воспитали его как принца. Его назвали Зовастром. Мы учили принца добру, а он рос грубым, нечестным, жестоким, он окружил себя подхалимами и мерзавцами, и мы слишком поздно поняли, что этого человека нельзя допускать к власти. И пять лет назад мой муж скрепя сердце сообщил о своем решении принцу. Принц Зовастр вошел в гнев и предательски убил императора.

— Не может быть! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наш император убит? А кто же правит нами?

— Узурпатор Зовастр, — ответила госпожа Моуд. — Мой недостойный пасынок. Чтобы скрыть преступление, он объявил от имени убитого императора, что все жители планеты должны отныне носить улыбающиеся маски, чтобы не было ни одного хмурого или печального лица. Наши народы привыкли доверять императору и подчинились. Правда, некоторые шутили, что это старческая причуда.

— Правда, — сказала медсестра Меркэ. — Многие так думали.

— Я была тогда в отъезде. Но, вернувшись во дворец, я узнала об этой причуде и очень удивилась. Я сразу прошла в тронный зал, где меня ждал император. Я помню, как странно было идти по дворцу и вместо знакомых лиц видеть одинаковые глупые маски. Во всем дворце, во всем городе я была единственным человеком без маски. Когда я вошла в тронный зал, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять: на троне не мой муж. «Кто ты?» — спросила я. «Законный император», — ответил Зовастр. И по голосу я узнала своего приемного сына. «А где отец?» — спросила я. Он захохотал, и маски вокруг него льстиво захохотали. «Император покинул нас, — сказал он. — Но для блага отечества нужно, чтобы все думали иначе».

— О, ужас! — воскликнула Меркэ. — Но никто не знал об этом!

— Никто, кроме его друзей, не знает и сейчас, — сказала императрица. — Он предложил мне играть при нем роль: словно он — мой муж. Я была так возмущена, что заявила: «Лучше смерть, чем такая ложь!» А он засмеялся и сказал: «Не гневайся, мама, под масками все равны. Твою

роль сможет сыграть любая служанка. Жива ты теперь или нет — никому нет дела. Выбирай — жизнь или смерть».

Я выбрала смерть, но он не дал мне даже смерти. Он приказал заточить меня в тюрьму. И если он арестовывал кого-нибудь из моих друзей или родственников, обязательно на последний день жизни сажал их ко мне в камеру. Так я встречала своих сестер, своих старых знакомых, великих ученых и славных князей, знаменитых писателей и замечательных музыкантов. И в последний день своей жизни они узнавали горькую правду. О, как я умоляла сохранить им жизнь! Но мой сынок был неумолим. Он получал удовольствие от убийства. Под масками все одинаково счастливы, повторял он. А тех, кто сомневается в этом, приходится убивать. Он приказал расписать цветочками все тюрьмы, веселыми узорами — крепости и бастионы. Все сильнее становилась его власть над страной, и все хуже жили люди в счастливом государстве масок. Он замыслил покорить другие миры. Но как это сделать? Он прослышал о том, что есть базы странников, где хранится абсолютное топливо и абсолютное оружие. Он разослал своих шпионов по всем планетам. Он постепенно превращал всю пла-

нету в военный лагерь. Планета разорялась, и все больше людей понимали, что дальше так жить нельзя. В страхе перед этим недовольством Зовастр казнил все новых и новых людей. Страшно было сказать лишнее слово на улице — тебя хватали, и ты не выходил живым из тюрьмы.

Люди проклинали императора. Они проклинали моего убитого мужа, они проклинали меня, потому что на приемах и торжествах вместо меня, в моих одеждах и в маске, рядом с узурпатором сидела актрисочка, которая играла мою роль. И кому могло прийти в голову, что все это обман, что вся планета живет обманом?

И я в тюрьме с жадностью ловила слухи о недовольстве народа, надеясь, что мое унижение не вечно. Я решила: вытерплю все, чтобы дождаться его гибели. В конце концов зло всегда терпит поражение. Только иногда приходится ждать очень долго. И только ненависть помогла мне жить.

— О, ужас! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наша бедная императрица!

— Три года назад, — продолжала императрица Моуд, — агенты Зовастра донесли, что база странников находится на этой планете. Он сразу послал сюда корабль, чтобы его разведчики искали базу и уничтожали всех, кто приблизится к планете.

— И потому они напали на меня, — сказал Тадеуш.

— Да, поэтому они напали на вас. И вскоре после этого меня охватила надежда: я узнала, что в столице началось восстание. Народ не выдержал жестокого гнета в империи улыбающихся масок. Даже в моей камере было слышно, как гремят пушки. Я надеялась, что освобождение близко, но внезапно дверь в мою темницу открылась, меня связали и вывели наверх. Стояла ночь. Над городом тянулся черный дым, сверкали костры пожаров, слышалась перестрелка. В закрытой машине меня отвезли на космодром, где снаряжался к полету флагманский космический корабль, который раньше назывался «Справедливость», а теперь был переименован во «Всеобщее умиление». Мой пасынок уже ждал меня на корабле. Оказывается, он решил бежать. Он кипел гневом, но был бессилен. Он решил перелететь сюда и оставаться здесь, пока не отыщет базу странников. Она нужна ему не для счастья народа, она нужна ему для того, чтобы мстить народу.

— Меня увезли насильно, — сказала Меркэ. — Здесь не только его друзья, здесь немало и таких, кто попал на корабль не по своей воле.

— Знаю, — сказала императрица. — Люди сла-

бы и разобщены. Трудно первому пойти в бой. Потому что первые погибают. Я сначала удивилась, почему он меня не убил. Но потом поняла: я нужна ему живой. Он хочет, чтобы я присутствовала при его торжестве. Когда он захватит сокровища странников, когда он вернет себе власть и зальет кровью нашу планету, я должна стоять рядом с ним и видеть его триумф. А уж потом он сможет спокойно меня убить…

— И вы сидели в этом подземелье? — спросила Алиса.

— И в этом мое преступление, — ответила тихо императрица. — Я надеялась, что он не найдет никаких сокровищ. Я надеялась, что произойдет чудо — восстанут те, кто его здесь окружает. Я надеялась, что жители нашей планеты отыщут узурпатора и прилетят сюда, чтобы уничтожить его. Я ждала, что сюда прилетит патрульный крейсер Галактического содружества и его арестуют. Я надеялась, потому что боялась смерти. Но бояться и ждать — значит губить других людей. И только сегодня девочка Алиса доказала мне, насколько я была не права. И потому я выхожу на бой. Возможно, на последний бой.

Алиса поймала удивленный взгляд Аркаши. Конечно, он, как сдержанный человек, ничем не

показал своего удивления, но одно дело — лететь в космос с Алисой Селезневой, ученицей твоего класса, другое — узнать, что эта обыкновенная девочка совершила какой-то таинственный подвиг, за который ее объявляют принцессой. Пашка тоже молчал, но на Алису не смотрел. Конечно, не нужны ему престолы и империи, но почему не он совершил подвиг? Почему?

— По моим расчетам, узурпатор вернулся и прошел в тронный зал, — сказала императрица. — Вы поняли, почему я должна сорвать с него маску?

— Поняли, — ответил за всех Тадеуш. — Пани императрица хочет, чтобы все увидели его настоящее лицо.

— Ты прав, мой дружок, — сказала императрица. — Теперь все мужчины должны отвернуться. Мы с Меркэ поменяемся одеждой. Принцесса Алиса, я позволяю тебе помочь мне одеться.

Грозная Ирия

Пролетев раскаленным метеором над планетой, Ирия затормозила над скалами. К счастью, скафандр выдержал стремительный спуск и теперь медленно остывал. Гай-до все время поддерживал с ней связь.

— Госпожа, — сказал он, когда Ирия пролетала над большим озером, из глубины которого поднимались и лопались громадные пузыри газа, — в районе, куда вы летите, заметна активность. Из недр горы все время выезжают груженые повозки, в ущелье видны люди. Полагаю, что враги отыскали базу странников.

— Ничего удивительного, — ответила Ирия. — Этого следовало ожидать.

— Повозки поднимаются по ущелью, переваливают через невысокую горную гряду и исчезают в большом кратере.

— Спасибо, — сказала Ирия. — Значит, у них здесь есть постоянное убежище…

— Или замаскированный космический корабль.

Теперь Ирия летела осторожно. Все правильно.

Вот вход в базу. Неподалеку по ущелью шагает повозка, груженная контейнерами. Ирия задержалась возле входа на базу, ожидая, что оттуда появится еще кто-нибудь, но никто больше не выходил.

Ирия полетела за последней повозкой. На ней сидели несколько человек, одетые в яркие одежды. Почему-то все они непрерывно улыбались.

Так, за последней повозкой, Ирия добралась до входа в корабль.

— Вижу вход, — сообщила она Гай-до. — Ты меня хорошо слышишь?

— Отлично, — ответил Гай-до. — Но учтите, что, когда вы будете внутри, связь может ухудшиться.

— Знаю, — ответила Ирия.

В этот момент широкий грузовой люк корабля «Всеобщее умиление» начал медленно закрываться.

Ирия поняла, что нельзя терять ни секунды. Она включила двигатель скафандра на полную мощность и снарядом влетела в корабль.

Два стражника в масках, которые дежурили у люка, еле успели отскочить в стороны. Ирия затормозила. Ни один нормальный человек не выдержал бы такого торможения. Но недаром

Ирия все детство провела в тренировках. Она только поморщилась от боли и тут же точным ударом в солнечное сплетение отправила в нокаут одного стражника, а второго схватила за руку, выбила оружие, завернула ему руку за спину и приказала:

— Веди к главному!

Стражник дергался, мычал, бормотал что-то на непонятном языке.

— С тобой говорят на космолингве, — сообщила Ирия. — Если ты меня не понимаешь, значит, жить тебе осталось одну минуту.

Стражник сразу понял, чего от него хотят, и побрел, согнувшись, по коридору.

— Выпрямись, — приказала Ирия, — а то подумают, что я тебя веду. Ты идешь сам. А ну, выпрямись. И улыбайся.

— Я всегда улыбаюсь, — буркнул стражник.

— На тебе маска?

— На всех маски.

— Слушай меня: на днях сюда привезли пленников с Земли. Где они?

— Мне пленников не показывают, — сказал стражник. — Их Вечный юноша для себя держит.

— Где держит?

— В палате госпиталя, — сказал стражник.

— Веди меня туда.

Стражник неуверенно двинулся вперед, будто раздумывал, куда идти.

— Учти, — сказала тогда Ирия, — если ты меня обманешь и заманишь в другое место, я погибну. Но первым погибнешь ты. Понял?

Стражник решил не испытывать судьбу. Он провел Ирию к палате самым коротким путем. На счастье, никто им не встретился. Ирия не знала, что большинство жителей корабля собрались в тот момент в тронном зале, где Вечный юноша должен был выступить с речью.

— Вот здесь, — сказал стражник, остановившись перед дверью с голубыми незабудками.

— Попробуй, — приказала Ирия, — открыта ли дверь?

— Дверь заперта, — сказал стражник. — А ключей у меня нет.

— Проверим, — сказала Ирия. Она сильнее загнула назад руку стражника и толкнула его вперед так, что он ударился головой о дверь. От этого удара дверь распахнулась, а стражник пролетел метров десять вдоль прохода и замер, шмякнувшись животом об пол.

Ирия увидела ярко раскрашенную комнату с двумя рядами кроватей. Но на кроватях никого

не было. Только на стуле посреди комнаты сидела женщина в рубище. От удара в дверь она вскочила и приложила руки к груди.

— Они ушли, — сказала оборванка. — Никого нет.

— Куда?

— В тронный зал.

— Покажите мне туда дорогу.

— А вы не причините вреда императрице?

— Мне нужно освободить пленников.

— Пойдемте. — Медсестра Меркэ выскользнула в коридор.

Стражник, услышав, что дверь закрылась, приподнялся и дотянулся до кнопки на стене. По кораблю прокатился пронзительный рев сирены.

— Тревога! — закричала Меркэ.

— Тогда скорей! — крикнула Ирия.

— Слушаюсь, господин, — сказала Меркэ, подобрала юбки и побежала по коридору. Она была уверена, что человек в скафандре — отважный мужчина, боец с патрульного крейсера Галактического центра.

Разоблачение Зовастра

Когда императрица Моуд и Тадеуш в медицинских халатах и улыбающихся масках вошли в зал, гоня перед собой трех робких пленников, там уже собрались все обитатели корабля.

В другую дверь вошел Вечный юноша. Он был взволнован, ломал пальцы, подергивал плечами, приплясывал. За его спиной стали два телохранителя с автоматами.

— Слава! — закричал он, вскочив на сиденье трона, чтобы его лучше видели. Рот его широко раскрывался, руки и ноги суетились, но улыбка оставалась застывшей, и оттого зрелище было жутким. — Слава мне! Слава богам! Сокровища странников наши! Мы возвращаемся на нашу многострадальную планету, которую захватила кучка негодяев, посмевших поднять руку на меня, вечного и бессмертного императора! И пускай час моего торжества будет часом гибели наших врагов! Ура! Слава!

— Слава! Ура! — подхватили стражники и придворные.

Вдруг взор императора остановился на кучке пленников.

— Кто разрешил их привести сюда? — спросил он.

— Простите, ваше величество, — сказала императрица измененным голосом, подражая голосу Меркэ. — Доктор Мезальон приказал привести пленных, чтобы они видели момент вашего торжества.

И она поклонилась императору.

— Верно, — согласился император. — Подведите их сюда. Пускай падут мне в ноги. И, может, я подарю им жизнь. Я сегодня добрый.

Люди вокруг расступались, одинаковые улыбающиеся маски жутко глядели со всех сторон.

Узурпатор в нетерпении подпрыгивал на троне. Затем соскочил вниз, уселся на трон.

— Целуйте мне ногу, — приказал он, вытянув перед собой блестящий сапог. — Ну же, на колени! Ползите сюда!

По незаметному знаку госпожи Моуд Алиса и Аркаша упали на колени. Но упрямый Пашка и не подумал. Он стоял, гордо подняв голову. И чуть было все не испортил.

— Опустись, Пашенька, — умоляла его Алиса.

— Стража! — приказал узурпатор. — Покажите этому мерзавцу, как надо себя вести!

Один из стражников выхватил из-за пояса

плеть. Но ему не пришлось пустить ее в ход. Тадеуш был быстрее, он так ловко толкнул Пашку в спину, что тот растянулся на полу.

— Молодец, доктор Мезальон! — расхохотался узурпатор.

Пашка пытался подняться, но Алиса и Аркаша вцепились в него.

Император от души веселился, глядя, как пленники возятся у его ног.

И вдруг замер. Рука его поднялась. Палец уткнулся в Алису.

— Нет! — закричал он. — Не может быть! Она же в подземелье!

«Все погибло, — успела подумать Алиса. — Как же мы забыли, что он меня знает!»

И ни она, ни император не заметили, что в этот момент ложная медсестра быстро поднялась на возвышение у трона.

— Слушайте меня, жители моей планеты, — произнесла она низким, властным голосом и резким движением сорвала с себя маску.

Гул изумления прокатился по залу. Все узнали императрицу.

— Вас обманули! — продолжала она. — Это самозванец.

Узурпатор так растерялся, что поднес ладони к

лицу, словно испугался, что с него сорвут маску.

— Смотрите же! — Императрица с силой оторвала ладони Зовастра от его лица.

— Нет! — завопил узурпатор.

Императрица рванула маску так сильно, что она разорвалась. И все увидели потное от страха, бледное остроносое лицо Зовастра — ничем не примечательное лицо, не старое.

По залу прокатился крик ужаса.

— Вы узнаёте его? — продолжала императрица. — Это мой недостойный сын. Он не только убил нашего законного императора, но и заточил меня в подземелье. Мои друзья, — императрица показала на Алису, которая уже поднялась на ноги, — помогли мне прийти к вам и сказать правду. Правда всегда в конце концов побеждает, но, если мы не поможем ей, она может победить слишком поздно.

Императрица не видела, как растерянность на лице узурпатора уступает место гримасе ненависти.

Он отпрыгнул в сторону.

— Стреляйте в нее! — крикнул он телохранителям. — Убейте ее! Это ведьма!

— Я ведьма? — Императрица подняла руку, останавливая движение Тадеуша, который бро-

сился ей на помощь. — Ты, жалкий червяк, после всего, что совершил, осмеливаешься оскорблять меня? Тебе нет прощения!

И императрица подняла руку с бластером.

Но не успела выстрелить.

Сразу несколько выстрелов поразили ее. Стрелял сам узурпатор. Стреляли его телохранители, и стреляли друзья Зовастра, что толпились тесной кучкой за троном.

— Проклинаю! — произнесла громко императрица и при полном молчании пораженного зала опустилась на пол.

— Вот так! — закричал в бешенстве узурпатор. — Так будет со всеми, кто осмелится поднять на меня руку. Не вам меня судить! У меня власть и сила. Всех казнить!

Он показал на Алису и остальных пленников. Но ужас, охвативший всех, даже телохранителей, был так велик, что ни один из них не тронулся с места.

Алиса кинулась к императрице и приподняла ее голову.

— Не умирайте! — заплакала она. — Только, пожалуйста, не умирайте!

— Ах так, вы смеете мне не подчиняться! — Император направил бластер на Алису.

Но тут в дверях послышался страшный шум и грохот. Влетели кучкой стражники, метнулись во все стороны зрители. Словно сверкающая молния, ворвалась в зал фигура в космическом боевом скафандре.

Луч бластера вонзился в потолок.

— Всем стоять на месте! — прогремел громкий голос.

И при виде фигуры в скафандре нервы узурпатора не выдержали.

— Патрульный крейсер! — крикнул кто-то в зале.

— Патрульный крейсер! — завопил узурпатор и

кинулся прочь из зала. За ним побежали два или три его дружка.

— Ирия! — Голос Тадеуша перекрыл шум зала.

Он сорвал маску и побежал навстречу жене.

— Тадеуш, миленький, я так за тебя боялась, — сказала Ирия. — Тебя никто не обидел?

А в зале творился страшный переполох. Многие кинулись вслед за узурпатором, чтобы его поймать, другие окружили тесной толпой лежащую на полу императрицу.

Императрица открыла глаза и увидела рядом с собой плачущую Алису. Она сделала попытку подняться, и сразу десятки рук помогли ей.

Императрица Моуд положила слабую руку на голову Алисе и сказала:

— Уходя от вас, я передаю всю власть над планетой этой девочке. Она оказалась сильнее и смелее всех нас, вместе взятых. И я горда тем, что судьба свела меня с этой девочкой. Клянитесь же в верности ей!

— Клянемся!.. — прокатилось по залу. — Клянемся!

Люди срывали с себя маски и топтали их.

— Я скажу вам, что сделала эта… — И тут голос императрицы оборвался. Голова ее склонилась.

— О горе! — послышался чей-то голос. — Импе-

ратрица скончалась!

И горький стон прокатился по залу.

Вдруг корабль содрогнулся от толчка. Сразу шум в зале оборвался. Люди прислушивались: что случилось?

В зал вбежал один из тех, кто гнался за узурпатором.

— Самозванец убежал! — закричал он. — На спасательном катере.

— Это очень опасно, — сказал пожилой человек, который стоял, наклонившись над императрицей. — На спасательном катере есть запас топлива и оружие.

— Гай-до, — сказала Ирия в микрофон, — ты меня слышишь?

— Я все слышу, — отозвался корабль.

— Сейчас от нашего корабля отделился спасательный катер. В нем находится опасный преступник. Приказываю тебе следовать за ним, находясь на безопасном расстоянии. Ты должен установить, куда он держит путь. Ты меня понял?

— Вижу спасательный катер, — отозвался Гай-до.

Но голос его слышала только Ирия. Сотни людей в зале молча смотрели на нее. Тогда Ирия

включила динамик на полную громкость.

— Ты сможешь идти за ним? — спросила она.

— Он идет с большим ускорением. Полагаю, что для разгона он использует топливо странников. В открытом космосе мне его не догнать.

— Придумай что-нибудь, Гай-до, придумай, друг! — сказала Ирия.

— Принял решение, — ответил Гай-до. — Иду на сближение на встречном курсе.

— Ты что задумал?

— У меня нет выхода, — ответил Гай-до. — В меня стреляют.

— Гай-до, береги себя!

— Направляю удар в ходовую часть спасательного катера, — сказал Гай-до. — Намерен лишить их хода.

— Гай-до, не надо! — закричала Ирия. — Ты погибнешь!

— Прощай, моя любимая госпожа, — сказал Гай-до. — Передай привет Алисе и ее друзьям. Я их полюбил. Как жаль, что мы не сможем участвовать в гонках!

В зале стояла страшная тишина. Люди даже боялись дышать.

— Включите экраны! — закричал кто-то. — Включите экраны!

Под потолком тронного зала загорелись экраны внешнего обзора. На одном видно было небо, и по нему, быстро сближаясь, двигались две звездочки. Было видно, как одна из них несется на вторую. Вторая меняет курс, стараясь избежать столкновения. Но первая, как упрямая оса, снова сближается.

— Ты боишься меня, узурпатор! — раздался голос Гай-до. — Хочется жить!

И вторая звездочка — видно, и в самом деле нервы Зовастра не выдержали — резко развернулась и пошла на снижение. Гай-до не отставал от императора.

В гробовом молчании все смотрели, как звездочки, увеличиваясь, стремительно приближаются к планете.

На втором экране появилось изображение каменистой равнины. Именно там опустились оба корабля. Вот сел, ударился о камни Гай-до. Вот снизился, как затравленный волк, спасательный катер императора. В нем открылся люк. Из люка выскочил человек.

— Он убежит, — пронесся по залу ропот. — Надо догнать его.

— Он безопасен, — сказала Ирия. — Мы его поймаем.

Узурпатор отбежал от спасательного катера. В руке у него был бластер.

И вдруг все увидели, как из-за камня выкатился серый мяч. Узурпатор остановился, погрозил мячу бластером. Но мяч уже был не один, сотни мячей выкатывались со всех сторон и катились к Зовастру. Луч бластера бил по мячам. Но все новые и новые мячи выкатывались из-за камней. Наконец луч бластера потускнел, узурпатор отбросил оружие прочь и побежал от мячей.

— Они его убьют? — спросил Пашка.

— Как они могут его убить? — возразил Аркаша. — У них и рта нету.

Но мячи уверенно и упорно гнали перед собой убийцу.

Он выбежал на берег озера. Мячи серой массой покрывали берег.

— Они мстят, — сказала Алиса. — Они мстят за Дикодима и его детей.

Узурпатор вбежал в озеро. Он думал, что он в безопасности, но тут первая шеренга мячей тоже вошла в воду и поплыла за ним. Все глубже и глубже входил в воду узурпатор. Вот он поплыл. Мячи замерли, словно отказались его преследовать. И тут все поняли почему.

Перед плывущим императором из воды поднялся огромный многометровый гейзер. Столб воды поднял махонькое тельце императора к небу, а затем рухнул вниз. Лишь круги пошли по воде…

— Все, — сурово сказала Ирия. — Нам не придется его ловить.

В зале нарастал гул. Впервые за много дней люди могли посмотреть друг на друга спокойно, без страха. Некоторые прятали глаза, другие хмурились, третьи были серьезны, четвертые радостны.

И, перекрывая шум, издалека донесся голос Гай-до:

— Госпожа… Госпожа, я жив. Я жду тебя…

Что же ты натворила?

В тот же день Алиса и ее друзья полетели на берег озера, в котором утонул узурпатор Зовастр. Ни одного серого мяча на берегу они не встретили: те опасались людей и не скоро еще станут относиться к ним без опаски.

Гай-до, поврежденный при посадке, лежал на берегу. От удара вылетела заплата, поставленная на Земле.

— Я его обманул, — тихо сказал Гай-до. — Он поверил, что я пойду на таран. Но я ведь всего-навсего робот. Я не могу причинить вреда человеку, даже если он очень плохой.

— Но он забыл об этом, — сказал Аркаша. — И перепугался. Иначе тебе бы его не догнать.

— Простите, друзья, — сказал Гай-до, — что я так неудачно приземлился. Я спешил…

— Несчастный старик, — произнес Тадеуш. — Одно утешение: он прожил героическую жизнь.

Ирия, затянутая в черный сверкающий комбинезон, стройная, быстрая в движениях, ничем не похожая на ту нежную красавицу, что встретила Алису в лесу под Вроцлавом, ответила:

— Еще посмотрим.

В ее голосе звучала сталь. И Алиса подумала, что даже Тадеуш немного робеет перед женой: такой он ее никогда раньше не видел.

— Погуляйте, — сказала она. — Я вас позову.

Но никто не ушел. Все стояли за ее спиной и смотрели на Гай-до.

Всем было грустно. Но по-разному. Алиса жалела кораблик, который хотел летать, любил свою госпожу и был куда больше человеком, чем негодяй Зовастр. Пашка расстраивался, потому что сорвались гонки. А ведь он был почти уверен, что победит. Аркаше было очень жалко, что пострадало замечательное изобретение — второго такого кораблика во Вселенной уже не будет. А Тадеуш беспокоился: вдруг невероятные изменения, что произошли с его любимой Ириечкой, останутся в ней навсегда? Сможет ли он полюбить ту незнакомку, что, оказывается, скрывалась в его нежной Ирии? Эти тревожные мысли заставили его спросить:

— Как там наша Вандочка?

На что Ирия совершенно спокойно ответила:

— Не беспокойся, она с твоей мамой.

И с этими словами она скрылась внутри Гай-до.

Часа два Ирия провела в кораблике. Остальные далеко не отходили: а вдруг понадобится помощь? Иногда изнутри доносились вздохи, Гай-до страшно страдал, а Ирия Гай, разбираясь в повреждениях, совсем его не жалела.

Потом Алиса пошла к озеру. Через каждые десять минут над озером поднимался высокий фонтан воды и с грохотом обрушивался вниз. Маленький серый мячик выкатился из-под камня и осторожно покатился к Алисе. Алиса замерла, боялась шелохнуться, чтобы не испугать малыша, но из-за камней раздался предупредительный свист, и мячик стремглав покатился обратно.

Подошел Пашка. Сел рядом на камни.

— Я тут поговорил с ребятами, — сказал он. — Они могут дать нам спасательный катер. Только, боюсь, скорость у него мала.

— Кто эти ребята? — спросила Алиса.

— Из экипажа «Всеобщего умиления». Приглашали меня к ним стажером.

— Неужели не согласился? — спросила Алиса.

Пашка почуял подвох в вопросе и ответил равнодушно:

— Не буду же я им объяснять, какая у меня несознательная мать.

— Да, — согласилась Алиса. — С Марьей Тимо-

феевной тебе не повезло. Она не оценит твоих способностей.

— Сама хороша! — вдруг озлился Пашка. — Наследная принцесса! Вот расскажу в школе ребятам, они со смеху лопнут.

— Не стоит рассказывать, — ответила Алиса серьезно. — Мы с тобой понимаем, что все эти королевства и империи — вчерашний день человечества. А ведь императрица говорила все это серьезно. И потом умерла. Для них это не шутки.

— Ладно, понимаю, не маленький. Им после этого узурпатора лет десять придется приводить планету в порядок. Ты туда полетишь?

— Может, слетаю, — сказала Алиса. — Но только после того, как там будет республика.

— Правильно, — сказал Пашка.

Он помолчал, кидая камешки в озеро. На том берегу горело зарево далекого вулкана. Красное солнышко стремительно пронеслось над головами. Тени вытянулись, сократились и вытянулись снова.

— А может, все-таки расскажешь, что ты такого сделала?

— Когда?

— Не крути! Ведь не стала бы та императрица просто так престол передавать. Что-то ты на-

творила?

— Ничего не натворила, — сказала Алиса.

— Я знаю, ты скрытная, — сказал Пашка. — И теперь уж нам никогда ничего не узнать.

— Не скрытная, а скромная, — сказал Аркаша, который подошел к ним и остановился, глядя на зарево вулкана. — Ты бы уж давно всему миру возвестил о своем подвиге.

— А может, и не было никакого подвига? — спросил Пашка.

Он дразнил Алису. Любопытство убивало его.

Тогда Алиса поднялась и пошла к Гай-до. Кому нужны эти пустые разговоры? Ведь мальчики не знали императрицу, не были в подземелье, не видели пауков, не разговаривали с коварным узурпатором. А того, что люди не знают, им не объяснишь. Алисе было грустно.

Через два часа Ирия наконец вылезла из Гай-до и сказала:

— Здесь его не починишь.

— Значит, все-таки можно починить? — радостно спросил Пашка.

— Боюсь, что он уже никогда не станет таким, как прежде.

— А все-таки можно починить?

— Только на Земле, — сказала Ирия. — Или на

Вестере.

— А это сложно? — спросил Аркаша.

— Сложно, — ответила Ирия. — Вам не справиться.

— Жалко, — сказал Аркаша. — А вы нам не поможете?

— Нет, — ответил быстро Тадеуш, который только что вернулся из ближайшего ущелья, где собирал местные растения. Он не хотел терять время даром. — Ирия возвращается во Вроцлав. Нас ждут.

Ирия поглядела на Гай-до, потом на мужа. Взгляд ее смягчился, и она сказала добрым голосом:

— Тадеуш, мой любимый, пойми меня. Я была очень несправедлива к моему другу. Если бы я не забыла о нем, может, ничего бы плохого не случилось. Я очень люблю тебя и нашу малышку. Но прежде чем снова стать домашней, тихой, хозяйственной женой, я должна отплатить Гай-до за все, что он для нас сделал.

Тадеуш не стал спорить. Он был умным человеком и уже понял, что в его жене существуют два совсем разных человека. И ему придется теперь быть мужем обеих Ирий.

— Спасибо, — тихо произнес Гай-до.

— Ирия, — сказал Пашка, — я в твоем распоряжении. Ты можешь заставить меня работать круглые сутки, доставать материалы, паять, лудить, ковать, приносить гвозди…

— А что такое гвозди? — удивилась Ирия.

— Это я в переносном смысле, — сказал Пашка.

— Если в переносном, тогда не перебивай, — сказала Ирия, и Пашка сразу сник. Тогда Ирия чуть улыбнулась и добавила: — Конечно, я не откажусь от вашей помощи, друзья, потому что мне тоже очень хочется, чтобы Гай-до смог участвовать в гонках.

Перед гонками

Еще через три дня прилетел патрульный крейсер. Галактический патруль сначала получил тревожный сигнал с пассажирского корабля «Линия», где сумасшедшая пассажирка угнала спасательный катер. Когда крейсер уже был в пути, его настигла гравиграмма со «Всеобщего умиления», в которой кратко говорилось о последних событиях на планете Пять-четыре.

К тому времени Ирии с ее помощниками удалось немного подштопать Гай-до, так что он сам смог подняться на орбиту. Ирия и Тадеуш уговорили командира крейсера взять Гай-до с собой. И потому Гай-до совершил путешествие до Вестера, откуда ходят регулярные рейсы к Земле, в трюме патрульного крейсера.

Они попрощались с обитателями «Всеобщего умиления», который уже был переименован в «Императрицу Моуд», и поклялись, что на следующие каникулы обязательно прилетят в гости к новым знакомым. На прощание медсестра Меркэ и старший советник, который теперь командовал кораблем, отозвали Алису в сторону и вручили

ей официальный диплом, на котором было золотыми буквами написано, что в соответствии с последней волей императрицы Моуд Алисе Селезневой присваивается почетный титул наследной принцессы и она может в любой момент вступить во владение империей. Алиса, конечно, отказывалась, но Меркэ объяснила, что этот диплом только почетный. Неизвестно, захотят ли жители планеты новую императрицу, даже если она лучшая московская школьница. Поэтому пускай диплом останется ей на память. Тогда Алиса диплом взяла.

На Землю путешественники попали только через десять дней. Разумеется, с патрульного крейсера они послали на Землю гравиграмму. Страшно подумать, что произошло бы в Москве, если бы встревоженные родители отправились искать детей на Гавайские острова, где их никто не видел.

Когда родители получили гравиграммы с патрульного крейсера Службы галактической безопасности, в которых сообщалось, что их дети живы-здоровы, только почему-то находятся на другом конце Млечного Пути, то реагировали они на это по-разному. Алисин папа, профессор Селезнев, сказал Алисиной маме, которая собра-

лась заплакать:

— Вот видишь, с нашей дочкой ничего не случилось.

Пашкина мать, прочитав гравиграмму, разорвала ее в мелкие кусочки и заявила:

— Уши оборву!

Правда, эта угроза была в том доме обыкновенной, и Пашкины уши до сих пор остались на месте.

В доме Аркаши все Сапожковы, от прадедушки до правнуков, тети и дяди и племянники, собрались за овальным обеденным столом и долго держали совет, принимать меры или не принимать мер. Все очень шумели и переживали до тех пор, пока прадедушка Илья Борисович не сказал:

— У нашего мальчика есть склонность к научной деятельности. А эта склонность не позволяет Аркаше сидеть на месте. Я очень надеюсь, что наконец-то в нашем семействе будет второй лауреат Нобелевской премии.

Первым лауреатом был сам прадедушка. Поэтому, когда путешественники наконец объявились на Земле, их родственники уже более или менее успокоились, и они смогли без помех заняться починкой Гай-до, что оказалось нелегким делом.

Если бы не замечательный конструкторский

талант Ирии Гай и терпение Тадеуша, который взял на себя все заботы о малышке, если бы не трудолюбие Аркаши, который неделями не уходил с ремонтной площадки, если бы не помощь Лукьяныча и всех членов технического кружка школы, если бы не самоотверженность Пашки, который два раза летал в Австралию и один раз в Шанхай, чтобы добыть нужные детали, если бы, наконец, не старания Алисы, которая одна умела успокоить и утешить Гай-до, если бы не общие титанические усилия, Гай-до никогда бы не поднялся в воздух.

А так за четыре дня до начала гонок Ирия уселась в пилотское кресло, включила пульт управления, загорелись дисплеи и индикаторы, мерно зажужжали планетарные двигатели, и Гай-до спросил:

— Может, выйдем на круговую орбиту?

Голос его дрогнул от волнения.

— Один виток, — сказала Ирия.

Остальные члены экипажа, болельщики и помощники остались на Земле. Они следили за испытательным полетом по мониторам.

Легко, почти незаметно, Гай-до оторвался от земли, на секунду завис в воздухе и, набирая скорость, рванулся кверху. Он вышел на орбиту,

и Ирия заставляла его совершать сложные маневры. Сначала Гай-до осторожничал, робел, но с каждым новым удачным маневром он все смелее менял курс, переворачивался, тормозил и вновь ускорялся.

— Можно еще один виток? — попросил он Ирию, поверив в свои силы.

— Нет, — ответила она. — Для первого раза достаточно. Дальше испытывать тебя будут ребята.

— Ну, как? Хорошо? Правда, хорошо? — спросил Пашка, первым подбежав к кораблю, когда тот спустился на школьную площадку.

— Нет, — ответила Ирия. — Недостатков масса. Еще надо работать и работать.

— Но это невозможно! — воскликнул Пашка. — Гонки через четыре дня!

— Значит, надо работать еще четыре дня, — ответила Ирия. — Это уже ваша задача. Я буду прилетать к вам каждый день и проверять, что вы сделали по программе, которую я вам оставлю.

— У нас есть шансы победить в гонках? — спросил Аркаша.

— Пока нет, — ответила Ирия.

— Есть! — крикнул Гай-до.

Все засмеялись, но Ирия сказала серьезно:

— Шансов у вас мало. Я думаю, что другие

гонщики построили корабли не намного хуже, чем Гай-до. И их корабли не попадали в такие переделки.

— Не расстраивайся, Гай-до, — сказала Алиса, подойдя к кораблику и гладя его по еще теплому боку. — Мы постараемся.

Они проводили Ирию с Тадеушем до автобусной станции. А на обратном пути Пашка сказал:

— Завтра я работать не приду. Обойдетесь без меня.

— Что еще задумал? — спросила Алиса.

— Ничего. Просто я знаю, что мы все равно победим.

— Пашка, признавайся, что ты еще задумал! — потребовал Аркаша. — Моя интуиция говорит, что ты опасен.

— Интуиция тебя обманывает, — сказал Пашка.

Правда, на следующий день он пришел на площадку, и они работали, но после обеда он исчез. На третий день вообще зашел на полчасика, зато слетал за это время в Шанхай посмотреть на корабль китайских ребят и в Тбилиси. Алиса сердилась на него, говоря, что он — турист. Аркаша молчал. Хотя был недоволен.

За день до начала соревнований всем его участ-

никам раздали отпечатанные правила.

Они уселись в кают-компании Гай-до и прочли их вслух.

— Ну что ж, ничего нового, — сказал Аркаша. — Взлет из пустыни Гоби. Облет вокруг Луны, возвращение в заданную точку. Двигатели только планетарные, топливо только обыкновенное, жидкое. Ты чего надулся, Пашка?

— Я надулся? — Пашка поднял брови. — Ничего я не надулся. Просто я думаю. На мне, как на капитане, лежит большая ответственность.

— Хорошо, — сказала Алиса. — На всех нас лежит ответственность. Поэтому я предлагаю разойтись по домам и хорошенько выспаться. Вечером перегоним Гай-до в пустыню Гоби. Старт в десять утра по местному времени.

Гонки

Громадная плоская каменная равнина в то утро преобразилась. Вокруг долины, с которой должны стартовать корабли, реяли под ветром громадные флаги и вымпелы. Множество киосков с сувенирами, прохладительными напитками, мороженым радовали глаз. Тысячи и тысячи флаеров, аэробусов, стратолайнеров слетелись к полю. Когда Гай-до подлетел к месту старта, поле казалось усеянным разноцветными божьими коровками и яркими бабочками.

Посредине, на свободном круге диаметром в три километра, стояли гоночные корабли.

Всего их было сто шестьдесят три.

Гай-до, далеко не самый большой, новый и красивый из кораблей, скромно стоял почти в середине поля. Ирия Гай с Тадеушем с трудом отыскали его.

— Это какая-то ярмарка, — сказала Ирия. — Совершенно несерьезно.

Алиса, которая в последний раз проверяла дюзы Гай-до, потому что тот неожиданно заявил, что у него там что-то «чешется», обернулась на

голос и не сразу узнала отважную Ирию, потому что с ней снова произошла метаморфоза.

Перед Алисой стояла скромная молодая женщина в легком голубом сарафане. Голову ее прикрывала от яркого солнца белая косынка. На руках женщина держала младенца, который с удивлением крутил головой, очень внимательно вглядываясь в космические корабли. Сзади стоял Тадеуш, лицо у него было счастливое и спокойное. Такая жена его устраивала больше, чем амазонка.

— Ого, — сказал Пашка, появившись в люке корабля и увидев малышку. — Как она смотрит! Наверное, продолжит дело своего дедушки!

— Вандочка не такая, — вмешался Тадеуш. — Я ей уже купил вагон кукол и набор для вышивания. Ты меня понимаешь, Паша?

— Я-то понимаю, а мама поймет?

— Алиса, — сказал Гай-до, — скорее проверь правую дюзу индикатором гладкости. Там шершавит. Мы проиграем. Не отвлекайся.

И только тут Алиса сообразила, что кораблик даже не поздоровался со своей госпожой. Он с утра был совершенно не в себе, так боялся опозориться.

И вдруг молодая женщина сверкнула сирене-

выми глазищами и сказала мужу:

— Подержи малышку.

Она сделала решительный шаг вперед, отобрала у Алисы индикатор и с головой ушла в дюзу.

Тадеуш встревожился.

— Милая, — робко сказал он, — может быть, здесь обойдутся без тебя?

Но вокруг стоял такой грохот, так громко играли оркестры, так отчаянно перекликались гонщики, так натужно ревели в последних проверках двигатели кораблей, что, конечно, никто не услышал Тадеуша.

Подошли два китайских мальчика. Поздоровались с Пашкой. Это были его старые друзья и соперники из Шанхая.

— Хороший корабль, — сказал Лю.

— Очень красивый корабль, — сказал Ван.

Китайские гонщики были близнецами. Они были очень похожи, но не совсем одинаковы. Поэтому любой мог их отличить друг от друга. Правда, никто, кроме их мамы, не был уверен, кто из них Лю, а кто Ван.

— Мы постараемся тебя обогнать, Паша, — вежливо сказал Лю. Хотя, может быть, это сказал Ван.

Подбежала девочка из афинской школы, зна-

комая Алисы.

— Ты летишь? — спросила она.

— Да.

— А меня не взяли. Мы в классе тянули жребий. Я вытащила пустую бумажку.

Над громадным полем ударил гонг. Звук его как будто свалился с неба. Сразу шум стих, но через несколько секунд возник вновь и, быстро нарастая, заполнил поле.

— К старту приготовиться! — послышался голос главного судьи соревнований Густава Верна, троюродного правнучатого племянника великого фантаста Жюля Верна.

Болельщики и зрители отходили от кораблей.

Ирия выскочила из дюзы.

— Не успела, — сказала она. — Когда вернетесь, доделаем. Я же просила Пашу проверить дюзы. Почему ты этого не сделал?

Капитан корабля, раздобывший где-то настоящий мундир капитана Дальней разведки, который был ему велик, отвел взор в сторону и сказал равнодушно:

— Я делаю ставку не на это.

— На что бы ты ни делал ставку, — ответила Ирия Гай, — это не избавляет тебя от обязанностей перед кораблем.

— Ты слишком строга к капитану, — сказал Гай-до.

Корабль знал цену Пашкиным недостаткам, но, как и многие другие Пашкины друзья, склонен был ему многое прощать. В этом таится какая-то загадка. Алиса по себе знала, иногда ей хотелось Пашку убить. А через полчаса стараешься вспомнить: почему ты хотела убить этого замечательного парня? И не вспомнишь.

— Я доверила Гераскину самое дорогое, что у меня было в жизни, — корабль Гай-до. И не потерплю, чтобы с ним так обращались! — возмутилась Ирия.

Алисе захотелось напомнить ей о первой встрече, когда она с трудом вспомнила Гай-до, брошенного на свалке. Но зачем напоминать людям об их слабостях? Они только сердятся.

Второй раз ударил гонг.

— Провожающим покинуть поле! — раздался голос Густава Верна. — Экипажам занять места в кораблях.

— Топливо проверили? — нервно спросила Ирия.

— С топливом обстоит так… — начал было Гай-до, но Пашка его перебил:

— С топливом все в порядке.

— Я буду ждать, — сказала Ирия. Потом добавила: — Как бы я хотела полететь с вами!

— С нами нельзя, — сказал Пашка. — Это школьные гонки.

— Неужели я не понимаю? — улыбнулась Ирия, и в глазах у нее сверкнули слезы. — Я же пошутила. Тадеуш, ты где? Малышка, наверное, проголодалась.

Но малышка на руках Тадеуша и не думала о еде, она восторженно глазела на Гай-до.

— По местам! — приказал Пашка.

— По местам! — на разных языках закричали капитаны из восьмидесяти разных стран.

Провожающие и болельщики уже покинули поле.

Экипаж Гай-до занял свои места. Пашка и Алиса в креслах у пульта управления. Аркаша сзади, в кресле механика.

Через пять томительных минут прозвучал третий удар гонга.

Во всех кораблях и корабликах раздался голос Густава Верна:

— Начинаю отсчет. Старт — ноль! Тридцать… двадцать девять… двадцать восемь…

— Ты готов, Гай-до? — спросил Пашка.

— Я готов, — ответил кораблик.

— Открыть клапан левого топливного бака, — приказал Пашка. — Топливо поступает?

— Поступает, — ответил Гай-до.

— Семь… шесть… пять… четыре… три… два… один…

— Ключ на старт! — приказал Пашка.

И одновременно сто шестьдесят три корабля взмыли над полем космодрома.

Победа и поражение

Это было чудесное зрелище. Никогда еще в истории Земли не стартовало столько кораблей одновременно.

Десятки тысяч зрителей захлопали в ладоши и замахали руками.

Десятки миллионов телезрителей закричали: «Ура!»

По правилам при подъеме корабли не должны были превышать минимальной скорости, потому что прорыв такого большого числа кораблей сквозь ионосферу вреден для Земли. Полной скорости можно было достигнуть только после того, как атмосфера Земли останется позади.

Очень многое зависело от мастерства пилотов. Корабли летели к Луне не по прямой, а по сложному маршруту, в котором надо было миновать девять контрольных пунктов.

Постепенно плотная толпа кораблей начала распадаться. Одни пропустили ту долю секунды, когда надо было включить двигатели на полную мощность, другие чуть-чуть неточно рассчитали момент первого поворота…

— Начинаем второй поворот, — сказал Пашка.

— Второй поворот начали, — отвечал Гай-до.

Постепенно Гай-до выходил вперед. У москвичей было важное преимущество: их корабль был членом экипажа, который не только выполнял приказания капитана, но и не менее других его членов стремился к победе. Гай-до знал, что Ирия наблюдает за его полетом с Земли и жадно ловит каждое слово комментатора. Пашка еще мог ошибиться, приборы еще могли не догадаться, но Гай-до всегда успевал исправить ошибку человека и увеличить ошибку приборов, если считал нужным.

— Первым ко второму контрольному пункту вышел корабль «Янцзы» шанхайского экипажа, — услышали они голос комментатора. — Вторым, отставая на три секунды, к пункту подходит греческий корабль «Арго». Но их настигают сразу два корабля. Судя по эмблеме на борту, это корабль тбилисской школы, где капитаном Резо Церетели, а второй… второй «Гай-до». На нем летят москвичи!

— Неплохо, — сказал Пашка. — Совсем неплохо.

— Капитан, — произнес встревоженно Гайдо, — средняя скорость китайского корабля выше нашей.

— Штурман, ты слышишь? — спросил Пашка.

— Слышу, — ответила Алиса. — У нас есть шансы обойти Лю и Вана к шестому пункту. У них маневренность хуже нашей.

— Хорошо, если будут сложности, доложить.

Пашка продолжал играть в космического волка. У него даже голос стал басовитым.

— Как дела с топливом? — спросил он.

— Расход несколько больше нормы, — ответил Аркаша. — Тяга в правой дюзе меня не удовлетворяет.

— Правильно сказала Ирия, — вспомнила Алиса. — Ты должен был проверить дюзу.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Следи за приборами. Подходим к третьему контрольному пункту.

Луна на экранах увеличилась и приближалась. Уже можно было разглядеть даже самый маленький кратер и цепочки огней лунных баз и заводов.

Третий контрольный пункт Гай-до прошел четвертым. Но тонким маневром, который они провели с Алисой, к четвертому пункту, который был недалеко от Луны, им удалось обойти грузинский экипаж. Впереди шли только китайцы и греки.

— А вот теперь самое главное, — сказал Пашка. — Используем притяжение Луны. Ты помнишь все расчеты, Гай-до?

— Я ничего не забываю, — ответил корабль.

— Ты можешь прибавить скорость?

— Летим практически на пределе.

— Продолжаем полет, — сказал Пашка.

Маневр перед пятым контрольным пунктом удался. Гай-до поравнялся с греческим кораблем. Но сзади, обогнав грузинский экипаж, их стала настигать черная с желтыми полосами, похожая

на осу стрелка корабля из Новой Зеландии. Рядом с осой словно привязанный шел красный диск второй чукотской школы-интерната.

Корабли летели вдоль теневой стороны Луны. Огоньки на ней были ярче. Земля скрылась из глаз.

— Мы догоняем «Янцзы»? — спросил капитан Гераскин.

— Нет, — ответил Гай-до.

— Тогда приказываю: переключить питание двигателя на резервную цистерну.

— Зачем? — удивился Аркаша. — У нас еще достаточно топлива в левом баке.

— Приказы не оспаривать! — рассердился Пашка. — Переключить.

— Исполняю, — сказал Аркаша.

— Исполняю, — повторил за ним Гай-до.

И тут все заметили, что корабль сразу прибавил скорости. Огоньки на поверхности Луны быстрее побежали назад, экипаж вдавило в спинки кресел — возросли перегрузки.

— Что случилось? — удивилась Алиса.

— Тайное оружие, — ответил капитан Пашка.

— Мы настигаем «Арго», — сказала Алиса. — При такой скорости мы обойдем «Янцзы» через шесть минут.

— Пашка, — сказал Аркаша, — объясни, что же произошло?

— Ничего, — ответил капитан. — Я вам обещал, что мы выиграем гонку. И мы ее выиграем.

— Я требую ответа, — повторил упрямо Аркаша. — Я хочу выигрывать честно.

— Ты обвиняешь меня в нечестности? — воскликнул Пашка.

— Еще не обвиняю, но подозреваю.

— Ничего удивительного, — сказал тогда Пашка. — Гай-до нашел резервы скорости.

— К сожалению, — послышался голос Гай-до, — капитан Гераскин не совсем прав. Никаких резервов во мне нет. Но топливо, которое поступает сейчас в мой двигатель, отличается от того топлива, что поступало раньше.

— Что ты туда подмешал? — спросил Аркаша.

— Ничего. Какое было, то и используем.

— Состав топлива мне неизвестен, — сказал Гай-до. — Но по всем компонентам могу предположить, что это абсолютное топливо странников.

— Пашка! — воскликнула Алиса. — Ты взял топливо на планете Пять-четыре?

— Всего одну канистру, — сказал Пашка. — На самый экстренный случай. Я думал, что оно нам не понадобится. Но настоящий капитан должен

быть предусмотрителен.

— Настоящий капитан не имеет права быть обманщиком, — сказала Алиса.

— И ты тоже! — обиделся Пашка. — Пойми же, мы как на войне. Мы должны победить. На нас надеются многие люди. Подумай, там внизу Ирия Гай. Она ради нас с тобой рисковала жизнью. Мы не можем ее подвести.

— Она тебе этого не простит, — сказала Алиса.

— Ты-то сама никогда не рисковала жизнью ради других! — сказал со злобой Пашка. — Тебе этого не понять. Тебе не понять, что мною двигает чувство благодарности.

«Как я не рисковала?» — хотела было крикнуть Алиса, но сдержалась. Она никогда не расскажет им о темной пещере, пауках и сороконожке.

— Послушай, капитан, — сказал Аркаша. — В правилах соревнований есть пункт: гонки проходят только на обыкновенном стандартном жидком топливе. Это условие соревнований. Все должны быть в равных условиях.

— Мы обходим «Янцзы», — сказала Алиса.

Они поглядели на экраны. Яркая точка «Янцзы» была уже сбоку и отставала с каждой секундой.

Из-за края Луны показалась светлая Земля в широких полосах и завитках облаков, зеленая

и голубая.

Гай-до стремительно летел к Земле.

Прошли пятый контрольный пункт. Понеслись к шестому.

— Корабль «Гай-до», — послышался голос главного судьи, — ваша скорость превышает разумные пределы. Все нормально на борту?

Пашка наклонился к микрофону, потому что боялся, что его перебьет кто-то из своих:

— На борту все нормально. Мы включили дополнительные мощности двигателя.

— Все, — сказал Аркаша, поднимаясь с кресла. — Я в твои игры, Пашка, не играю. И если мы победили, я первый скажу, что победили мы нечестно.

— Я согласна с Аркашей, — сказала Алиса.

— Что? Бунт на борту? — Пашка был оскорблен в лучших чувствах. — Я старался для всех!

— Голосуем, — сказал Аркаша.

— Голосуем, — сказала Алиса.

И тут как эхо послышался голос Гай-до:

— Голосуем.

Никто на Земле не знал, что происходит на борту Гай-до. Комментатор с удивлением говорил о том, что корабль московской школы «Гай-до» на темной стороне Луны обошел всех соперников

и сейчас проходит шестой контрольный пункт. Вторым идет «Янцзы». Его догоняют греческий и грузинский экипажи.

— Я запрещаю вам голосовать! — закричал Пашка. — На борту приказывает капитан.

— Кто за то, чтобы немедленно перейти на нормальное топливо? — спросил Аркаша.

— Я, — сказала Алиса.

— Я, — сказал Аркаша.

— Я, — сказал Гай-до.

— Тогда я отказываюсь быть капитаном, — заявил Пашка.

Не успел он это произнести, как Гай-до вздрогнул, словно налетел на невидимую стену. Корабль сам выключил резервный бак и включил левый. Скорость сразу упала почти вдвое, двигателям нужно было время, чтобы переработать получившуюся смесь, которая для Гай-до хуже, чем обычное топливо.

— Внимание! — говорил комментатор, и его голос был отлично слышен на капитанском мостике Гай-до. — Что-то происходит с московским экипажем. Скорость его резко упала. Его настигает «Янцзы».

— «Гай-до», — снова раздался голос главного судьи, — что с вами происходит?

— Перевыборы капитана, — ответила Алиса.

— Совершенно беспрецедентный случай, — изумился главный судья. — А нельзя было подождать до конца гонок?

— Нельзя, — ответила Алиса. — К тому же это наше внутреннее дело.

— Я согласен с вами, — сказал Густав Верн. — Но вы рискуете отстать от своих товарищей.

— Знаем, — сказала Алиса.

Больше она не говорила ни с кем. Она следила за приборами. Она понимала, что теперь единственный шанс не прилететь среди последних заключается в ее умении маневрировать. Гай-до тоже понял это и помогал Алисе как мог.

Скорость его немного возросла, но недостаточно для того, чтобы удержаться на первом месте.

Вот их обошел «Янцзы», затем грузинский корабль, за которым стремилась черно-желтая оса новозеландского экипажа.

У седьмого контрольного пункта Алиса и Гай-до сумели так тонко совершить поворот, что настигли грузин.

Пашка сидел за пультом, глядя прямо перед собой, будто ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг.

Впереди уже была видна Земля. Алиса и Ар-

каша старались сделать невозможное, чтобы догнать «Янцзы», но уже было ясно, что Гай-до не удастся прийти первым. Оставалась надежда на второе место.

Как ни напряжены все были, Аркаша все же не удержался:

— Если бы не махинации с топливом, мы бы, наверное, догнали «Янцзы».

— Я уже подсчитал, — ответил Гай-до. — По крайней мере мы пришли бы одновременно.

— Мы сами виноваты, — сказала Алиса. — Мы знали, кого избрали капитаном.

— Какие вы забывчивые! — вдруг сказал с горечью Пашка. — Как быстро вы забыли, зачем мы летали на планету Пять-четыре! Мы же хотели добыть топливо странников и выиграть гонку. Тогда никто со мной не спорил.

— Конечно, мы не спорили, — согласилась Алиса. — Каждому хочется найти сокровища странников. А потом там столько всего случилось, что мы о топливе и забыли.

— Нет, не забыли, — сказал Пашка. — Среди нас был один человек, который всегда помнил о долге.

— Чепуха, — сказал Аркаша, — тогда мы еще не знали, что можно лететь только на обычном

топливе. А как только мы узнали, то топливо странников стало нам не нужно. И не отвлекай Алису. Ей начинать следующий маневр.

Они пронеслись мимо девятого контрольного пункта.

Теперь надо было сбросить скорость, чтобы войти в атмосферу Земли.

«Янцзы», шедший впереди, сбросил скорость раньше, и расстояние между ним и Гай-до сразу уменьшилось.

Пашка закричал:

— Не спеши, не спеши сбрасывать! Чуть-чуть, они не заметят.

— Нельзя, — сказал Гай-до. — Это нечестно.

— И он тоже о честности! — вздохнул Пашка и снова замолчал. И молчал до самой посадки.

В последний момент Гай-до чуть не упустил второе место — черно-желтая оса новозеландцев приземлилась почти одновременно. Но фотофиниш показал, что серебряная ваза — награда за второе место — досталась все же Гай-до.

Наконец Гай-до замер на поле среди кораблей, которые один за другим снижались рядом. Надо было несколько минут подождать, пока приземлится последний из гонщиков.

Алиса сказала:

— Может быть, мы не будем никому говорить, что прилетели без капитана?

— Я согласен, — сказал Аркаша. — У Пашки есть смягчающее обстоятельство. Он сначала делает, а потом думает о последствиях.

— Я тоже согласен, — сказал Гай-до. — Ирия очень огорчится, если узнает, что мы ссорились в полете.

— Пашка, выходи первым, — сказала Алиса.

— И не подумаю.

— На нас смотрит вся планета, — сказала Алиса. — Сделай это ради Гай-до.

— Алиса права, — сказал корабль. — Может, снова будем голосовать?

— Не надо, — вздохнул Пашка. — Если вы меня так просите, то я сделаю для вас доброе дело. Хотя это не значит, что я вас простил. Мы могли быть первыми, если бы меня слушались.

Как только сел последний из кораблей, на трибуну взошел главный судья и почетные гости.

— Всех участников гонок просят подойти к трибуне, — услышали они голос Густава Верна.

Пашка вышел из корабля первым. Аркаша за ним.

— Не скучай без нас, — сказала Алиса. — Спасибо тебе, Гай-до.

— Я не буду скучать, — сказал Гай-до. — Я буду смотреть на экране, как вас награждают.

И Алиса побежала вслед за друзьями.

— Первое место и хрустальный кубок победителя всемирных гонок вручается экипажу корабля «Янцзы», город Шанхай, — произнес главный судья, подняв над головой сверкающую награду.

Он передал хрустальный кубок Вану. Хотя, впрочем, многие считают, что он передал его Лю.

— Второе место и серебряный кубок вручается экипажу корабля «Гай-до», — сказал Густав Верн. — Несмотря на то что экипажу пришлось преодолеть ряд дополнительных трудностей, московские школьники с честью вышли из положения.

Пашка первым взошел на пьедестал, принял серебряный кубок из рук судьи и поднял его над головой, чтобы его видела вся Земля.

Алиса отыскала в толпе зрителей Тадеуша с малышкой на руках. Тадеуш счастливо улыбался. А где же Ирия?

И тут Алиса увидела, как по опустевшему полю между замолкшими, неподвижными, как бы уснувшими кораблями бежит фигурка в белой косынке и голубом сарафане. Фигурка добежала

до Гай-до и прижалась к его боку.

Как и договаривались, никто не узнал о том, что случилось на борту Гай-до. Может быть, Гай-до и признался Ирии, но она не выдала его.

После гонок ребята перелетели на Гай-до под Вроцлав. Они решили: пускай Гай-до поживет у своей госпожи. А когда его новые друзья соберутся в путешествие, он обязательно полетит с ними.

Они провели три чудесных дня в домике под Вроцлавом.

В лесу, на радость Алисе, уже поспела земляника, Аркаша собрал коллекцию бабочек, а Пашка выкопал большую яму на дворе заброшенного старинного панского поместья, потому что кто-то из его новых друзей проболтался, что там есть старинный клад.

Тадеуш, который первые дни поглядывал с опаской на корабль, стоявший как башня рядом с домом, вскоре примирился с Гай-до, потому что обнаружилась удивительная вещь: стоило малышке заплакать или просто закапризничать, как ее несли к Гай-до, и при виде космического корабля девочка замолкала. Она могла часами, не отрываясь, глядеть на Гай-до. А Гай-до подслушал, как молодые парни пели на улице мазурку Домбровского, и напевал ее девочке по-польски.

Когда путешественники вернулись в Москву, Алиса повесила грамоту, где было написано, что она — наследная принцесса, у себя над кроватью. Но знакомые задавали столько вопросов, что она сняла грамоту и спрятала в ящик письменного стола.

Она вынет ее, когда соберется полететь на ту планету, где, как известно, давно уже установлена республика, но многие помнят об императрице Моуд, которая пожертвовала жизнью, чтобы разоблачить злобного узурпатора.

